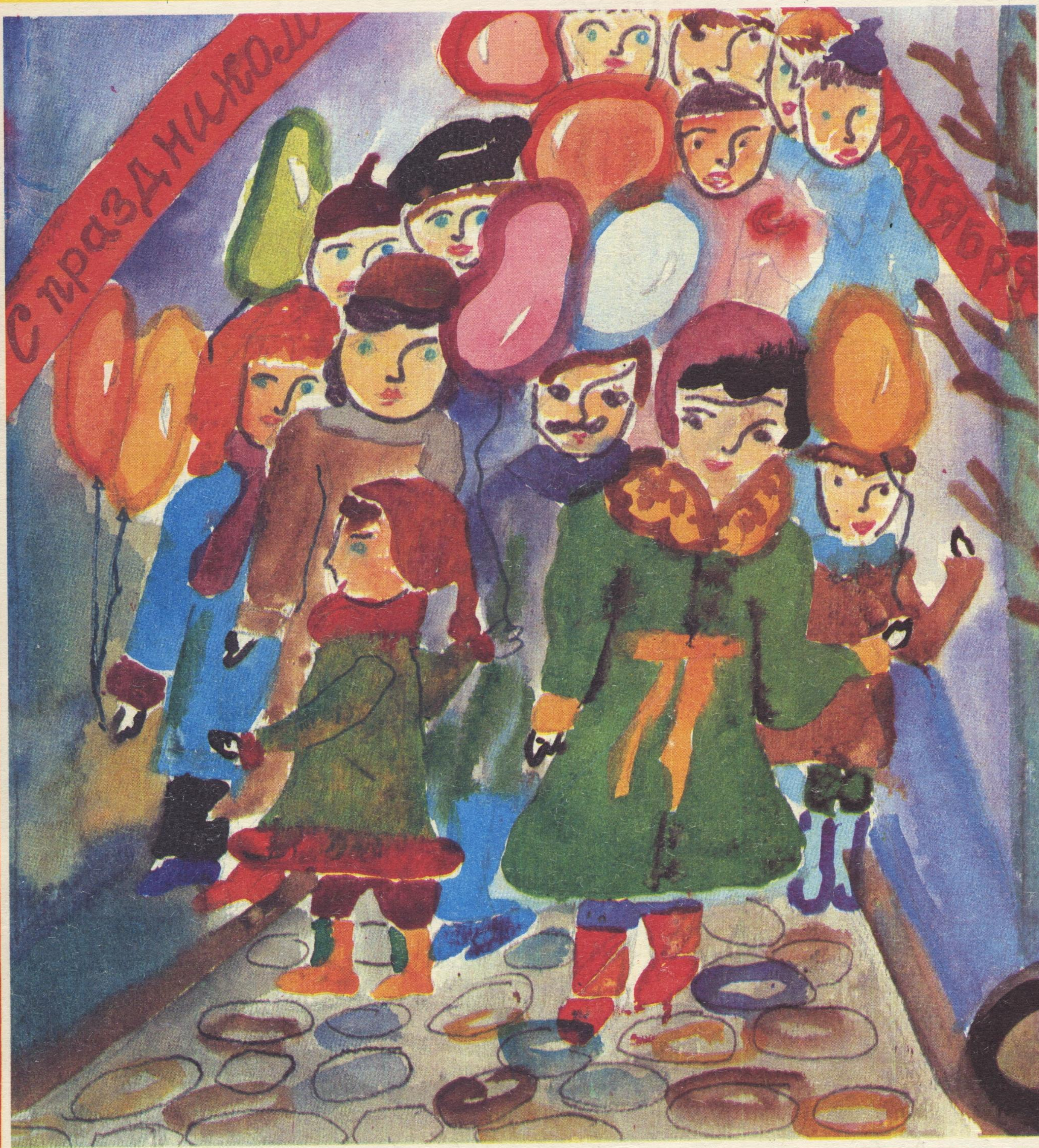

КОСТЁР

11 НОЯБРЬ 1988

КОСТЁР

11
НОЯБРЬ
1988

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© «Костер», 1988.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

«Именем Военно-революционного
комитета!..»

воспоминания
К. Краснухина

1

Коронные шестерни
рассказ А. Белинского

4

Откровенный разговор

8

Барaban

10

Когда поднимаются первыми
репортаж В. Верховского,
С. Цымбаленко

14

Ее звали Мария
хроника одного поиска

16

Стихи
Л. Фадеева

24

Неразгаданная тайна
очерк Т. Зеленковой

26

Зеленые страницы

28

Салют, увлеченные!

30

Мастер и мороз
очерк В. Соловьева

31

Морская газета

34

Клетка для буйных
фантастическая повесть
А. Тюрина и
А. Щеголева

36

Веселый звонок

44

Творчество твоих ровесников

46

Арчбек

47

На обложке рисунок
«На демонстрации»
Лена Кочнева, 11 лет,
Комсомольск-на-Амуре

Авроровцы. В первом ряду слева направо:
А. Н. Златогорский, Н. Ф. Ковалевский, П. И. Курков, А. А. Краснухин.
Октябрь 1917 года.

Фото из архива Центрального военно-морского музея

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА!..”

С детства мне помнится эта групповая фотография. Еще малышами мы — трое братьев — встав на стулья, любили рассматривать широкоплечих мужчин в красивой морской форме, с уверенным спокойствием смотрящих на нас из застекленной темно-серебристой рамки. Авроровцы!.. Отец рассказал, что снимок сделан чуть ли не на другой день после штурма Зимнего дворца и ареста Временного правительства. «Они делали Революцию» — гордо думали мы, любуясь друзьями отца.

Мы уже знали, что рядом с отцом, непринужденно скрестив руки на груди, как раз в середине, сидит «самый главный на «Авроре» в феврале-октябре 1917 года» — Петр Иванович Курков, которого с отцом долгие годы связы-

вала крепкая дружба. Он тоже был машинистом паровых машин. «А точнее, — с уважением подчеркивал отец, — Петр Иванович был не старшим машинистом, как я, а рангом повыше — машинным смотрителем».

Знали со слов отца и то, что Курков и Златогорский Андрей Николаевич возглавляли большевистскую партийную организацию в самый ответственный момент нашей истории — от февраля до октября 1917 года. Именно Куркова и Златогорского летом 1917 года команда крейсера избрала депутатами Петроградского Совета. Авроровцы в эти бурные времена всегда находились в гуще революционных событий. Они участвовали во встрече Владимира Ильича Ленина у Финляндского вокзала, когда он 3 апреля

1917 года возвратился в Петроград из вынужденной эмиграции. Они шли в колоннах мирной демонстрации 18 июня, были свидетелями расстрела демонстрантов 4 июля на углу Садовой и Невского проспекта. В феврале 1917 года, когда народ восстал против самодержавного строя, авроровцы помогали разоружать жандармов, громить полицейские участки.

Самыми волнующими воспоминаниями отца об этом героическом революционном времени были рассказы о встрече с Владимиром Ильичем Лениным. Владимир Ильич прибыл на Франко-Русский завод, где ремонтировалась «Аврора», и выступил перед рабочими с глубоким анализом происходящих революционных событий.

«Мне посчастливилось,— говорил отец.— Я, как и многие члены команды, работал на заводе вместе с рабочими, изготавливая некоторые детали корабельного оборудования. Поэтому попал почти в первые ряды митинга. Хорошо слышал каждое слово Ильича. Самое поразительное, что простыми словами, словно беседуя лично с тобой, он очень точно и доходчиво объяснил явные и тайные цели Временного правительства, всех активно действовавших тогда политических партий. У меня словно открылось дополнительное зрение: что было туманным и не совсем понятным, вдруг обрело свое четкое лицо».

...Отец вырос в бедной крестьянской семье. В безземельной семье, где, кроме него, подрастало еще пятеро детей, не было лишнего гроша, чтобы купить рыболовные крючки. «Чаще мастерил их сам,— вспоминал отец,— из чего придется. Это сейчас кругом металл, а тогда у сельского жителя каждая булавка или шпилька, каждый гвоздик строго береглись, а иголки у многих хранились наравне с деньгами...» Зимой же, в длинные темные вечера, когда морозы и плохая одежка вынуждали сидеть дома, единственным утешением были бабушкины

сказки, которых она знала множество, да рассказы «о прежнем», еще более тяжелом житье при крепостном праве.

В тринадцатилетнем возрасте родители вынуждены были прервать его немудрящую учебу в сельской школе, куда он ходил всего три года, и отдать в батраки к местному хозяину небольшой пекарни. «Был я и нянькой, и мальчиком на побегушках, и чуть ли не кухаркой»,— писал отец в своей автобиографии. «Точь-точь, как Ванька Жуков».

Когда же мальчик подрос (а был он «в услужении» целых четыре года) и превратился в мускулистого коренастого крепыша, к его многочисленным обязанностям хозяин добавил разгрузку муки, замес теста в чанах-квашнях.

Было и такое, когда подвыпивший хозяйчик начинал куражиться над своим батраком. Долго Алеша сносил оскорбления — дома умоляли терпеть, чтобы не потерять «кусочек хлеба». Но однажды, когда хозяин расходился до того, что полез на него с кулаками, терпение лопнуло: одной рукой юноша схватил зарвавшегося купчика за кулак, а другой за воротник, рванул к себе на грудь, а затем вытолкнул вверх и с силой бросил на мешки с мукой и ушел домой. На слезные уговоры матери пойти и извиниться ответил твердым «нет». Но не хотел владелец пекарни терять выгодного работника. Проспавшись, прислал собственную дочку, которая выпалила с порога: «Батя сказал — пусть Алексей идет на работу!» «Пусть добавит плату»,— решительно заявил за одни сутки многое осознавший Алеша. Пришлось хозяйской посыльной прибежать еще раз «на поклон» к отцовскому батраку. При встрече хозяин только буркнул: «подводятся, грузы быстрее». О вчерашнем никто не произнес ни слова, и только позднее, наблюдая за сноровистой работой юноши, хозяин ворчливо, но уже без былого гонора обронил: «Ну и горяч ты был вчера, парень!» Алексей промолчал, на том все и кончилось.

В 17 лет Алексей ушел от пекаря-кустаря и год проработал на железной дороге рабочим-подсобником. А в 1906 году перешел в железнодорожные мастерские, став понастоящему рабочим человеком. Затем — трехлетняя военная служба на посыльном судне «Посадник». И вот весной 1913 года отца как уже опытного машиниста переводят на крупную боевую единицу Балтийского флота — крейсер «Аврора».

...Годом раньше начал свою службу на «Авроре» Петр Курков, тогда еще беспартийный, но давно имевший тесные связи с большевистским подпольем; он тайно вел разъяснительную работу с наиболее надежными членами команды. Совместные вахты у паровых машин сблизили Куркова и Краснухина. А ненависть к самодержавным порядкам окончательно сделала их друзьями.

После июльских событий 1917 года начались аресты большевиков и активных участников революционной борьбы. Руководители большевиков «Авроры», члены Петроградского Совета П. И. Курков и А. Н. Златогорский и еще несколько человек из команды оказались в известной тогда тюрьме «Кресты». Но авроровцы вскоре добились их освобождения.

Временное правительство пыталось удалить «Аврору» на ходовые испытания, а затем отправить ее на Гельсингфорскую базу. Командиру крейсера был дан соответствующий приказ. Об этом, на исходе 21 октября, Курков телеграфировал председателю Центробалта П. Е. Дыбенко. Четкий ответ Дыбенко последовал незамедлительно: «Не выполнять распоряжения Временного правительства. Ждать санкции Центробалта...»

Накануне Октябрьского восстания на «Аврору» прибыл секретарь ВРК Владимир Александрович Антонов-Овсеенко. Ему было поручено возглавлять взятие Зимнего и арест Временного правительства. Объяснив судовому комите-

ту задачи «Авроры», условившись о сигнальном выстреле из пушки, Антонов-Овсеенко попросил судовой комитет кого-нибудь из авроровцев назначить в группу его личного сопровождения. Курков предоставил Антонову-Овсеенко несколько человек, в том числе и Краснухина.

«Алексей! — отозвал Петр Иванович его в сторону, — тебе поручено ответственное дело, во время штурма глаз не спускай с Владимира Александровича. И вот тебе, возьми, кроме винтовки, на всякий случай». С этими словами Курков передал Алексею «браунинг».

И вот, по сигналу из Петропавловской крепости, гулко прокатился над Невой, над городом, холостой выстрел носового орудия «Авроры» — долгожданный сигнал к решающей атаке на Зимний. Ударили орудия и со стороны Петропавловской крепости, но тоже холостыми — для психического воздействия на осажденных. Только несколько артиллерийских выстрелов были сделаны боевыми зарядами, и два или три снаряда ударили по Зимнему дворцу, не причинив, впрочем, большого вреда. Но все это, и лавина штурмующих со всех сторон, и сплошной треск выстрелов, изредка — взрывы гранат, могучее «ура!», окончательно сломило волю к сопротивлению защитников дворца.

— На условленном месте, — рассказывал отец, — наша группа не нашла Антонова-Овсеенко: в темноте, в бурлящей массе сделать это было непросто. А главное, потому, что он непрерывно перемещался, направляя атакующие отряды.

Добежав до огромных металлических узорных ворот во внутренний двор Зимнего, мы их сразу не смогли открыть, хотя запоры и были сдвинуты — мешало что-то вроде ограничительных цепей. Несколько матросов, и я тоже, начали быстро взбираться по ним. Одна из пуль брызнула горячим металлом, и я почувствовал резкую боль в пальцах, о которой почти сразу же в азарте забыл. Позднее увидел кровь,

но рана была пустяковой — осколками посекло кожу на пальцах.

Ворвавшись на одну из боковых лестниц, я увидел Антонова-Овсеенко. Мгновенно пробились к нему и не отступал ни на шаг. В коридорах и залах дворца — насмерть перепуганные юнкера, солдаты, офицеры. Кто убегает в глубь огромного здания, кто, побелев как мел, прижавшись к стене, безмолвно, со страхом на лице ждет своей участи. У таких на ходу выхватывали оружие и бежали дальше. Кто-то из самих защитников заискивающе направил группу Антонова-Овсеенко к Малахитовому залу. Временное правительство уже перебралось из него в более безопасное помещение рядом. Отряд толпой ворвался в последнее прибежище правителей России. И как заключительный аккорд этой грандиозной революционной волны прозвучал властный голос Антонова-Овсеенко: «Именем Военно-революционного комитета вы арестованы!» Я невольно шагнул вперед и, обернувшись к морякам, сказал: «Окружай их, братва!»

Еще месяц «Аврора» находилась в Петрограде. Ее команда участвовала в подавлении многочисленных вылазок контрреволюции, несла охрану важных объектов и революционного порядка в городе.

В начале весны 1918 года значительная часть команды была демобилизована. Мой отец был в их числе.

Вернулся он на родину со своей винтовкой, которую ему вручили «для укрепления Советской власти по месту проживания». Началась гражданская война и блокада молодой Советской республики. Очень много зависело от четкой работы железнодорожного транспорта, который был переведен на военное положение. Алексей Антонович вернулся на железную дорогу. К прежним обязанностям слесаря-ремонтника добавилась охрана эшелонов в пути. И верная винтовка снова часто оказывалась в его руках. В любую погоду, на открытых тормозных

площадках или платформах, приходилось днями и ночами сопровождать эшелоны с важными грузами. Авральные ремонтные работы тоже приходилось делать и под дождем, и в морозы, и лежа на снегу. Жестокий ревматизм и ревмокардит через несколько лет надолго вывели из строя закаленного моряка. Но даже став инвалидом II группы, отец, подлечившись, пошел работать машинистом паровых машин на местных заводах и проработал почти 10 лет.

В начале Великой Отечественной войны старый моряк попросил снова доверить ему паровые машины. Мать рассказывала, что по нескольку суток он не приходил домой, ночуя на заводе. Он дожил до великой Победы советского народа, скончавшись в августе 1945 года у себя на родине, в городе Мантурово Костромской области...

В Ленинграде, в Центральном военно-морском музее как реликвии революционных лет хранятся личные вещи А. А. Краснухина — бескозырка, в которой он штурмовал Зимний дворец, «форменка», тельняшка, а также документы и фотографии. Часто они экспонируются и в корабельном музее «Авроры» — филиале ЦВММ.

Мы с братьями, с которыми в детстве так внимательно рассматривали фотографию авроровцев, часто бываем здесь. Мы сами давно уже не молодые люди. Старший мой брат — Сергей — капитаном дальнего плавания избородил почти все моря и океаны планеты, младший — Николай — посвятил свою жизнь защите границы и много лет был начальником погранзастав. Автор этих строк длительное время находился на партийной работе, преподавал марксистскую философию.

Работают, учатся, подрастают одиннадцать человек внучатого и правнучатого поколений авроровца.

Жизнь продолжается! И какая жизнь! — за нее стоило бороться не жалея сил.

Константин КРАСНУХИН

КОРОННЫЕ ШЕСТЕРНИ

Анатолий БЕЛИНСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунки А. Борисенко

С утра Кусницкий объявил:

— Внимание, седьмой «Б»! Сегодня культпоход! На завод...

Так и случилось. После второго урока пришла Евгения Александровна и сказала: идем на завод. Мы оставили портфели в классе и пошли. До завода всего-то было два шага, рядом с нашей школой. Приборы там разные делают, это мы знали.

Перешли улицу наискосок — вот и заводская проходная. В центре большущего вестибюля — никелированная ограда с двумя вертушками. Мы прошли через вертушки, поднялись на второй этаж, длинным коридором попали к заводскому клубу — большому залу с рядами кресел. Шторы на окнах были опущены, а в зале — полумрак. Мы постояли немного, ожидая неизвестно кого. Пришел парень с толстым лицом. Поглядев на часы, он объявил:

— Я покажу вам наше производство. Только не шуметь!

Он снова поглядел на часы и начал скороговоркой:

— Завод основан в конце семидесятых годов прошлого века. Выполнял разнообразные заказы городского хозяйства: делал осветительные газовые фонари, радиаторы для парового отопления, устанавливал ванны в домах, проводил канализацию...

Кое-кто сдержанно засмеялся. Олег Максимов солидно пробасил:

— Ремонт канализации — мое будущее!..

Девчонки хихикали. Одна Оля Иванова подняла брови, она не любила таких шуток.

Парень в халате продолжал свой рассказ:

— После революции завод принимал участие в строительстве Волховской ГЭС, «Уралмаша» и многих других строек первой пятилетки.

— Тише, ребята, это же очень интересно! — сказала Евгения Александровна.

Она и две Тамары — Ильченко и Марченко, — стоя впереди, изображали интерес масс к славному прошлому предприятия.

Парень, еще раз взглянув на часы, сообщил:

— В настоящее время на нашем производстве имеется механо-заготовительный цех, цех приборов, гальванический, термический...

— ...химический, геометрический, — вполголоса продолжал перечислять Кусницкий и строил при этом дурацкие рожи.

— Я познакомлю вас с основными производствами, — сказал парень в халате. — Прошу за мной!

Мы вышли из клуба, снова прошли по длинному коридору, потом наш гид открыл какую-то дверь, и мы оказались в цехе.

Парень-экскурсовод начал что-то объяснять Евгении Александровне и двум Тамарам. Должно быть, как называются станки и для чего они предназначены. Но мы ничего не слышали, потому что растянулись цепочкой по всему пролету.

Потом все остановились, а нашего провожатого перехватил низенький толстый мужчина, и, не обращая на нас внимания, стал выяснять вопрос о какой-то синьке. Володьке Кусницкому это показалось смешным, он начал рифмовать: синька-Минька-Ванька-встанька...

Саша Блохин солидно объяснил:

— Синька — это такой чертеж.

Наш провожатый оглянулся, будто попал в западню, потом поспешно заверил толстенького человека:

— Я приду, приду сейчас.

А потом — нам:

— Тут, в механическом, не очень интересно. А вот сейчас пойдём на сборку — там у нас порядок!

Только мы собрались выйти из механического цеха, как попался навстречу немолодой мужчина в куртке, без фуражки. Наш провожатый бросился к нему:

— Иван Михалыч! Будь добр, покажи ребятам завод! Виктор Авдеевич срочно требует откорректировать чертежи. Я уже все рассказал, осталось сборку посмотреть. Ладно, Иван Михалыч?

Иван Михайлович посмотрел на нас усталыми выцветшими глазами и спросил:

— Какой класс?

— Седьмой, — ответила Евгения Александровна.

Иван Михайлович оглянулся на нашего провожатого, но того уже и след простыл. Тогда он снова повернулся к нам.

— Что вам показывали?

Мы нестройно ответили:

— Клуб показали...

— Историю завода рассказывали. Очень интересно.

— Вот этот цех смотрели.

— Нам обещали показать сборку аппаратов!..

Иван Михайлович поморщился, но глаза его глядели на нас уже не устало, а насмешливо.

— Зачем вам сборку? — поинтересовался он. — Там вы ничего не увидите. Того, что надо, не увидите.

Евгения Александровна от такого заявления несколько растерялась. А нам стало любопытно: как так — ничего не увидим?

Иван Михайлович тем временем нацелился на Володьку и спросил:

— Вот, например, ты, как тебя звать?

— Кусницкий Владимир! — ответил тот.

— Ты хочешь стать рабочим?

— Нет.

Иван Михайлович хмыкнул, а Евгения Александровна покраснела. Она хотела пристыдить Володьку, но не успела, потому что Иван Михайлович поинтересовался:

— Сколько вас здесь, человек тридцать, да? Скажите, кто хочет быть токарем или фрезеровщиком, одним словом, рабочим?

Мы молчали, переминались. Было стыдно, хоть сквозь землю проваливайся, но врать тоже не хотелось. Евгения Александровна не знала, куда глаза спрятать.

Иван Михайлович еще раз окинул нас взглядом и подытожил:

— Значит, желающих работать на заводе среди вас нет. Ну что ж, пройдем на сборку.

Иван Михайлович распахнул перед нами дверь, и мы один за другим вошли в сборочный цех. Это было длинное помещение, освещенное с двух сторон большими окнами. Вдоль цеха тянулись два ряда столов — сборочный конвейер. За столами сидели люди в белых халатах, в белых шапочках, было тихо и спокойно, как в больнице.

Иван Михайлович не повел нас никуда, а здесь же, у входа, разъяснил нам:

— Видите вон тот стол? Оттуда начинается сборка прибора. Вот эта желтая пластина из латуни — плата. На плату крепится весь механизм. Один крепит стойку, другой ставит пружину, третий — затвор, и так далее. Когда прибор пройдет через все эти столы, его закроют кожухом и поставят на стенд, на регулировку. После стенда контролер ОТК поставит на нем пломбу — и прибор готов. Понятно всем?

— Понятно! — дружно ответили мы.

— Хотели бы работать здесь? — спросил Иван Михайлович.

— Мы бы хотели! — заявили две Тамары.

Их поддержали еще несколько голосов. Иван Михайлович криво улыбнулся.

— Ничего у вас не получится, — сказал он. — И, вообще, вам понравилось тут потому, что здесь в белых шапочках работают, да?

— Каждый труд почетен! — вмешалась Евгения Александровна, обеспокоенная тем, что Иван Михайлович не очень-то пропагандирует заводские профессии.

— Я вам скажу, — задумчиво проговорил Иван Михайлович, — все, что вы видели, — это не завод. И ничего вы не поняли. Вот если хотите, я покажу вам, что такое завод. От начала до конца. Хотите?

— Хотим, — согласилась Оля Иванова.

И Иван Михайлович произнес торжественно:

— Сейчас вы увидите, что такое рабочий человек на заводе. Только чтоб без шуток, потому что работа — серьезное дело. Подождите меня здесь, я сейчас!..

Он направился к одному столу, поговорил о чем-то с монтажником, взял в руки какую-то деталь и возвратился к нам.

— Смотрите, — Иван Михайлович показал нам блестящее колесико с зубчиками по краям и с маленьким хвостиком сбоку, — эта деталь назы-

вается коронной шестерней. Вообще, коронная — слово техническое, так на ней зуб нарезают, в виде короны. Но для прибора, который тут собирают, эта шестеренка в самом деле коронная, потому что она — главная. Красивая?

— Красивая! — хором крикнули мы.

— Вот давайте посмотрим, как ее, такую красивую, делают. Для этого спустимся вниз.

Мы спустились вниз, вышли на заводской двор, пересекли его по диагонали и через большую, как ворота, дверь вошли в обширное помещение, где на стеллажах вдоль стен лежали металлические прутки всевозможных диаметров, высились стопы стальных, латунных, алюминиевых листов. Неподалеку от входа стоял большой слоноподобный станок, внутри которого что-то громыхало, и, с каждым ударом его, вниз падала узкая полоса стали, похожая на лезвие меча.

Иван Михайлович, указывая на эти стопы и связки, пояснил:

— Отсюда, с этого склада, начинается коронная шестерня. Для разных деталей нужен разный металл. Для коронной шестерни, например, нужна нержавейка.

Иван Михайлович подошел к стеллажу, что располагался в углу помещения, выдернул из пучка прутков стали — сизо-черный промасленный пруток не вызвал у нас особого интереса.

— Похож на коронную шестерню? — спросил Иван Михайлович.

— Нет.

— То-то же! Чтоб он стал шестерней, его нужно проточить в автомате.

Кусницкий сострил:

— Из автомата стреляют, а не точат.

— Автомат — это станок, который выполняет операции автоматически, — пояснил Саша Блохин.

— А это какой станок? — спросила Оля, показывая на громыхавшего возле нас зеленого мастодонта.

— Ножницы для резки металла, гильотинного типа, — пояснил Иван Михайлович.

— Почему — гильотинного типа?

— Вы историю изучали? — в свою очередь спросил Иван Михайлович. — Знаете, как французы казнили королеву Марию-Антуанетту?

— Отрубили голову!

— На гильотине!

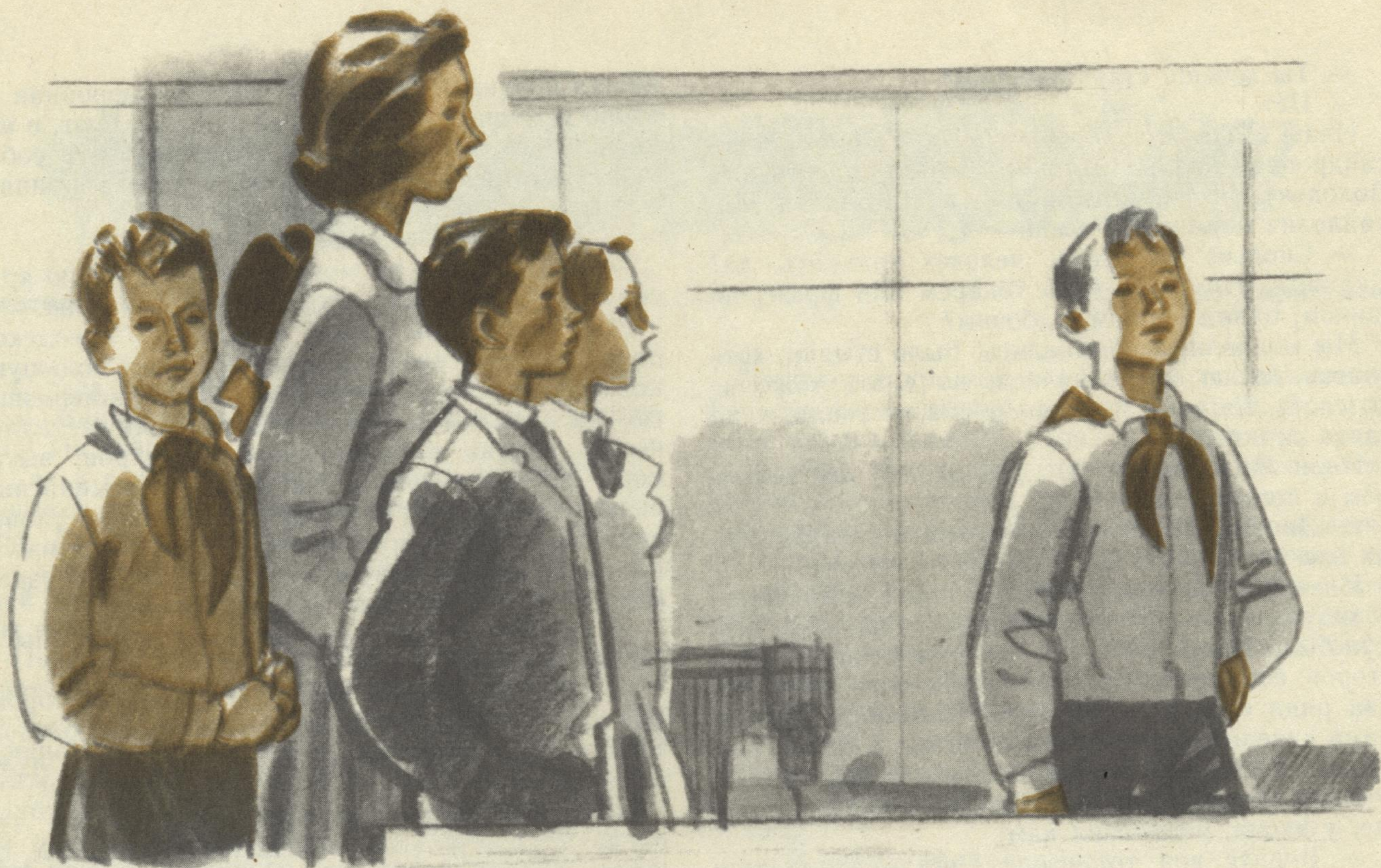
— Вот этот станок — тоже гильотина, только рубят здесь не головы, а полосы металла. Видите: нож ходит вниз-вверх, вниз-вверх! Ясно?

— Ясно!

— Тут, на заготовке, начинается любая деталь. Здесь металл режут или рубят так, чтоб его можно было пустить в работу на станке или штампе. Но для коронной шестерни тут особых дел нет — отсюда цельные прутки подаются на автоматический участок.

— Хм, «цельные»! — засмеялся Володька Кусницкий. — Грамотешка у него хромает!

Но этого Иван Михайлович не слышал, он уже вел нас на автоматный участок. И там мы увидели эти самые автоматы: станки со щитками из оргстекла, а под щитками что-то щелкает, пере-

ворачивается, бьет фонтанчиком темное вязкое масло. К каждому станку сбоку приставлена высокая стойка с трубой, и через эту трубу к станку подают прутки металла.

Иван Михайлович подвел нас к одному автомату и сказал:

— Вот она тут, наша коронная шестеренка!

Оказалось, станок этот в самом деле автомат: он самостоятельно подавал стержень вперед, и резец, тоже совершенно без помощи человека, протачивал стержень с торца. Потом внутри станка что-то щелкало, какая-то штучка переворачивалась, и в дело вступал другой резец: он точил стержень уже не с торца, а вдоль. Проточил сантиметра два — и отошел назад. Снова щелкнуло, снова перевернулась головка, и уже сверло стало сверлить дырку как раз в центре стержня. Просверлило — и тоже назад отошло. Еще щелчок — и новый резец, тонкий, как нож, отрезал проточенную часть прутка. Бац — и коронная шестерня упала куда-то вниз: с другой стороны станка, на поддоне лежала целая куча таких шестеренок.

— Только это еще никакая не шестерня, — предупредил Иван Михайлович, — это лишь заготовка.

— Весь процесс идет без вмешательства человека? — солидно поинтересовался Саша Блохин.

— Без человека ничего не происходит, — возразил Иван Михайлович. — Вон он, сидит на стуле человек, — наладчик этого автомата.

— Во работка — красота!.. — восторгнулся Кусницкий. — Сидишь себе, а станок только выплевывает детали! Но здесь — шумно очень...

Тут наладчик подошел к нам, посмотрел неласково и спросил:

— Все экскурсии водишь, Иван Михайлович?

— Пусть ребята посмотрят, — уважительно ответил Иван Михайлович.

— Посмотрят-посмотрят, да и пройдут мимо!.. — ядовито засмеялся наладчик.

Нам было стыдно почему-то. И обидно тоже — что уж, такие мы белоручки, что ли?

Иван Михайлович заступился за нас:

— Кто пройдет, а кто и остановится.

— А как получается, что инструмент сам знает, в какое время что делать? — спросил Олег Максимов.

Вот уж не думал, что Олега может интересовать такое! Но, наверно, он спросил это в пику наладчику.

Наладчик на его вопрос насмешливо сказал:

— Ничего инструмент не знает, у него нет головы на плечах. Это рабочий знает, технолог знает, а инструмент — что? Видишь вон ту наладку?

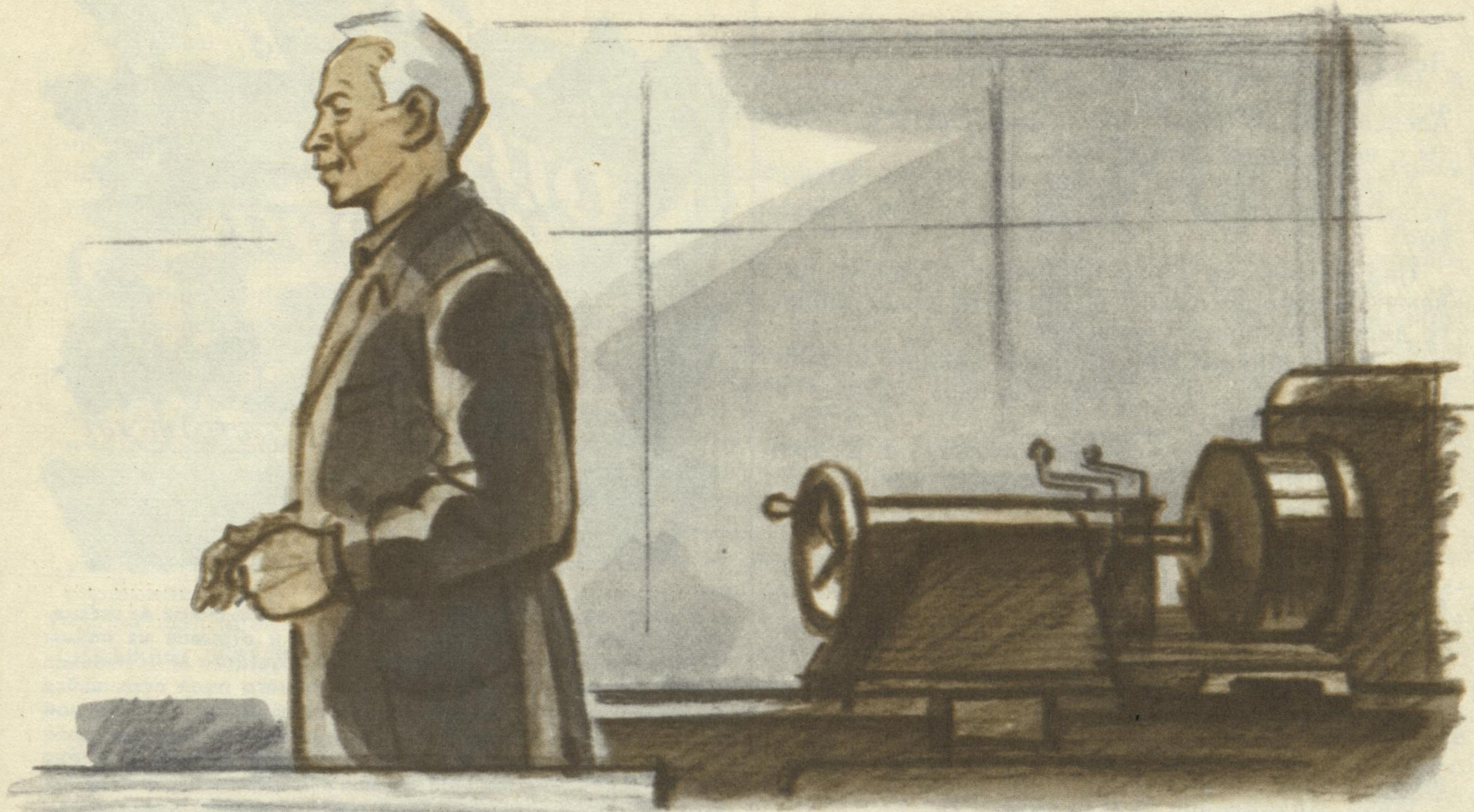
И показал на какую-то блестящую штучковину с выступами и закруглениями, которая медленно вращалась на оси.

— Пока поводок идет вот по этой штучковине, — объяснял наладчик, — до тех пор сверлит сверло. А как поводок в выступ упрется, так резцедержатель переворачивается и начинает точить резец.

— Ой, как все просто! — в восторге запищали две Тамары.

— Просто! — передразнил их наладчик, и мы все засмеялись. — Чтоб было просто, надо конструктору рассчитать, инструментальщикам сделать, автоматчику наладить станок — тогда и будет просто.

Наша Евгения Александровна стала поглядывать на часы. Иван Михайлович это заметил и пригласил нас в механический цех, где мы уже

были в самом начале. Но теперь Иван Михайлович повел нас прямо к небольшому станочку, ну, по пояс человека, не больше, за которым стоял пожилой мужчина с коротко стриженными седыми волосами, с морщинистым загорелым лицом.

Справа от станка, на подставке, размещался ящик с теми самыми коронными шестернями, которые выточил автомат. То есть, это были еще не шестерни, а заготовки для шестерен — это нам стало ясно именно здесь, потому что седоволосый токарь протачивал их до такой немыслимой чистоты и блеска, что заготовка, по сравнению с готовой деталью, казалась серой, грубой, шершавой.

Проточив деталь, токарь остановил станок, положил готовую деталь в другой ящик, слева от станка, а из правого взял очередную заготовку, вставил ее в приспособление на станке.

После этого поглядел на нас улыбающимися глазами и спросил Ивана Михайловича:

— Кадры пришли?

— Покажи, Петр Александрович, как ты точишь, — предложил ему Иван Михайлович.

— Ну, это можно, — тотчас согласился Петр Александрович. — Только становитесь все вот так, здесь вот, а то не увидите ничего.

Левой рукой он повернул вниз какую-то рукоятку, и деталь мгновенно закружилась с огромной скоростью. Но очертания ее были видны отчетливо.

Петр Александрович, тем временем, правой рукой стал вращать маленькую рукоятку, и мы увидели, что к детали приблизился тонкий блестящий резец. И когда резец коснулся детали, над ней вдруг взвилась и стала завиваться в клубок тончайшая, как нить, стружка. Она казалась легким облачком, которое все увеличивалось по мере

того, как резец двигался вдоль детали. Петр Александрович отвел резец назад и произнес, улыбаясь:

— И вся игра!

— Коля, — тихо сказала мне Оля Иванова, — по-моему, они все здесь только прикидываются серьезными. Верно?

Я не успел ответить, потому что как раз в это время к Ивану Михайловичу подошел еще один рабочий, в серой рубашке с закатанными по локоть рукавами. У него были густые белесые брови, на небритых щеках — рыжая щетина. Он вдруг с места в карьер стал громко и зло кричать, что работа дураков любит и что он не будет делать какой-то триб. Мы все немного испугались, так громко он кричал.

Иван же Михайлович, наоборот, слушал все это довольно спокойно, стоял молча, опустив глаза долу, выражение лица его было задумчивым.

Небритый дядька говорил долго, а закончил свою речь вопросом:

— Что, может, скажешь — неверно говорю?..

Иван Михайлович произнес заинтересованно:

— Одного я не пойму: всегда ты жалуешься, что тебя обижают. Как же ухитряешься каждый месяц заработать не меньше двухсот рублей?

Пока все это дело шло, Олег Максимов бойко разговаривал о чем-то с Петром Александровичем. А потом глядим — Петр Александрович стоит в сторонке, а наш Олег — за станком, точит деталь, коронную шестерню. Вот это был кадр!..

Мы сразу забыли ругачего дядьку, окружили Олега. А он, должно быть, от нашего внимания, крутанул рукоятку не так, как надо, и на детали появилась глубокая канавка, которой совсем не должно было быть.

— Ну вот, полезли!.. — рассердился Олег. — Лезут и лезут! Испортил из-за вас!

— Ничего, Олечка! — успокоил его Петр Александрович (уже узнал имя Олега!). — Это ты с непривычки, потому так...

Хотя Олег запорол деталь, но он, все ж, поработал на станке, и мы все люто завидовали ему.

Над дверью на стене прокашлялся вдруг динамик, и суровый голос, похожий на голос нашего директора школы, произнес:

— Иван Михайлович Шишков, зайдите к главному инженеру. Повторяю, Шишков, срочно к главному инженеру!

Иван Михайлович поднял голову, а рыжий дядька, который все еще продолжал обличительную речь, внезапно умолк, но тут же ехидно просипел:

— Вот и с тебя сейчас начнут стружку снимать!..

Иван Михайлович оглянулся, нашел Евгению Александровну и озабоченно сказал:

— Не знаю, как быть: меня зовут, а вам надо бы еще посмотреть...

— Нет, нет! — сказала Евгения Александровна. — Спасибо, нам пора уходить.

Иван Михайлович сказал нам:

— До свиданья, ребята!

И, наклонив голову, направился к двери, которая вела в заводские коридоры.

Рыжий дядька усмехнулся, глядя ему вслед:

— Ребятишек водит, а дело стоит!..

Нам было неловко, будто мы виноваты в чем-то нехорошем. И еще — было обидно за Ивана Михайловича. Но тут за него вступился Петр Александрович:

— Ну, что ж, что водит ребят? Правильно делает. Он на заводе тридцать лет работает, хочет, чтоб и другие работали тут.

— Тридцать лет! — передразнил Петра Александровича рыжий. — Я тоже здесь уже четырнадцать лет трубку — и ничего, не лезу, куда не надо!

— Ты трубишь, а он — работает, — возразил Петр Александрович.

— А, иди ты от меня подальше!.. — огрызнулся рыжий.

Евгения Александровна скорей заторопила нас к выходу. На улице, когда мы вышли с заводской проходной, Володька Кусницкий спросил у нее:

— Мы теперь будем сочинение писать, да? На тему: «Что мне больше всего понравилось на заводе?»

— Кусницкий, ты ведешь себя безобразно! — строго предупредила Евгения Александровна. — Я поставлю вопрос о твоём поведении.

— Ну, вот, — пробурчал Володька, — уж и сказать ничего нельзя...

Оля Иванова спросила меня:

— А правда, если мы сочинение писать будем, ты про что напишешь?

— Не про что, а про кого, — сказал я. — Понимаешь?

Оля внимательно на меня посмотрела, и я видел, что она меня поняла.

В «Костре» № 5 за 1985 год был напечатан очерк Александра Крестинского «Его звали Снежок» и отрывок из поэмы «Рябина над полем» — о подвиге белорусского комсомольца Миши Мороза, который вынес с хлебного поля оставшийся со времен войны фашистский снаряд и ценою собственной жизни спас многих людей. Публикуя сегодня письмо пионеров из села Чернобаевка Херсонской области и ответ писателя сельским ребятам, мы приглашаем к откровенному разговору всех читателей «Костра». Тема этого разговора кажется нам очень важной и своевременной.

Уважаемый товарищ Крестинский! Обращаются к вам пионеры 6-го класса Чернобаевской средней школы. Все мы единогласно решили бороться за присвоение нашему отряду имени Миши Мороза. Узнав, что вы на протяжении нескольких лет интересовались жизнью Миши, написали о нем поэму, убедительно просим вас поделиться с нами собранными материалами, документами, рукописями.

Заранее благодарны вам и ждем ответа.

Херсонская область, Белозерский район,
село Чернобаевка, средняя школа

Дорогие ребята!

Выполняю вашу просьбу, посылаю вам свою книгу о Михаиле Морозе. Он прожил очень короткую жизнь, и все основные ее события отражены в поэме и в очерке, который за поэмой следует.

Но я хочу предупредить вас об одной опасности, которая нередко грозит ребятам, борющимся, как у нас выражаются, за присвоение отряду имени героя.

Для того, чтобы стало ясно, о какой опасности я говорю, приведу пример. Когда я писал свою книгу, мне стало известно, что в одном городе есть школа-интернат, где имеется музей Миши Мороза. Я решил, что обязательно должен съездить туда и рассказать о музее, если он того заслуживает. К сожалению, меня ждало большое разочарование. Вот какой это оказался музей: большая комната, до предела запущенная. По стенам висят выцветшие фотографии, пожелтевшие газетные вырезки, за стеклами стендов валяются дохлые мухи, занавески на окнах такого цвета, словно

их лет десять не стирали. Совет музея только числится, многие интернатские ребята и слыхом не слыхали о музее, который у них в школе...

Так было, конечно, не всегда. В те годы, когда музей только начинался, были и энтузиазм, и дружный труд, и поиск. А потом что случилось? Надоело, наскучило? Или те, кто создавал музей, закончили школу и ушли, не подготовив себе достойной смены? Или взрослые остыли?

Как бы то ни было, музей умер. А мертвый музей — это страшное дело. От него веет таким холодом! И холод этот заражает всех вокруг.

Вот чего бойтесь как огня: мертвых музеев, забытых пыльных стендов, выставок с экспонатами, которые никого не волнуют и никому не нужны. Всякое равнодушие опасно, но равнодушие к делам человеческим, к подвигам — опасно вдвойне. Рядом с мертвым музеем вы обязательно увидите пустые равнодушные глаза, услышите вялые, ничем не взволнованные голоса. (Разумеется, все мы знаем, какие замечательные школьные музеи — живые! — есть в нашей стране, но сегодня не о них речь).

Вот и подумайте: если отряд носит чье-то хорошее имя — какими же должны быть люди в этом отряде? Если они «носят имя», а сами остались такими, как прежде, какой тогда во всем этом смысл? Получается сплошная показуха, обман и самообман. А может, и того хуже.

Представьте себе человека, который носит на груди орден, а ордена этого не заслужил...

Вот о какой опасности я хотел предупредить вас, ребята. Носить имя героя — это не праздник, не удовольствие, а огромная ответственность, которую берет на себя коллектив. Вы, наверно, об этом еще не задумывались. Просто у нас так принято — «бороться за имя». Это красиво, романтично, да еще есть надежда, что пока боремся, кое-кто станет учиться получше и вести

себя... Только вот удержаться на высоте почему-то невероятно трудно.

А теперь попробуйте провести у себя в классе небольшой опыт: пускай каждый из вас ответит устно, а лучше письменно на вопрос: «кто мой любимый герой?» Уверю вас, вы обнаружите большое разнообразие имен, потому что все вы разные, и герои у вас будут разные — у одного Миша Мороз, у другого Алексей Маресьев, у третьего Юрий Гагарин... Среди ваших героев могут оказаться совсем неожиданные люди: Алла Пугачева, например. Я знаю девочку — для нее это идеал. А кто-то, может быть, напишет, что его герой — это некий К. С. из восьмого класса, потому что он самый удалой, отчаянный и заводной. А кто-то из вас вдруг поймет, что у него несколько любимых героев и он, право, не знает, кому из них отдать предпочтение: Д'Артаньяну или Василию Теркину?..

Здесь мне хочется поделиться с вами воспоминаниями о тех далеких временах, когда сам я учился в школе и был пионером. Ох, как это было давно! До Великой Отечественной войны!.. Так вот, в те времена, насколько я помню, не было еще такой традиции — присваивать отрядам имена героев. Но и тогда многие пионеры испытывали естественное желание чем-то выделиться свой отряд, чтоб он был не похож на другие. И вот я помню, как однажды на Первомайской демонстрации мы с друзьями встретили отряд, который браво шагал по мостовой, а рядом с барабанщиком шел мальчик, державший на палке вырезанный из фанеры и ярко раскрашенный портрет петуха. И отряд этот назывался — «Петух». Почему? А потому что там собрались такие веселые озорные ребята, которые увлекались сатирой, театром, живой газетой. Шагая по мостовой, они скандировали ядовитые куплеты, в которых высмеивались различные пороки школьной жизни, да и не только школьной. Время от времени

барабанщик бил в барабан, а его сосед громко выкрикивал: «Ку-ка-ре-ку!»

А еще об одном занятом отряде мне рассказывал старший брат. Это было в двадцатые годы, на заре пионерской организации. У них в городке был отряд «Гераклы социализма». Там все ребята увлекались тяжелой атлетикой, гимнастикой, готовились к службе в армии и вообще к мировой революции, которая, как им казалось, вот-вот наступит...

В 60-е годы я работал в редакции журнала «Костер» и часто ездил в командировки по стране. В одном маленьком сибирском поселке мне запомнился отряд «Друзья Пушкина». Пионеры этого отряда знали такие подробности о жизни и творчестве великого поэта, которых, признаюсь, я не помнил. А главное: вся округа знала и любила этот отряд. Где они только не выступали со своими рассказами о Пушкине, с чтением его произведений!

Вот вспомнил я сейчас эти необычные отряды и подумал: как много мы теряем от того, что нередко поддаемся своего рода моде — если уж отряды имени Юрия Гагарина — то сразу десятки тысяч! И т. д. и т. п. Спору нет, Юрий Алексеевич Гагарин — один из замечательных людей XX века, но зачем уж так-то?.. Не обедняем ли мы сами себя, свою коллективную жизнь такой вот подражательностью, которая идет вроде бы от самых лучших побуждений, а приводит к стереотипам, к походящим, как две капли воды, планам, стенгазетам, сборам, выставкам...

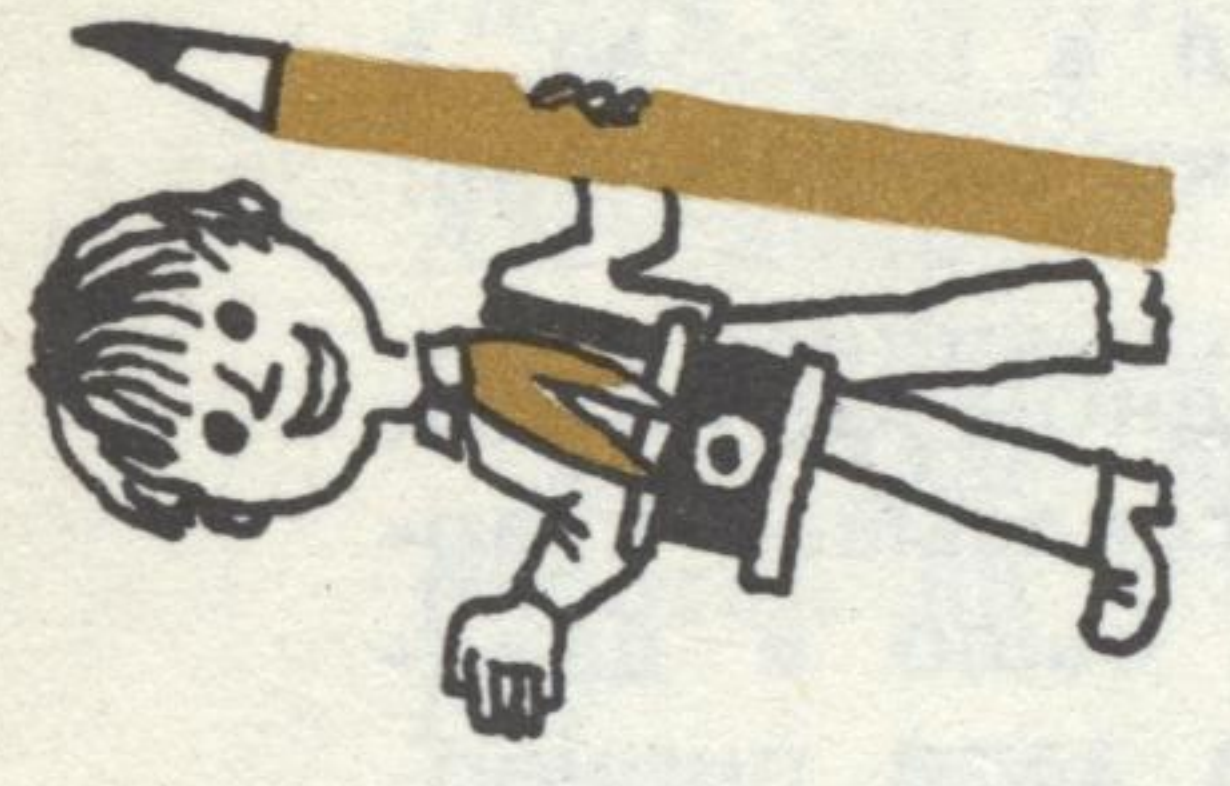
Мне бы лично хотелось, чтоб у каждого отряда было свое неповторимое лицо, которое отражало бы его идеи, увлечения, интересы, любимые дела. Тогда и имя-символ, которое будет носить отряд (кстати, почему он сам не может себе это имя присвоить, а должен ждать решения сверху?!) будет не случайным, а единственным и неповторимым!

Александр КРЕСТИНСКИЙ

И БАРАБАН

Поздравляем с праздником Великой Октябрьской социалистической революции!

журнал
Юнкоров
печатает
твои
заметки,
стихи,
рисунки

почта
всесоюзного
штаба
красных
следопытов

ПЕРВЫЙ ЗНАМЕНИСЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Пожалуйста, напечатайте мое письмо и помогите моему дедушке. Его зовут Серафим Григорьевич Игумнов. Во вре-

мя войны с фашистами он был танкистом-разведчиком, а потом, до самой пенсии, работал экономистом. Когда дедушка вышел на пенсию, он стал собирать материалы о первом

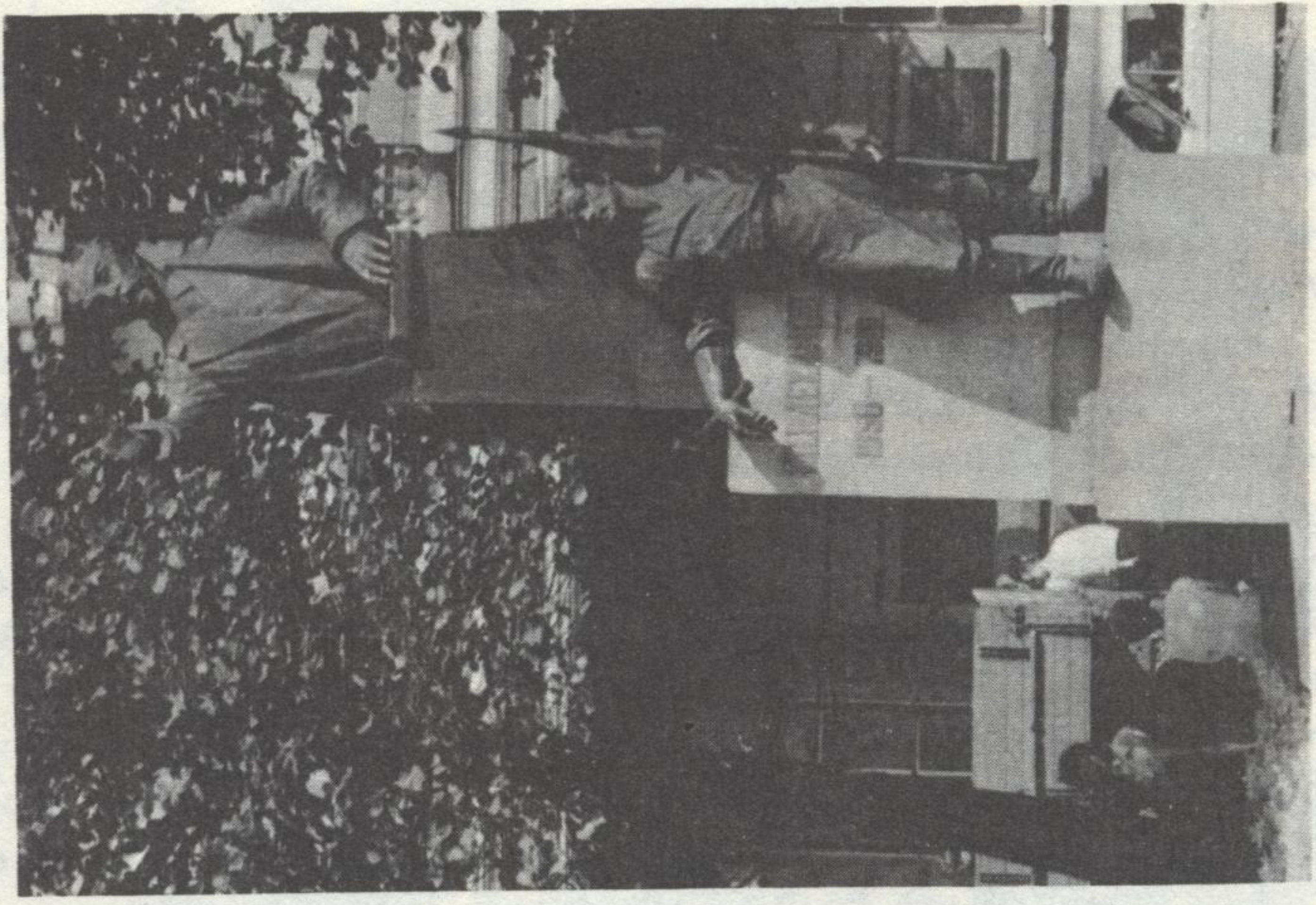
знаменосце красного знамени Яше Потапове. С этим юным героем Революции дедушка был хорошо знаком.

Как они познакомились? Об этом можно прочитать в «Костере», № 12 за прошлый год. Рассказ называется «Потапыч». И с тех пор Серафим Григорьевич ждет писем от следопытов. Ждет, что кто-то заинтересуется историей героической жизни первого знаменосца, что кому-то потребуются собранные о нем документы и воспоминания. Но время идет, а писем нет. И однажды дедушка не выдержал — сам пошел в соседнюю школу к пионерам, чтобы они взяли эти материалы в свой музей. Но ходил он зря: ему ответили, что их интересует другая тема. Так отвечали и в других местах. И теперь дедушка волнуется: много лет

сбирал материалы, но получается, что они никому не нужны. Меня могут спросить: почему я со своими одноклассниками не помогаю дедушке? Во первых, сейчас он живет в Ленинграде, там, где много лет назад совершил свой подвижный герой. А во-вторых, когда дедушка жил в Якутске, одну из улиц по его просьбе назвали улицей Потапова. И многие наши ребята знают, почему она так называется.

Сергея Игумнов,
8 класс, Якутск

«Барабан» надеется, что просьба Сережи не останется без ответа. Ваши письма мы передадим С. Г. Игумнову, единственному в нашей стране человеку, который лично знал первого знаменосца Революции.

Желтая история

Уже несколько лет мы собираем и отправляем подарки для ребят детского дома № 29. Он находится у нас в Пушкине.

В этом году тоже собирали. Одни ребята книги, другие — игрушки, а Ирина Владимировна — наш классный руководитель — принесла шерстяную кофточку, которую она сама связала. Все подарки мы отвезли своим подшефным. А потом произошла очень красивая история. В воскресенье Ирина Владимировна шла по улице и увидела на одной из девочек, которая учится в нашей школе, свою кофточку. Она, конечно, очень удивилась и спросила, откуда у девочки эта кофточка. Та сказала, что подарила бабушка. А на вопрос, где работает бабушка, ответила: «В детском доме № 29».

Когда Ирина Владимировна рассказала нам о своей встрече, мы, конечно, возмутились. Я вместе с подругами ходила в детский дом, чтобы узнать, как могла произойти такая некресивая история. Нам сказали, что бабушка этой девочки уволена с работы. А больше не стали ни о чем говорить. Когда мы вышли из кабинета директора и шли по коридору, навстречу нам попались несколько малышей. Увидев нас, они радостно закричали: «Мама, мамы пришли!» А мы шли и чуть не плакали: как можно отбирать подарки у таких малышей!

Таня Рябкова,
6-а класс,
школа № 500,

ВСАДНИКИ РЕВОЛЮЦИИ

Андрей Ли, 5 класс, Алма-Ата

Маевка

Недавно наш отряд совершил поход на озеро Ахи-Ярви, где в прошлом году работала Всесоюзная экспедиция юнкоров и следопытов «Костра». На Ахи-Ярви мы были целый день. Сначала внимательно обследовали «подозрительные» места, где в 1907 году революционеры могли спрятать в подземных бункерах оружие и партийные документы. К сожалению, ничего обнаружить мы не смогли. А вечером ловили рыбу, варили уху и думали, почему никто не может разгадать тайну Ахи-Ярви. Свой поход на озеро мы назвали «Маевкой».

Даня Кирсанов,
следопыт Первомайской средней школы
Ленинградской области

Цепочка

1—4—7—10... Что означают эти цифры, непосвященному догадаться трудно. А вот участникам IX Слета пионеров эта цепочка хорошо знакома. Она означает, кто в каком классе учится. В нашей школе решили ее попробовать. От каждого из этих классов выбрали по три человека в совет цепочки. Совет собирается раз в неделю и решает насущные дела. В четвертом классе наметилась дискотека? Ну-ка, седьмой класс, у вас хорошая аппаратура есть, помогите! И вот семиклассники — ведущие дискотеки — у младших. В седьмых готовится пионерский сбор. Зал бы красиво оформить... Ба, да в четвертом есть замечательные художники! Как не помочь! Комсомольцы пришли к первоклассникам — придумали превеселый «Играй-город!» Зато когда собирали игрушки для детского сада, первоклассники сделали столько забавных пушистых цыплят, что десятиклассникам не пришлось отвлекаться от своих сложных уроков.

Забот и проблем у цепочки немало, но мы решили замахнуться на большое дело: взяли шефство над детским домом.

Ричард Велли,

Мероприятия

под копирку

под копирку

под копирку

Почему-то все дела нашего отряда решает совет дружины. А иногда даже старшая вожатая. Она перекраивает наш план и вместо найденных нами интересных дел появляется в плане то же, что было в прошлом году. В пионерской комнате висит список обязательных мероприятий — одинаковых для всех отрядов-классов, от четвертого до седьмого, только сроки разные. А нам надо-ели сборы по подказке взрослых, политинформации на од-но лицо, разнообразные уроки мужества. Я старалась совме-щать то, что предлагают взрослые, и то, что хотят ребята. Но из этого ничего не по-лучилось. Меня это страшно мучает. Сколько часов убито на ничего не дающие сборы, на бесконечные эстафеты пи-онерских знаний. Идем proto-ренной дорогой и удивляемся: почему ребята убегают со сбо-ров? Да я бы тоже убежала, не будь я председателем со-вета отряда.

Светлана Кульчий,
7 класс, Сургут

Строки из писем

Весной Саша Гачегов долго болел и боялся сдавать экзамены по математике. Тогда я предложил ему свою помощь. Ходил к нему каждый день и мы занимались. После экзамена радовались вместе, потому что Саша получил «четверку». Раньше мы не очень дружили, а сейчас наша дружба окрепла.

Вадим Зырин,
4-в класс,
школа № 32,
Тула

У нас в отряде возник вопрос: нужно ли давать сдачи, если тебя ударили? Мальчики говорят, что «если не давать сдачи, то к тебе снова полезут». А наша учительница Александра Михайловна считает, что сдачи лучше не давать. Некоторые девочки тоже так считают. Но ведь тогда целого века могут назвать трусом.

Наташа Тухши,
4-е класс,
школа № 89,
Рига

Живем мы в поселке, школа у нас небольшая. Директор школы не разрешает нам носить серьги и даже заколки. А у нас от этих небольших украшений настроение улучшается. Разве учеба пойдет лучше, если мы будем хмурые?

Девочки из пос. Кок-Тай,
Казахская ССР

УРОК АНГЛИЙСКОГО

Толя Куликов, Ленинград

Система для чентаев

Ежедневно, в течение нескольких лет наблюдаю одну и ту же картину. Едва прозвонит звонок с урока — и сразу по всей школе начинается «великое переселение народов». Подхватив сумки с наспех засунутыми в них учебниками и тетрадями, ученики 4—10-х классов устремляются к очередному кабинету, где они должны заниматься. Но преподавателя еще нет — во время перемены он в учительской — и у дверей кабинета образуется очередь. Времени заскочить в столовую почти нет, зато есть возможность повозиться и потолкаться с одноклассниками. Такое ожидание под дверью не устраивает на рабочий лад, и первые 5—10 минут нового урока исчезают в никуда. Следовательно, если у вас в день пять уроков, то один из них практически потерян. Я разговаривал со многими педагогами, родителями и ребятами — и все недовольны кабинетной системой. Довольны только лентяи — ведь учиться приходится меньше.

Сергея Довжик, школа № 159, Ленинград

Фотоконкурс

Городской музей

В нашей школе есть музей, посвященный Братской ГЭС. В музее довольно много материалов и о городе Братске. Но почти ничего нет о селе Братске — город-то ведь был раньше селом. Есть, правда, лапти да кружка из бересты... Мы с Леной Матюзас решили собирать материал о селе Братске — это будет всем интересно: и нашим ребятам, и гостям, которые часто к нам приезжают даже из других стран. Ведь наш школьный музей является одновременно и городским.

Наташа Рыбникова,
7 класс,
Братск

А мы не согласны!

Нашему классу предложили работать на почте. Условие было такое: каждый работает четыре раза в неделю и получает за это треть ставки взрослого почтальона. Но почему на почте должны трудиться все тридцать пять человек? Это невозможно. Ведь многие ребята после школы занимаются в спортивных секциях и различных кружках. И они не могут бросить любимое занятие. У нас только десять человек готовы ходить на почту. И мы не можем понять: если десять человек готовы работать за весь класс, почему начальство держится за свое условие «Или все, или никто»?

Надя Захарова,
6 класс,
Хабаровск

ХИТРЕНЬКИЙ, УМНЕНЬКИЙ

Саша Крылов, Ленинград

То следом наша выступлений

В № 12 за прошлый год была опубликована заметка пятиклассницы Наташи Курочкиной о том, как у них в школе проводились выборы в совет дружины. Наташа написала, что, по существу, никаких выборов не было, пионеры на сборе только голосовали. И свою заметку она так и назвала «Выборы... без выборов».

Мы ждали, что совет дружины школы № 2 города Стрежевой ответит «Барбану», почему так произошло. Но ответ получили только от Саши Вандышева — знаменосца дружины.

Частная обвинительница

Как всегда, внимательно читая «Барбан», наткнулся на заметку «Выборы... без выборов». Не подумайте, что я боюсь критики, но я обязан сказать, что автор предъявил нашей школе, совету дружины и мне лично необоснованные обвинения. Обвинение первое: «...вожатая оглашает: „Эти ребята были нами выбраны еще до сбора!“»

Дело в том, что наша дружина очень большая, и поэтому голосование велось по частям. Сначала был сбор 6—7 классов в самом большом Дворце культуры города. Затем голосовали по отдельности 4-е и 5-е классы. Старшие классы и четвероклассники проголосовали единогласно за предложенный состав совета дружины, и, следовательно, за меня. Тут же я дал клятву и принял дорогое дружинное Знамя. Дальнейшее голосование ничего не решало, так как 4-е, 6-е и 7-е классы — большинство. Особенно мне не понравилось словосочетание «нами выбранны».

Можно подумать, что нас выбирала вожатая или администрация школы. Нас выбрали пионеры — наши товарищи!

Обвинение второе, касающееся лично меня: «Оказывается, Саша (кстати, он единственный, получивший голоса «против»)... уже дал клятву и является знаменосцем дружины».

Пусть Н. Курочкина меня простит, но эта фраза — ложь. «Против» голосовал лишь один (!!) мой одноклассник, да и то он не смог обосновать свой выпад.

Обвинение третье: «Эту заметку я написала для стенгазеты, но ее не напечатали. Поэтому я и послала ее в «Барбан»».

Справка. Никакой заметки «частная обвинительница» в «Наши будни» (дружинная стенгазета) не писала и не приносила!

У меня вопрос к Н. Курочкиной. Почему она не проголосовала на сборе против предложенного совета дружины, не высказала все в глаза, а за спиной у него послала в ваш известный общесоюзный журнал. Я считаю — это нечестно и противоречит пионерским принципам!

С уважением,

Александр Вандышев,
Стрежевой, школа № 2

Почему Саша Вандышев прислал опровержение, нам понятно. И почему он упрямо именуется Наташу Курочкину «Н. Курочкина», тоже понятно.

А вот почему молчит совет дружины, непонятно.

Поэтому мы хотим узнать, что думает по поводу наших публикаций городской совет пионерской организации города Стрежевого.

Когда поднимаются первыми

В №№ 9 и 10 мы рассказывали, как в Пятигорске проходила дискуссия «Какой быть городской пионерской организации». Если помните, речь шла не только о том, что не нравится мальчишкам и девчонкам в жизни дружин и отрядов. Но и о том, что конкретно они предлагают, какой видят выход из создавшегося положения.

И вот дискуссия закончилась. Кажется, можно подводить итоги. Впрочем, обо всем по порядку.

ШАГ ВПЕРЕД ИЛИ НА МЕСТЕ?

Сколько раз уже было? Спрашивают пионеров: «Что вы хотите?» и только они размечтаются, например, о походе с ночевкой или о путешествии по стране. Даже деньги готовы на это сами заработать... Но мечта остается мечтой. И думают ребята: уж лучше бы не спрашивали, не растравливали душу.

К счастью, в Пятигорске многие поняли: чтобы так не получилось, после окончания дискуссии нужно провести пленум городского совета пионерской организации и коллективно решить самые сложные вопросы.

Но тут читатели могут нас спросить: «Значит, последнее слово все-таки остается за взрослыми, а не за пионерами?»

Лучше всего на этот вопрос ответила газета «Веселый ветер», когда на первой странице поместила важное объявление:

«Внимание!

Все, о чем мы дружно думали, спорили и мечтали, теперь должен решить пленум. Впервые в его работе может принять участие каждый, у кого есть желание всерьез заняться перестройкой нашей организации. Кто готов взять на

себя ответственность за ее судьбу...»

И вот вместе с ребятами собрались солидные люди — партийные и комсомольские работники, ученые и рабочие, представители различных организаций и учреждений. В этот раз на пленуме не было докладов и выступлений с трибуны. Чтобы обсудить и выработать конкретные решения, все его участники сразу же разошлись по секциям. Так легче узнать мнение каждого...

— Я категорически против работы ребят в детской больнице. Здесь можно подхватить инфекцию, — сказал Александр Борисович Смородин, главный

врач санэпидстанции. — Лучше пусть работают в санаториях, тем более, что их у нас много.

— Простите, но у нас пионерам делать нечего. Разве только тротуары подметать, — решительно выступил против секретарь комсомольской организации курортного Совета Евгений Жуков. — Нам и так не хватает культуры обслуживания. А вы нам детей предлагаете...

И тут шестиклассник **Сергея Степанов** не выдержал:

— Вы нам просто не доверяете, а потом удивляетесь, что мы ни на что не способны. Все ребята требуют настоящее дело и готовы отвечать за него по-взрослому. Без скидок на возраст!

И большинство участников секции «Где работать пионеру?» согласились с Сергеем. Пришли к выводу, что нужно организовать в городе специальный штаб по трудоустройству. Это же стыдно, когда ребята бегают по городу и всюду упрашивают: пожалуйста, возьмите на работу.

А в соседней секции решался не менее важный вопрос, можно ли создавать пионерские отряды во дворах, кружках, клубах по месту жительства, на заводах и предприятиях. Решили — можно, если есть вожатый-комсомолец и полезное дело, которое объединяет ребят.

Пленум решил также сохранить газету «Веселый ветер» и телефон доверия, которые зарекомендовали себя с самой лучшей стороны.

И наконец — о самом главном: ребята на пленуме не только принимали участие в обсуждении вопросов. Именно за ними оставалось решающее слово. То есть впервые получилась самая настоящая пионерская госприемка.

А потом случилось непредвиденное. Прошли неделя, ме-

ся, а в жизни пионеров Пятигорска ничего не изменилось. Хуже того, распался отряд, который пытался создать по месту жительства Марат Царгасов. Ребята и взрослые из дома № 34 по Сельской улице перестали верить, что смогут отвоевать помещение для дворового клуба. Так и не появились в городе ни штаб по трудоустройству, ни пионерская газета. И о телефоне доверия тоже ни слуху ни духу.

Словом, вся перестройка осталась на бумаге. Почему?

ТЕПЕРЬ МЫ ХОЗЯЕВА

Мы побывали во многих дружинах Пятигорска и всюду слышали от ребят: «Старый состав городского совета не способен выполнить задуманное. Нужен новый. В него надо выбирать не только взрослых, но и самих пионеров».

И снова — на улицах и площадях города появились листовки:

«Пионер! Если ты хочешь, чтобы городской совет стал по-настоящему пионерским, ты должен серьезно подойти к выборам его членов».

А что значит серьезно, никто не знал: у нас в стране они не проводились.

Рассказывает **Таня Носикова**: «В школе № 5 кругом плакаты. С них смотрят кандидаты в городской совет от дружины имени Кучуры. На сборе актива — спор: кому из кандидатов отдать предпочтение. В конце концов решили: пусть кандидаты познакомят избирателей со своими программами. Началась предвыборная кампания. Сторонники пятиклассника Димы Щебета и Жени Кузина даже выпустили значки с их фотографиями».

Рассказывает **Сергей Москвичев**: «Сбор в школе № 9 сперва шел скучновато. Многие считали, будем голосовать за Галю Букину, она у нас самый активный товарищ. Так чего тут обсуждать.

— Не спешите поднимать руку, — предупредили члены избирательной комиссии. — Может, кто-то хочет предложить другие кандидатуры?

И тут встал пятиклассник Паша Хлуднев и заявил:

— Я хочу! Выбирайте меня! Обещаю наладить в дружине тимуровскую работу.

Так вместо одного кандидата появилось два. И надо было, действительно, делать выбор.

У Гали — опыт работы в городском пионерском штабе. А Пашу все знают как настоящего тимуровца. Кому отдать предпочтение? Стали голосовать.

За Букину — 76 человек, за Хлуднева — 55.

И вот еще один результат: после выборов Галя и Паша договорились: «Создадим в дружине разновозрастной тимуровский отряд. Такой, чтобы в него вошли только желающие».

Рассказывает **Виктор Сергеев**: «Труднее всего на выборах пришлось взрослым. Раньше в городской совет их просто назначали. А теперь нужно было заинтересовать ребят своими предложениями, чтобы они в тебя поверили. В школе № 6 в выборах участвовала Зоя Петровна Выхристюк — заведующая отделом культуры горисполкома. На сборе дружины Зоя Петровна говорила: «Меня волнует проблема вашего досуга. Постараюсь сделать все, чтобы музеи и театры города стали вашими друзьями...»

Ее соперник — девятиклассник Вася Величко — выступил с более простой программой: «Сократить количество деловых пионерских сборов, остальные проводить только для желающих».

И за Васю отдали свои голоса 9 пионерских отрядов, а за Зою Петровну — 7.

По-моему, все решила не программа кандидатов, которая у Зои Петровны явно интересней и содержательней, а то, что ее плохо знали ребята...»

Кто же вошел в состав городского совета Пятигорска? 28 пионеров, 6 комсомольцев-старшеклассников, 23 взрослых. Председателя Совета тоже не назначали, а выбирали открытым голосованием. Им стал девятиклассник Женя Ку-

зин, редактор газеты «Веселый ветер». А его заместителем — учительница Марина Михайловна Сусарина.

ВПЕРЕД, ТОЛЬКО ВПЕРЕД

Как действует новый городской совет? Женя Кузин говорит: «Заседать просто нет времени. У каждого — свой участок работы. Что уже сделано? В школе № 14 долгое время были сложные отношения между ребятами и учителем истории. Сейчас этот конфликт улажен. В городе вновь действует телефон доверия: и теперь мальчишки и девчонки могут в любую минуту обратиться к нам за помощью. В школе № 9 организован первый внеклассный тимуровский отряд. Саша Гришин из школы № 4 во время выборов обещал создать детский кооператив по изготовлению учебно-наглядных пособий. Просил: «Дайте только взрослого консультанта». Консультанта я ему нашел. А Саша не показывает, забыл о своем обещании. Ну, я пошел к нему домой, так, мол, и так, если обещал, слово надо держать...»

От авторов

Можно прочитать репортаж о событиях в Пятигорске и позавидовать: вот как хорошо у них. А можно и самим воспользоваться их опытом перестройки.

Думайте, действуйте. Ждем ваших сообщений.

В. ВЕРХОВСКИЙ,
С. ЦЫМБАЛЕНКО

ЕЕ ЗВАЛИ МАРИЯ

ХРОНИКА ОДНОГО ПОИСКА

Александр ТОЛСТИКОВ

СОЛДАТСКИЕ ВДОВЫ

ГЛАВА 6

ВОЛГОГРАД

Первая часть поиска была закончена. Теперь предстояло восстановить довоенную биографию Марии. Что мы знали?

Знали год ее рождения — 1917. Мария была ровесницей революции. Те три женщины, с которыми Николаев встречался в сорок третьем году, рассказывали, что руку Мария искалечила, работая на гвоздильном заводе. Но живы ли они? Правда, Николаев записал и сохранил их имена и фамилии. Где находится гвоздильный завод? В каком году Мария работала там? Где родилась Мария? Кто были ее родители?

Ответы нужно было искать в Волгограде.

...В Волгоград прилетели ночью, в два тридцать по местному времени. В гостинице оказались около четырех. Дорога была утомительной и мы, даже не наметив план действий на завтра, легли спать.

Когда я проснулся, Иван Николаевич уже сидел за столом и что-то писал. Я спросил, сколько времени.

— Восемь, — ответил он. — Вы спали четыре часа, я на час меньше. Людям моего возраста нужно спать как можно меньше, времени маловато остается. Вставайте и идите на балкон.

Я вышел на балкон. Прямо передо мной, метрах в двухстах, блестела на солнце Волга. У берега белели паруса яхт. Справа, навстречу солнцу, пробирался по реке какой-то чумазый буксир.

— Волга, — негромко сказал Иван Николаевич, — в сорок втором году она была совсем не такой... Мы с вами поедem в Бекетовку, это направо по

берегу, я все вам покажу: и Купоросную балку, и штаб нашей бригады, и линию обороны...

Мы отправились на железнодорожный вокзал, там у нас была назначена встреча с однополчанином Николаева, председателем Совета ветеранов 64-й армии Александром Алексеевичем Бычиком.

Александр Алексеевич уже ждал нас, поглядывая на часы.

— Непорядок, Иван, — сказал он. — Вы опоздали на пятнадцать минут. Стареешь.

— Виноват, Саша, — улыбнулся Николаев. — Сколько мы с тобой не виделись?

— Три года.

— Ну вот, а ты сразу ворчишь.

— Вы же не на прогулку с товарищем приехали, дело серьезное. Тут нужна точность. Я хоть ворчу, а попробуй ты опоздай на встречу с Аглицким!

— Ну да, вы же старые штабисты... Кстати, ты обратил внимание на схему, которую нарисовал Аглицкий? Я тебе ее высылал. Схему перехода Саши и Марии в тыл?

— Она меня поразила. Все до мелочей запомнил. Там только одна неточность — он поменял местами железную дорогу и шоссе, а в остальном все идеально. Вот что такое штабист. Так что у нас сегодня?

— Едем в Бекетовку.

Бекетовка. Улица Казака, дом пять. Мы пришли к сестрам Марии Алексеевне Персидской и Прасковье Алексеевне Пинской. Их адрес узнал в адресном бюро Александр Алексеевич.

Дверь нам открыла пожилая, совершенно седая женщина.

— Здравствуйте, Прасковья Алексеевна, — поздоровался Иван Николаевич.

— Здравствуйте. Только я Мария Алексеевна. А вы кто?

— Я — участник Сталинградской битвы, Николаев Иван Николаевич. Этот товарищ — мой фронтовой друг, а это — сотрудник журнала «Костер». Мы к вам по очень важному делу.

Мария Алексеевна пригласила нас в комнату.

— Скажите, Мария Алексеевна, а сестра ваша жива? — спросил я.

— Прасковья-то? Сейчас я ее позову. С соседским ребенком нянчится.

Прасковья Алексеевна вошла в комнату с грудным ребенком. Младенцу было месяца четыре, он сучил ногами и орал.

— Вы помните Марию Ускову и ее семью?

— Да как же нам не помнить Марусю, да, Прасковья? Рядом ведь жили.

— Расскажите, пожалуйста, все подробно.

РАССКАЗ МАРИИ АЛЕКСЕЕВНЫ ПЕРСИДСКОЙ

С семьей Усковых мы жили рядом, до войны. Они на Прибарачной, четыре, мы — в доме шесть. Сейчас этой улицы нет, остались только две развалюхи. Улица шла прямо по оврагу, потом мы можем туда сходить. Усковы — не сталинградские, они приехали сюда из области, еще до войны. В каком году — точно не помню. Приехали без отца, он к тому времени уже умер. Так что мы его не знали. Мать, Прасковья Ивановна Ускова, и две дочери — Марфа и Мария. Отца звали Иваном, отчества не знаю. Мать уже была старенькая, болела, плохо видела. Когда они приехали, купили домик на Прибарачной улице, мы его называли — курятник. Его и домом-то нельзя было назвать, просто маленький деревянный сарайчик. Жили они бедно.

Мать уже нигде не работала, пенсия у нее была маленькая. Марфа и Мария пошли работать на завод Ермана, лесопильный. Кем работала Маруся, я не знаю, и не помню, сколько она там проработала, с какого года и по какой. Знаю только, что руку она потеряла на Ермана. Искалечило ее там. Она долго лечилась, а потом, когда поправилась, кажется, в тридцать седьмом году, пошла работать на фабрику игрушек, это здесь рядом, станция Руднева. Фабрика была в бывшей церкви, сейчас там склад. Это даже была не фабрика, а артель, там делали игрушки, и был гвоздильный цех — рубили гвозди. Это я точно знаю, потому что Прасковья работала там вместе с Марусей. Маруся была подсобницей — много ли сделаешь одной рукой. Искалеченную руку она засовывала под поясок кофты.

РАССКАЗ ПРАСКОВЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ ПИНСКОЙ

Я работала с Машей в тридцать седьмом году на фабрике игрушек. Маша была очень добрая и ласковая. И очень сдержанная. До того, как она покалечила себе руку, была веселая, часто пела, смеялась, а после этого стала какая-то грустная, часто задумывалась. Роста она была среднего, нос у нее был прямой, остренький. Волосы — рыжеватые. А Марфа, сестра ее, была ярко-рыжая. Они совсем не походили друг на друга по характеру. Марфа была своенравная, с людьми плохо сходилась. А Мария — совсем наоборот. Вы спрашиваете, была ли она красивая. Нет, ее нельзя было назвать очень-то красивой. Одевалась она бедненько, невзрачно. Ну, а бедные — все некрасивые... Но уж очень уважительная была, скромница. Приехали они в Сталинград или из Рахинки, или из Дубков. Это надо спросить у Марии Иосифовны Скворцовой, они вместе приехали в Сталинград.

Скворцова сейчас в Астрахани, у своей младшей дочери, а старшая ее дочь, Анна Дмитриевна Дуюнова, живет в Волгограде-два, но адреса мы не знаем. Аня должна помнить Марусю, ей тогда было лет четырнадцать. В каких годах Мария работала на Ермана, точно не припомню. Знаю, что в тридцатых.

Возвращаясь от сестер на электричку, мы увидели здание бывшей церкви, где когда-то была фабрика игрушек. Высокий каменный забор, колючая проволока — склад... Здесь работала Мария...

— А сейчас — «Труба», — сказал Александр Алексеевич.

— Та самая, о которой писал в письме Сергей Васильевич Шипоренко? — спросил я у Николаева.

— Так точно. Бывший штаб нашей бригады.

«Труба» — это большой железобетонный свод, проходящий под полотном железной дороги, четыре метра в ширину и метров двадцать в длину.

— Здесь были двери, — говорит Иван Николаевич, показывая на остатки сгнивших деревянных коробок, впаянных в бетон. — Вот примерно посредине была комнатка Михаила Павловича Аглицкого. Отсюда мы уходили с Сашей и Марией в ту ночь...

ГЛАВА 7

НЕВОЕННООБЯЗАННАЯ

Завод имени Ермана, одно из старейших предприятий Волгограда, носит имя революционера, борца за Советскую власть в Царицыне Якова Ермана. Здесь делают мебель, деревянную посуду, огромные бревна превращают в строительные материалы. Через проходную, натужно гудя, идут машины с готовой продукцией и сырьем. Завод огромный, здесь работают несколько тысяч человек. Когда-то работала и Мария...

Мы сидим в кабинете начальника отдела кадров Александра Ивановича Полежаева. Он уже

знает, зачем мы пришли, и сейчас внимательно изучает документы, которые мы разложили перед ним: письма, воспоминания. Закончив чтение, снимает очки и как-то растерянно говорит:

— Как же так? Работница нашего завода, героиня, разведчица, а мы ничего не знали...

Снимает трубку и быстро, по-военному, говорит:

— Пожалуйста, пригласите секретаря парткома, комсомол, архивариуса и редактора газеты. Передайте — дело очень важное, приехали люди из Ленинграда. Жду.

Через несколько минут мы познакомились с секретарем парткома Аркадием Петровичем Лызо, секретарем комитета комсомола Володей Бабичевым, редактором многотиражной газеты Анной Александровной Иоглы и заводским архивариусом Ниной Васильевной Федорушкиной.

— Не знаю, смогу ли чем-нибудь помочь, — сказала Нина Васильевна. — Личных карточек рабочих, которые работали у нас до войны, осталось всего шестьдесят семь. А было несколько тысяч. Но если уж очень повезет... Я сама сейчас проверю эти карточки, откладывать не будем.

Нина Васильевна ушла.

— В любом случае, — сказал Володя Бабичев, — найдется карточка или нет, нужно искать людей, которые работали вместе с Марией. Завтра же соберем внеочередное комсомольское собрание и распределим обязанности по поиску материалов об Усковой.

Вернулась Нина Васильевна.

— Вот, — просто сказала она, — перечень. Реестр поступления рабочих и служащих завода. Тридцать третий год. Смотрите страницу сто шестьдесят третью.

На указанной странице, в самом низу, под номером 1200 значилось:

«Ускова Мария Ивановна. Дата приема — 5 июля 1933 года». В скобках стояли две буквы — н/о. Под номером 1201 — «Ускова Марфа Ивановна. Дата приема — 26 мая 1933 года».

— Что означают буквы «н/о»? — спросил я Нину Васильевну.

— Невоеннообязанная...

Мы возвращались в город уже затемно, в вагоне электрички горел свет, она была заполнена рабочими. Мы стояли в набитом людьми, прокуренном тамбуре, и говорили о замечательных, отзывчивых людях, с которыми сегодня познакомились, о реестре тридцать третьего года, о том, что сегодня нам удивительно повезло.

Живы люди, которые хорошо помнят Марию. И все же их устные свидетельства не заменят одной сухой строчки в старой канцелярской книге, чудом сохранившейся на заводе Ермана. Мария никогда не была студенткой московского института. Она была простой рабочей девчонкой, комсомолкой далеких тридцатых годов.

ГЛАВА 8

Я ЗВАЛА ЕЕ «ТЕТЯ МАША»

Речной вокзал, гостиница «Волга».

Здесь работает Анна Дмитриевна Дуюнова, старшая дочь Марии Иосифовны Скворцовой, хорошо знавшей семью Усковых.

— Анна Дмитриевна, нам рассказали, что ваша семья приехала в Сталинград из области в тридцатые годы. Откуда вы приехали — из Рахинки или Дубков?

— Нет, мы переехали сюда из Катричева.

— Вы помните Марию Ускову?

— Какую Марию?

— Вы на какой улице жили в Бекетовке? На Терновой?

— Да.

— А Мария жила недалеко от вас, на Прибарачной. У нее была сестра Марфа и старенькая мама, Прасковья Ивановна.

— Извините, я сразу не поняла. Тетю Машу Ускову? Как же мне ее не помнить? Мы, дети, называли ее «сухоручка», за глаза, конечно. Для меня

Сестры М. А. Персидская и П. А. Пинская

она тогда была тетя Маша, хотя я и сама сейчас тетя, даже бабушка... У Марии левая рука была сухая. Она иногда ходила к моей маме. И Марфу помню, она была рыжая, а тетя Маша — светленькая. А почему вы интересуетесь Марией?

Мы объяснили.

Анна Дмитриевна слушала нас внимательно, но в глазах ее виделось недоумение, какой-то немой вопрос. Она не перебивала, только время от времени удивленно восклицала:

— Да что вы говорите? Неужели? Это тот самый Саша Филиппов, и значит — Мария была вместе с ним? Да как же это мы ничего не знали... И кто бы мог подумать!

— А почему вас, собственно говоря, это удивляет? — спросил Николаев.

— Да как-то даже не верится. Тетя Маша Ускова — и вдруг героиня, разведчица...

— Анна Дмитриевна, Усковы тоже переехали в Сталинград из Катричева?

— Видимо, да.

До Катричева сто тридцать километров по шоссейной дороге, ведущей в районный центр

Быково. Через четыре часа утомительной тряски с заездами в попутные села, автобус догнал меня до развилки с указателем «Катричев», а сам укатил дальше, в Быково. Вокруг была степь, осенний ветер гулял по этой степи, и я пожалел, что не взял из Ленинграда теплых вещей.

От шоссе, вправо, уходила асфальтированная дорога на Катричев. Нужно было ждать попутной машины, автобусы в Катричев сегодня не ходили, об этом меня предупредили еще в Волгограде. Но попутных машин, как на грех, не было. Пошел пешком. Далеко впереди, у самого горизонта, виднелась темная полоска деревьев.

«Наверное, за этими деревьями и есть Катричев», — думал я, прибавляя шагу. По обе стороны дороги лежали поля. Вот уже исчезла из виду главная дорога, стена деревьев на горизонте стала видна более отчетливо. Через час я наконец достиг этих деревьев, но впереди лежала та же дорога, и на этот раз горизонт был совершенно чист.

Часа через два начнет смеркаться. Я не знал, сколько километров до Катричева.

Через полчаса меня догнали красные «Жигули».

— Садитесь! — крикнул водитель.

Я залез в машину, в тепло.

— Вы что же, пешком собрались в Катричев? — спросил водитель. — Вы знаете, сколько туда километров? Сорок. К утру, конечно, добрались бы.

Поехали. Тепло и мягкое покачивание машины сделали свое дело, я заснул.

— Приехали!

Я посмотрел в окно. Мы стояли в степи, никаких следов жилья рядом не было. На обочине тарахтел колесный трактор с прицепом, возле него — четверо женщин.

— Дальше поедете на тракторе, — словно извиняясь, сказал водитель «Жигулей». — У нас была договоренность, я должен забрать этих женщин.

В кабине трактора, кроме водителя, сидел еще какой-то старик, так что пришлось лезть в кузов, загруженный мешками с картошкой. В этот раз мне действительно крупно не повезло. Скажу только, что, когда мы все-таки приехали в Катричев, я не мог от холода даже поблагодарить водителя.

Уже совсем стемнело. Улицы были плохо освещены, только на колхозной площади, у столовой, весело играла гармошка и танцевали нарядно одетые люди.

— Свадьба у нас, — сказал мне старик, который ехал в кабине.

Он подозвал двух мальчишек, которые крутились у столовой, наблюдая за танцующими.

— Отведете к директору школы, — хмуро приказал он мальчишкам. — Да не идите напрямки — утонете. Смотрите, какая грязь, а товарищ — в ботиночках...

С директором школы Алексеем Сергеевичем Целковским разговор был по-военному коротким.

— Вас понял. Чем можем — поможем. Поисковой работой в школе занимается Лидия Михайловна Гончарова, учительница литературы. Если сведения об Усковой верны, она найдет.

Мы отправились к Гончаровой. На улице уже была ночь.

Лидия Михайловна накормила ужином меня и своего сына Витьку, выслушала рассказ о Саше и Марии, изучила папку с документами.

— Я думаю так: нужно обойти в селе всех наших старушек и спросить их — может, кто помнит семью Марии.

На следующий день начались наши походы по Усковым. Я, в основном, молчал, беседу вела Лидия Михайловна.

— Здравствуйте, баба Мотя! Доброго вам здоровья!

— Здравствуй, Лида. Спасибо, детка. Сидайте. А это кто же с тобой?

— Это, бабушка, корреспондент из Ленинграда. У нас к вам дело. Мы ищем родственников одной девушки, партизанки, ее фашисты повесили в сорок втором году в Сталинграде. Ее фамилия была — Ускова. Звали Мария. Вы ведь тоже Ускова?

— Да сейчас-то я не Ускова, а в девках была Ускова, по отцу. А кто у нее родные были, у Марии вашей?

— Отец — Иван Усков, отчества не знаем, мать — Прасковья Ивановна. У них было две дочери — Марфа и Маша. Марфа примерно с десятого года рождения, а Маша — с семнадцатого. Вот и нужно узнать — катричевская она или нет. В городе говорят — катричевская...

— Кто говорит?

— Скворцова Мария Иосифовна. Не знали такую?

Баба Мотя отрицательно качает головой. Глаза у нее слезятся, старуха поминутно вытирает их платочком.

— Не помню, детка. Был Митька Усков, его «бегунок» звали, был Сашка Усков, того «каблучком» звали, а Ивана — не помню...

Пора уходить, мы прощаемся, но баба Мотя не отпускает нас, пытается усадить за стол, ставит миску с пирогами. Я отказываюсь, Лидия Михайловна шепчет:

— Нельзя, обидите. Съешьте пирожок...

Едим пирожки, пьем компот,

благодарим и идем в следующий дом.

— Здравствуйте, баба Васена. Доброго вам здоровья.

Бабе Васене восемьдесят пять лет. Ивана Ускова она не помнит.

— Усковы жили возле молочной фермы, их звали «бегунки», это род Митьки-бегуна. Бегал он шибко быстро, лошадь мог перегнать. Пастухом был. Утром говорит подпаску: «Васька, у меня курево кончилось, побегу в Быково». А до Быкова пятьдесят километров. Побежит, а к вечеру уже вертается, с куревом. Вот какой был. Сашку Ускова знала, он на хуторе жил, все сапоги носил с каблучками. Тех Усковых так и звали — «каблучки». Были еще Усковы — Семен и Федор, братья, был Степа́н Усков, плотник хороший, еще до войны умер, а Ивана, нет, не помню...

Следующий двор, пятый, пятнадцатый, двадцать второй... Усковы, Усковы, Усковы... Ивана и его жену Прасковью никто не помнит...

Утром я уехал в Волгоград. На прощанье Лидия Михайловна сказала:

— Найдем, можете быть уверены. Если мне с детьми не удастся, старухи найдут, вспомнят. Теперь они не успокоятся.

ГЛАВА 9

КАТРИЧЕВСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ ДЕЙСТВУЮТ

«Дорогой «Костер»!

Поиск ведем. Есть результаты.

Бабушки сообщили нам, что нашли двух человек, которые знают, где родилась и жила Маша Ускова, помнят ее. Это Василий Дмитриевич Осадчий и Степан Егорович Самарский. Это наши, катричевские жители. Мы побывали у них дома, но дело в том, что Степан Егорович отказался что-либо рассказать нам, сказал, что будет говорить только с корреспондентом из Ленинграда. А Василий Дмитриевич говорит, что Ма-

шу помнит очень хорошо, но что разведчицей она ни за что не могла быть. Почему — не объяснил. Дорогой «Костер», приезжай к нам, пожалуйста, к тому времени еще что-нибудь выясним. Катричевские следопыты».

И снова — дорога. На этот раз ранней весной, вместе с Александром Алексеевичем Бычиком, бессменным нашим помощником в поисках. Знакомая асфальтированная дорога в Катричев, ожидание попутной машины, пение жаворонков в небе.

Степана Егоровича Самарского мы нашли на огороде, он вскапывал грядки. Ему уже под восемьдесят, он глуховат, чтобы лучше расслышать, прикладывает ладонь к уху. Сначала он потребовал документы, аккуратно проверил, внимательно вглядываясь в фотографию на удостоверении.

— Ну, слушайте, — строго начал Степан Егорович, — что помню, скажу. Машу помню, хоть она и поменьше от меня была, лет на десять. Понимаете, я с ней не водился, уже парубком был, взрослым, и на хуторе том бывал не часто. Так, если по степи куда едешь, когда и завернешь к «прыщам»...

— К каким «прыщам»?

— Так ведь хутор ихний в народе так и называли — «Прыщов». Это по-нашему, по-уличному. А чего «прыщи» — кто его знает? Чего, спросите, «каблучки», «крючочки»? Звали и звали. Отец, помню, строгий был, Иван, хозяйство вел крепко. Колодец у них был хороший, вода чистая-чистая, как слезинка. Сад был большой, ветрячок, ну, мельничка такая маленькая, ветряная. Мой отец

раза два посылал меня к Ивану Ивановичу, муку молоть. Денег он за помол не брал, Иван Иванович. Так если, кусок сала возьмет, да ему и того не нужно было, все свое. Братья у Марии были. Один, Николай, кажись, старший, напротив жил, в своем доме, младшего не помню. Ну, Маша и Марфа. Марфа была рыжая, аж красная, а Маруся — та смазливенькая, красивая. Беленькая. Смеялась все, значит, легкая характером была... Дом у них был деревянный, крепкий. А дальше случилось вот что: Иван Иванович помер, хозяйство Прасковья не могла одна тянуть, и все постепенно порушилось. Когда они уехали, не помню точно, помню, что в двадцатые годы, в конце. Куда, к кому — не знаю...

Василий Дмитриевич Осадчий рассказал:

— Хорошо помню мать Марии, тетку Параньку. Шустрая была тетка, хозяйственная. Маша была старше меня года на четыре. Боевая была девка. Веселая. Петь очень любила. Голосок у нее был чистый, звонкий. Все больше народные песни пела, наши, степные. Читать любила. Конечно, библиотека тогда у нас никаких не было, и школы не было, ее только в тридцатом году открыли, в Катричеве, а Паранька с дочерьми уехала в двадцать девятом... Откуда у них были книжки — не знаю... Но помню — читала. И писала хорошо, красиво. Наш хутор рядом с ихним был. Нас по-уличному «крючочки» звали, их — «прыщи». Я-то совсем неграмотным парнем был, читать-писать научился лет в тринадцать. Кто научил Марию читать и пи-

сать — не знаю. Мать неграмотная была. Может, отец. Но я его не помню. Жили они в круглом доме. Что такое круглый? Это дом с четырехскатной крышей. Его в начале тридцатых годов перевезли на какой-то ближайший хутор. Может, он до сих пор сохранился, нужно будет узнать...

Забегая вперед, скажу, что и в это посещение Катричева мы не узнали главного, точно так же, как это случилось и в первый мой приезд. Самое интересное выяснилось уже в Ленинграде, буквально через две-три недели. Опять получилось так: беседуя с Самарским и Осадчим, мы не знали, что в Катричеве живет прямая родственница Маши Усковой...

«Дорогой «Костер»!

Рады сообщить новость: после того, как вы побывали у нас, в школу пришла Мария Федоровна Чепусова (в девичестве — Кобликова) и сказала: что же вы, ходите по людям, которые вам ничего сказать не могут, а я же — племянница Марии! Мы просто остолбенели. Вот это да! Сколько искали, ходили, спрашивали, а к Марии Федоровне не догадались зайти. Но это наша вина. Вот что нам рассказала Мария Федоровна:

«Мой отец, Кобликов Иван Павлович, был родным племянником Прасковьи Ивановны, матери Марии, значит, я довожусь Маше двоюродной племянницей, а она мне — двоюродной теткой. Хотя я старше Марии на три года, я с четырнадцатого года рождения. Так что моя тетька — Мария — мо-

ложе меня. Мы часто бывали в гостях у Усковых, поэтому я хорошо знала всю семью.

Ивана Иваныча, отца Марии, помню смутно, потому что мы с ним почти никогда не разговаривали. Прасковья Ивановна — маленькая, худенькая, очень подвижная, ворчливая, но в общем, добрая тетка. Весь дом держался на ней. Очень любила порядок, приучала детей к порядку. Везде у нее было чисто прибрано — и в доме, и во дворе, и в саду. Николай, старший брат Марии, был женат, имел детей. Где они сейчас, остался ли кто — не знаю. Наверно, кто-то есть. Иван — второй брат, был на фронте, а вот вернулся ли он, не знаю. Марфа — невысокого роста, плотная, была замкнутой, малообщительной. А Маша пошла в мать, в Кобликовых. Она запомнилась мне в белом платье с цветочками, ситцевом. Очень подвижная была, общительная, всегда играла с приехавшими детьми. Учила меня читать и вязать платок. А Прасковья Ивановна сердилась: чего учишь? За тобой не успеваю дырки заплетать...

Маша была красивой, лицо ее помню как сейчас. Домик у них был небольшой, но прочный. Был он с резьбой. Мне запомнилось большое круглое зеркало в темной деревянной оправе, наверху был резной козырек. Посередине комнаты стоял длинный стол. Он не накрывался скатертью, был расписан цветами. В углу комнаты стоял большой чугунок — в нем всегда был грушевый взвар — компот. Тетка Прасковья пекла очень вкусные пирожки и любила угощать ими гостей. Пирогги складывала стопочкой. Когда мы ездили в Рахинку, а дорога шла через Прыщев хутор, обязательно заезжали к Усковым. Прасковья Ивановна сразу же начинала хлопотать по хозяйству, старалась всех вкусно накормить.

Осенью и летом, когда яблоки поспевают, мой отец делал «гарбузницу» — воз для тыкв, и ехал к Усковым за яблоками. Прасковья Ивановна говорила: «Собирайте, собирайте побольше, посушите

на зиму!» Яблоки у них были очень вкусные, крупные.

Усковы уехали в Сталинград неожиданно. Прасковья Ивановна даже племянника, то есть моего отца, не предупредила. Отец хотел перетащить дом на свой хутор, но ему не разрешили. Позже его перевезли на Симиливку, кажется, он и до сих пор сохранился. В этом доме жила семья Гриценко Матрены, она жива, сейчас в Катричеве, у дочери. Отец навещал Усковых в Сталинграде. Однажды приехал и сказал: «Мария без руки осталась».

Помню, что отец рассказывал, будто бы Маша вышла замуж, и тот парень, ее муж, переехал жить к ним. Прасковья Ивановна почему-то невзлюбила его и старалась их развести. Отец просил, чтобы она не вмешивалась и не мешала жить молодым, как им хочется. Когда отец ушел на фронт (он погиб), связь с семьей Усковых прервалась. Сейчас в Катричеве живет мой брат, Алексей Иванович Кобликов, в Волжском — брат Николай, в Волгограде — сестра Татьяна. Маше они доводятся двоюродными племянниками. Они намного моложе Марии, и не могут ее помнить...»

Вот что рассказала нам Мария Федоровна Кобликова. С племянниками Марии мы стараемся встретиться и что-нибудь еще разузнать. С уважением — катричевские следопыты».

В Волгограде мы наконец застали Марию Иосифовну Скворцову, мать Анны Дмитриевны Дуюновой. Застали, можно сказать, чудом, потому что через два дня она снова уезжала в Астрахань. Мария Иосифовна показала нам старые, пожелтевшие фотографии тридцатых годов.

— Вот, смотрите, это моя старшая сестра Шура. Так вот, Мария была очень похожа на нее. Только губы у Маши были полнее — видите, у Шуры они в ниточку, а у Маши более округлые... И волосы попышнее...

— Мария Иосифовна, в Кат-

ричеве нам сказали, что, якобы, Мария до войны вышла замуж. Вы ничего об этом не знаете?

— Знаю. И мужа ее помню, Виктором звали. Только вот фамилию его забыла. Хороший был парень, веселый, работающий, на заводе Ермана работал. Наверно, вы не знаете, у Маши ведь ребенок родился, девочка. А тут и война пришла. Муж Маши на фронт ушел и в первый же год погиб. А дочку свою Маша очень любила. Ей трудно было носить ребенка, с одной-то рукой, так ей кто-то сделал деревянную колясочку, она и возила дочку в ней. Я, помню, спрашивала ее: «Как же ты пеленаешь девочку, одной-то рукой?» А она смеется, ничего, мол, справляюсь... Девочка Маша и года не прожила — умерла. От чего — не знаю, знаю только, что болела, болела и умерла. А тут и муж Машин погиб, и все беды на нее сразу свалились. Прасковья уже никудашня была, еле передвигалась, плохо видела, так что туго Маше приходилось. Подрабатывала, где придется...

— Вы могли бы точно показать место, где стоял их домик?

— Конечно. Только мне уж трудно будет в Бекетовку ехать, по оврагу ходить. Аня с вами поедет, она лучше моего вам все расскажет и покажет...

Утром следующего дня мы отправились в Бекетовку. Знакомый овраг, мы здесь уже были с Иваном Николаевичем. Склоны его буйно заросли чертополохом и крапивой, лопухами и широкими, разлапистыми листьями мать-и-мачехи. На дне оврага бежал мутный, быстрый ручей.

Бывшей Прибарачной улицы уже нет. Неизвестно как сохранились два старых домика, прилепившихся на самом краю оврага, такие ветхие, что казалось — подуй по сильнее ветер, и снесет эти нелепые сооружения, и настанет конец Прибарачной улице, где когда-то жили люди...

По крутой, извилистой тропинке поднимаемся на противоположный склон оврага, к са-

мым домикам. Вдоль оврага тянется покосившийся заборчик.

— Вот по этой дорожке Мария ходила на работу,— говорит Анна Дмитриевна.— Как сейчас это помню: раннее утро, солнце поднимается прямо из оврага, а по дорожке идет Маша — в белом платочке, на завод... Вот посмотрите, здесь стоял домик Усковых, видите, даже фундамент сохранился.

Да, от того домика остался только фундамент — квадратная лента бутового камня, занесенная песком и глиной, его очертания скорее угадываются, чем видятся.

А в голубом утреннем небе пели птицы. День обещал быть жарким, но пока еще было поутреннему свежо. И трудно было представить себе, что когда-то здесь грохотала война, разворачивалось одно из самых гигантских сражений Великой Отечественной войны. И в этом сражении потерялась тихая, незаметная девушка Маша Ускова, и никто сейчас не знает о ее незаметной жизни и гибели...

ГЛАВА 10

БЕЗ ОСОБЫХ ПРИМЕТ

Нам стала известна довоенная биография Марии. Были найдены люди, знавшие семью Усковых, обнаружены даже родственники, правда, дальние, точно установлено место ее рождения. Не хватало одного — фотографии Марии.

На заводе Ермана просмотрели десятки снимков тридцатых годов, групповые и одиночные, на которых сфотографированы рабочие завода, сняли копии и показали людям, которые хорошо помнят Марию — ее там не было. Не оказалось фото и в семейных архивах родственников, соседей, знакомых.

Так какой же она была, Маша Ускова?

Идея родилась в «Костре» — пригласить в Ленинград людей, хорошо знавших Марию, и здесь, в лаборатории криминалистики, по фотороботу восстановить ее портрет.

Эту работу возглавил сотруд-

ник Института судебной экспертизы, кандидат юридических наук Михаил Григорьевич Любарский. Он уже выступал на страницах нашего журнала, рассказывая читателям о поисках и находках ленинградских криминалистов, и подобную работу ему приходилось делать не впервые. Но задача была сложная.

К сожалению, не удалось привезти в Ленинград сестер Персидскую и Пинскую, Марию Иосифовну Скворцову. Они уже очень пожилые и больные люди. С ними договорились так: как только портрет будет готов, мы привезем копию в Волгоград и покажем им; если будут замечания, Любарский их учтет.

Из Москвы приехал Михаил Павлович Аглицкий, из Волгограда — Анна Дмитриевна Дююнова и Александр Алексеевич Бычик, Николаев был на месте, в Ленинграде. Перед началом работы Михаил Григорьевич отвел меня в сторонку и сказал:

— Мне бы хотелось побеседовать с товарищами по-одному, по очереди. Вы, конечно, можете присутствовать.

— А, понимаю,— догадался я,— вы не хотите, чтобы они друг другу подсказывали.

— Да нет,— улыбнулся Михаил Григорьевич,— они же не дети, не на уроке. Но вы правы, только не «не подсказывали», а «не влияли»... А потом, за стенами моего кабинета, они могут выяснять отношения сколько угодно...

Никаких фотороботов в кабинете Любарского не было. Был обычный письменный стол, стопка бумаги на нем, мягкие кресла. Каждый рассказывал все, что помнил о Маше Усковой, а Михаил Григорьевич по ходу рассказа задавал вопросы и изредка что-то записывал. У окна, за другим столом, сидел главный художник «Костра» и на большом листе ватмана делал наброски.

А вопросов было много. Какой был нос: прямой или с горбинкой, курносый, короткий, длинный, узкий или широкий в переносице, какие ноздри, крылья носа и т. д. Оказалось,

что о глазах человека можно расспрашивать целых полчаса!

— Не помните, какой был лоб?

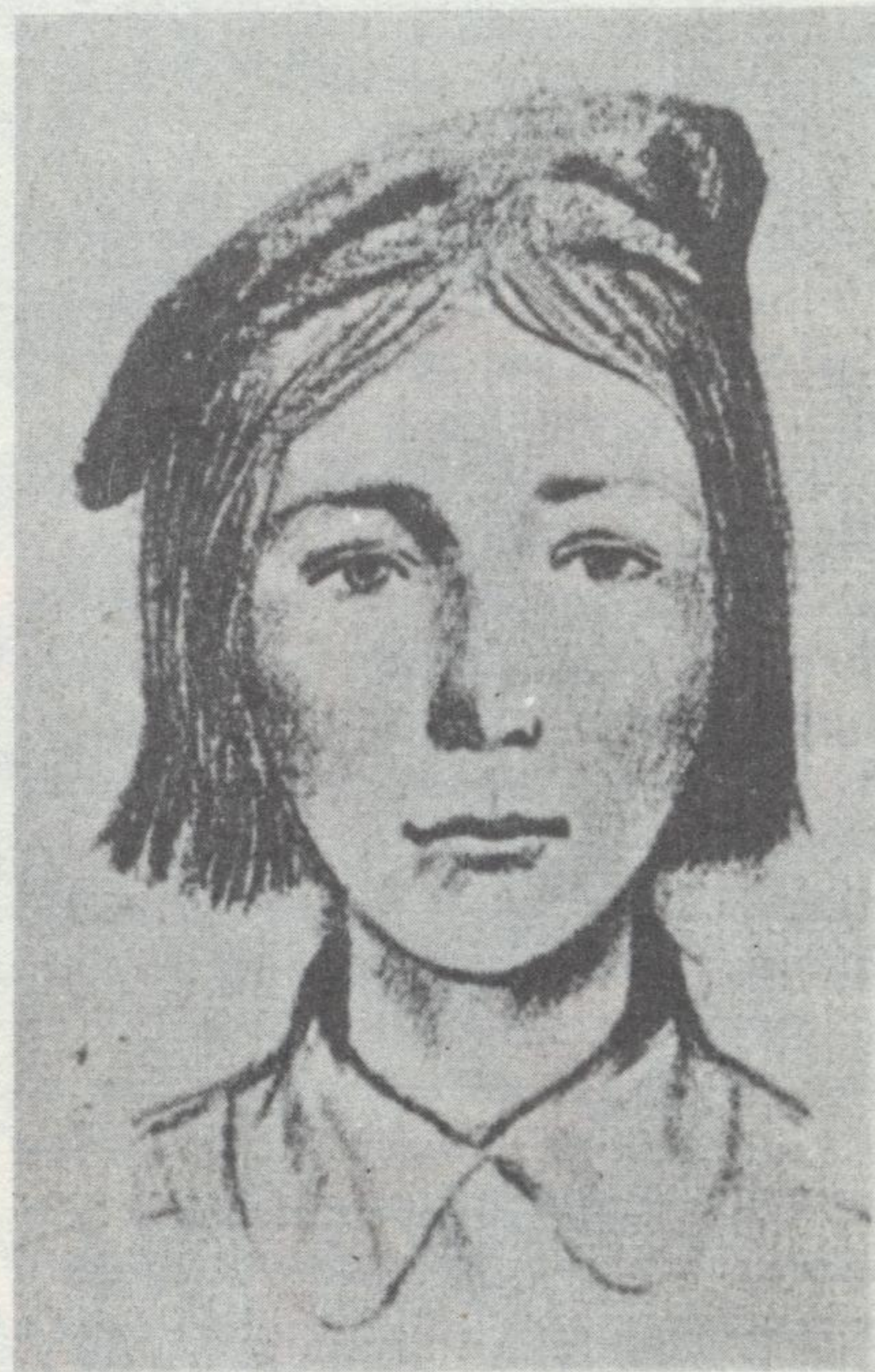
— Обычный лоб,— отвечал Аглицкий,— как у всех людей.

— Да нет,— мягко возражал Любарский,— лбы у людей совершенно разные. Послушайте, я вам расскажу, какими они бывают.

Конечно, в первый день мы ничего не успели сделать. На следующий день все повторилось, и на третий, и на четвертый... В результате получилось три словесных портрета, и три — рисованных.

Наконец, из окончательного варианта портрета была смонтирована фотография — на специальной установке были подобраны подлинные фотофрагменты.

На столе портрет. Вот такой была Маша Ускова. Я впервые увидел ее за долгие месяцы поисков.

У Анны Дмитриевны слезы на глазах, она не скрывает их.

— Спасибо, Михаил Григорьевич,— басит Аглицкий,— вы прямо волшебник...

— Ну что вы,— смущенно говорит Любарский,— это вам спасибо. Я рад, что сумел вам помочь. Теперь и я знаю, какой была Мария...

ОНИ ПИШУТ ДЛЯ ВАС

Когда я читаю книги Людмилы Леонидовны Фадеевой, мне кажется, что их написала школьница Люда, которая сидела на парте рядом с отличницей Инной, героиней ее стихов, поглядывала на загадочного Семенова, которого неизвестно как зовут, и знала не только, что происходит в их классе, но каким-то волшебным образом и то, что думают, о чем мечтают ее одноклассники.

Разве взрослый человек мог бы так прекрасно удивиться:

«Даже муха — вот это да —
Окружающая среда».

И как бы он мог придумать,
что работа:

«...посудомойная,
Мусоровыносильная,
Пылевытиральная —
Это все посильная».

Только школьник может чувствовать себя ответственным за погоду, если ему поручено отмечать ее на стенде.

Наверно, у Людмилы Леонидовны Фадеевой живет в душе школьница Люда, которая подсказывает ей такие правдивые стихи про ребят.

Многие талантливые люди никогда не расстаются с детством, и тогда из них получаются настоящие детские писатели.

Обязательно прочтите /если не читали/ книжки Людмилы Леонидовны Фадеевой: «Как зовут тебя, Семенов?», «В нашем классе», «Будем слушать тишину», «Хорошо живется третьему звену». Получите большое удовольствие.

Ее стихи чаще всего веселые и добрые, хотя иногда в них мелькнет грустинка или обида, но всегда они заставляют задуматься. Задуматься об окружающем мире, о себе самом, о том, что хотела подсказать читателю Людмила Леонидовна.

Екатерина СЕРОВА

Людмила ФАДЕЕВА

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Мы теперь ученики,
Нам не до гулянья.
На дом задали крючки —
Первое задание!
Вот мы с мамой над столом
Дружно распеваем:
— Вниз ведем,
ведем,
ведем —

Пла-а-вно закругляем!
Но противные крючки
С острыми носами
У меня из-под руки
Выползают сами!
Телевизор не глядим,
Сказки не читаем,
Три часа сидим,
сидим —
Пла-а-вно закругляем!
Вечер. Поздно. Спать идем,
Сразу засыпаем.
И во сне

ведем, ведем —
Пла-а-вно закругляем!

ПЯТЫЕ-ВОЖАТЫЕ

К нам вожатые придут!
Нас куда-то поведут!
Кто вожатые у нас?
Пятый класс!
Эти классы пятые
Самые вожатые!
Говорил Капустин Вова,
Что они и рыболовы,
И артисты,
И туристы,
И еще в кино ходисты!
К нам вожатые придут!
Нас куда-то поведут!
А куда? Не все равно!
Рвется Глебова в кино,
Сенька Плисов — на рыбалку,
На балет Петрова Галка,
А с Никитиным беда —
Он не рвется никуда...
Пятый класс,
Пятый класс!
Что придумал ты для нас?

МАРУСЬКА

Пасется лошадь.
Ест траву.
«Маруська!» — тихо позову.
Она меня услышит.
И вздрогнет.
И подышит.
Кругом машины тархтят,
Маруську заменить хотят:
Хлеб возят,
Сено косят
И травки не попросят!
И не вздохнут так тяжело.
И не подышат так тепло...

Рисунки А. Ивашенцовой

МОЕ МНЕНИЕ

Сонату выслушали мы.
«Как здесь дается тема тьмы?» —
Учительница пения
Мое спросила мнение!
Ведь никогда
Никто вокруг
Его не спрашивал!
И вдруг
Она его спросила!
Во мне возникла сила!
Такой же важный я на свете,
Как... две отличницы вот эти!
Мне тоже музыка близка!
А меня нет еще пока.

СЧАСТЬЕ В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Я жил спокойно, поживал,
Но в вешний день отличный
Мне Лешка счастья пожелал
В какой-то жизни личной.

Я знаю, это про любовь,
На Лосеву намеки.
Я погрозил ему без слов,
Пошел учить уроки.

А из окошка солнца свет
Мне бьет в глаза до боли!
Раз в личной жизни счастья нет,
В учебе было б, что ли...

НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

Место действия: Сибирь.

Время действия: 30 июня 1908 года. Вечер.

Должна наступить ночь.

Но не наступила...

И не только в Западной Сибири не было ночи 30 июня и еще несколько суток, но и в Европе... Точнее, ночи были, но — белые. Белые ночи в таких местах, где никогда прежде их не бывало, да и позже не случалось.

В тот день огненный шар пролетел над тайгой, над рекой Подкаменной Тунгуской; страшные удары, похожие на раскаты грома, слышные на многие десятки километров вокруг, взорвали таежную тишину... Огненно-синяя колонна взметнулась до самого неба, и в прорванную атмосферу хлынула масса космической пыли. Она рассеяла солнечные лучи, и это было причиной невиданных прежде в Сибири белых ночей. Яркие серебристые облака появились над огромной территорией в десятки миллионов квадратных километров. А взрывная волна обошла земной шар, и ее зарегистрировали метеостанции всех стран мира. Энергия взрыва во много раз превышала энергию взрыва атомной бомбы в Хиросиме.

Не один день бушевал пожар в тайге, и деревья обгорели на расстоянии десяти километров от эпицентра взрыва. И что было там, в центре удара огненного гостя, — никто сначала не знал. И узнали не скоро, потому что первая экспедиция на место события отправилась лишь спустя двадцать лет после взрыва. Время тогда в России было такое, что не имелось возможности посылать научные экспедиции, — революция, потом гражданская война, разруха...

Первой мыслью ученых была мысль о гигантском метеорите, именно так писали и говорили в те годы, и такое наименование загадки — «Тунгусский ме-

теорит» — сохранилось до наших дней. Но был ли это метеорит?

Известно, что в местах падения на Землю крупных метеоритов образуются кратеры. И, конечно, предполагалось, что в районе реки Подкаменной Тунгуски экспедиция обнаружит гигантский кратер, соответствующий силе взрыва. Но...

Но в эпицентре взрыва стояли деревья, — обгоревшие, с сорванными верхушками, словно отесанные. Зато вокруг лес был повален на десятки километров в окружности, деревья вырваны с корнем. И — никаких кратеров, ни больших, ни малых...

Стало ясно, что небесное тело, вторгшееся так внезапно в атмосферу Земли, взорвалось, не достигнув поверхности планеты, — по расчетам на высоте около 5 километров над землей. Но что это было за тело? Ведь метеорит, даже взорвавшись в воздухе, все же оставил бы после себя достаточное количество осколков, чтобы их можно было обнаружить. Но никаких осколков не найдено и до сегодняшнего дня. И все-таки многие ученые продолжают думать, что это был метеорит, — только все его следы сгорели в зажженном им же самим пожаре.

Но есть и другие точки зрения.

Например, предположили, что Земля столкнулась с кометой. И поскольку голова кометы взорвалась в атмосфере, кратера нет. Но ведь нет и следов кометы в почве тайги. Правда, в семидесятых годах на месте Тунгусской катастрофы работала киевская экспедиция, и тогда в торфе были найдены крохотные комочки графита с вкрапленными в них зернами алмаза. Можно предположить, что это след кометы. Чистый алмаз из графита получается или в космосе, или

в лабораторных условиях на земле,— или же в вулканах.

Кстати, в четырех километрах от эпицентра взрыва есть кратер давно потухшего вулкана. Так что зерна графита с алмазами вполне могли попасть в район падения Тунгусского незнакомца и из вулкана. К тому же, столкновение Земли с кометой должно было высвободить столько энергии, сколько мы получаем ее от Солнца в течение четырех месяцев. Изменились бы и температура атмосферы, и химический состав воздуха... но ничего этого не было в 1908 году. К тому же, вероятность столкновения с кометами для Земли подсчитана — такая встреча может произойти лишь один раз в 12 миллионов лет. Так что вряд ли над рекой Тунгусской произошел взрыв кометы.

Долгое время бытовало также мнение, что взрыв над тайгой был ядерным,— вполне могло ведь оказаться, что чей-то космический корабль, добравшийся до Земли из глубин Вселенной, взорвался при столкновении с атмосферой или в результате аварии. Но... никаких следов радиоактивности в тайге не было обнаружено. А ядерный взрыв, само собой, не может пройти бесследно, тем более взрыв такой мощности. Радиация сохранилась бы долгие годы, следы ее современная аппаратура вполне могла бы обнаружить в растениях, почве. Но следов нет.

Двое физиков из США — А. А. Джексон и Майкл Райан — выдвинули новую гипотезу. Они предположили, что с Землей соприкоснулась «черная дыра».

«Черными дырами» называют космические объекты с непомерно большой плотностью. Они образуются под влиянием собственного гигантского тяготения, конденсируясь до такой степени, что не только какие-либо материальные частицы, но даже излучение не может вырваться наружу из «черной дыры». Считают, что «черная дыра» может быть и «микродырой», то есть, имея

массу примерно такую же, как средний астероид, в пространстве занимать почти неощутимое место: как несколько атомов вещества, находящегося в обычном, не сверхсжатом состоянии. Такая «микродыра», проходя через атмосферу Земли, должна была вызвать взрывную волну, сопровождающуюся огненно-синей колонной. Что ж, такая колонна над тайгой была. Но вот что произошло дальше? «Черная дыра» должна была пройти Землю насквозь, причем совершенно бесследно, потому что силы, связывающие воедино земные породы, достаточно велики, но вот на месте выхода «дыры» наружу — в Северной Атлантике — она должна была поднять столб воды, которая затем разбежалась бы крупными концентрическими волнами. Удастся ли найти сведения о таких волнах в конце июня — начале июля 1908 года? Теперь уж навряд ли?..

Есть и еще одно предположение — совсем уж необычное. Это предположение о том, что с Землей столкнулся все-таки чужой звездолет, но не простой, а существующий во встречном времени,— контрамот. Наше время движется из вчерашнего дня — через сегодняшний — в завтра; а контрамот движется из нашего завтра — через сегодня — во вчера. И вот 30 июня 1908 года мы встретились с ним. И звездолет этот погиб по какой-то неизвестной причине. Но если взорвавшийся над тайгой звездолет был контрамотом, то рухнувшие на землю его осколки оказались в двадцать девятом июня в тот момент, когда Земля перешла в первое июля,— поэтому их и не нашли... Правда, эта гипотеза выдвинута фантастами, писателями братьями Стругацкими,— но почему бы и нет? И представьте, что с каждым днем следы Тунгусской загадки уходят от нас все дальше и дальше...

А если говорить серьезно — тайна Тунгусского метеорита все еще ждет своего настоящего решения.

Т. ЗЕЛЕНКОВА
Рисунки Б. Чупова

Составила Н. Иванова

Оформление Т. Панкеевич

ноябрь

Ноябрь — ни осени, ни зимы. Моросят затяжные дождички пополам со снегом. Скупому солнцу уже не одолеть осмелевшие заморозки. Стынет земля. Гремит под ногами мерзлый лист. Все ждут не дождутся снега.

Пусто в почерневшем лесу. Лишь зеленеют кустики брусники. Уходят зелеными под снег и багульник, медуница, одуванчик.

Затянулась льдом вода, и потянулись на юг последние утки и чайки. А на смену им с первыми холодами прикочевывают к нам с севера пуночки и чечетки, снегири и свиристели. Предзимьем зовут эту пору...

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРОПА

Зачем нужны заповедники?

— Как зачем? Чтобы охранять дикую природу! — скажете вы.

Да. Но дело не только в этом. Сейчас задачи заповедников гораздо шире, чем представлялось прежде.

Человек стремительно изменяет поверхность Земли. В нашем XX веке ученые уже серьезно опасаются, что растущая промышленность и хозяйственная деятельность человека угрожают будущему планеты...

Исследуя льды Антарктиды, ученые обнаружили, что в верхних слоях льдов сильно увеличилось содержание свинца. Оказывается, это связано с тем, что с середины нашего века в мире резко возросло количество автомашин, работающих на бензине с добавками свинца. Вместе с выхлопными газами свинец попадает в атмосферу, разносится ветрами и с осадками выпадает на поверхность ледяного континента. Это только один из множества примеров загрязнения окружающей среды.

Сейчас охраной природы занимаются во всех странах, и

одна из важных сторон этого дела — создание заповедников, заказников, национальных парков. На этих заповедных землях природа живет своей естественной жизнью, сохраняя и восстанавливая редкие виды животных и растений.

Если сохранить коренные экосистемы в лесах и тундрах, в степях и пустынях, в горах, на водоемах, — во всех уголках планеты, то они будут эталоном, опорой экологического равновесия. Вот и получается, что заповедная нетронутая природа сама охраняет нас, удерживая от разрушений почву, сберегая чистые воды, очищая атмосферу.

Сейчас на земном шаре создано более 40 тысяч различных охраняемых территорий. Среди них есть заповедные болота, морские парки, уникальные ландшафты. Самый маленький заповедник есть в Японии. Там обитает 64 вида стрекоз. Есть и биосферные заповедники. Там проводят исследования всех элементов природы: почвы, вод, атмосферы, животного и растительного мира.

Они работают в заповеднике

Юра Таранов и Олег Жмыхов живут в Астраханском заповеднике. Заповедник раскинулся на островах в дельте Волги. Повсюду — вода и тростниковые заросли. Каждый год здесь пролетает десять миллионов пере-

летных птиц! Представляете, сколько хлопот у лесников и ученых, работающих в заповедниках?

Ученые занимаются кольцеванием птиц, контролируют численность животных. А еще

следят за чистотой и уровнем воды в водоемах, наблюдают за изменениями климата. Лесники охраняют территорию от браконьеров.

Во всех этих делах взрослым помогают школьники. Но главная помощь ребят — при кольцевании птиц, ведь ежегодно в заповеднике кольцуют несколько тысяч пернатых. А одеть колечко на лапку скворцам или грачам, конечно, легче мальчишкам. Эти птицы вьют свои гнезда высоко на тополях и

ивах, и взрослому туда не забраться. А ребята набивают кольцами карманы брюк и лезут на самую макушку.

Весной, в половодье, на затопленных лугах воды бывает столько, что ребята прямо до школы ездят на катере. Весна — самое тяжелое время для обитателей заповедника. Спасаясь от воды, животные выходят на возвышенности. Нелегко приходится и птицам. Вместе со взрослыми ребята строят искусственные насыпи, подвозят

корм для животных. А когда уровень воды спадает, они спасают оставшихся в лужах мальков рыб.

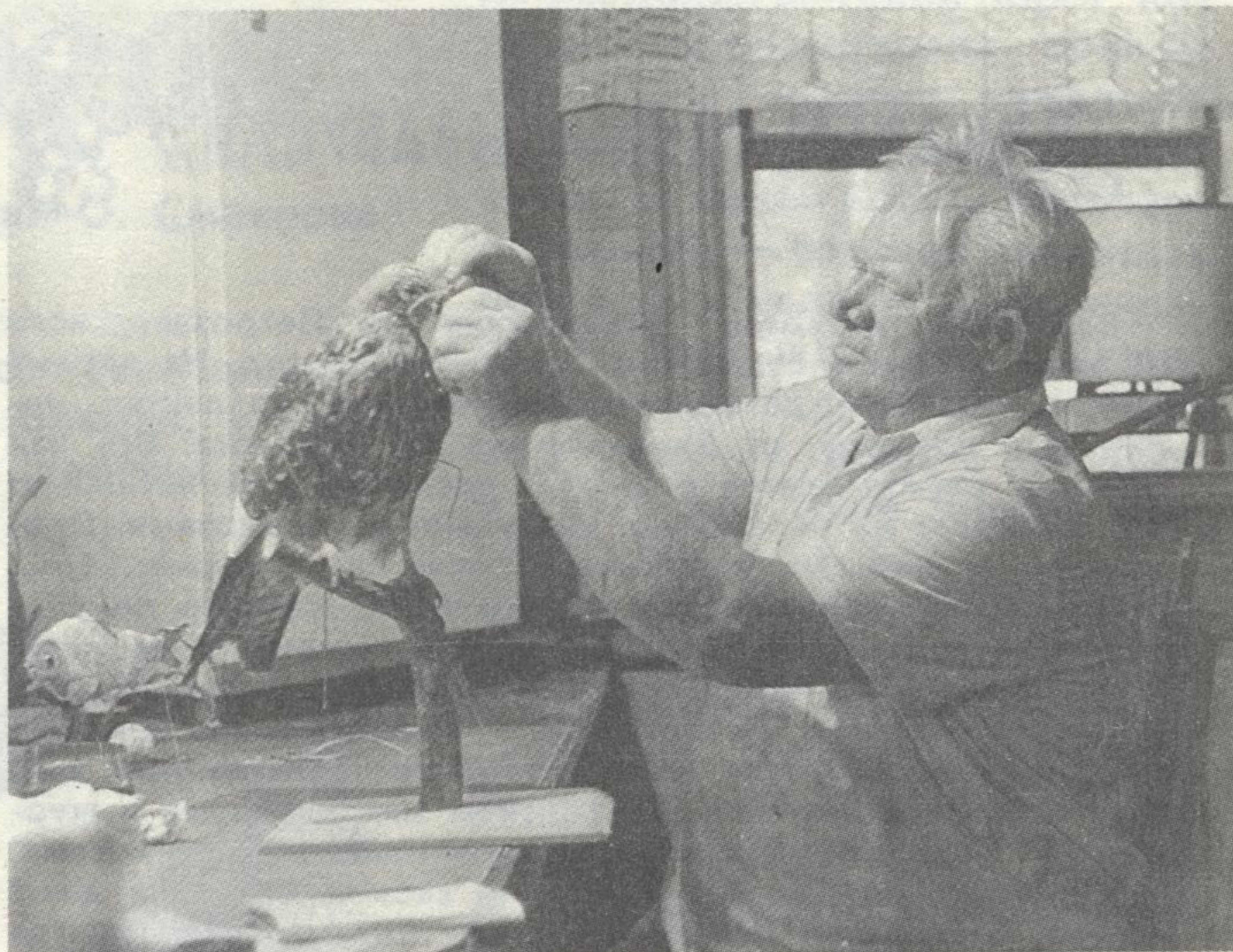
ЧУЧЕЛЬНИК

Таксидермист — слово диковинное. Слыхали ли вы о такой профессии? Таксидермист, попросту — чучельник — человек, приготовляющий чучела рыб, птиц и животных. Профессия эта редкая, ей нигде не обучают. А требует она мастерства и больших знаний.

Таксидермист Александр Андрианович Нестеров работает в Астраханском заповеднике. Давным-давно — было это больше пятидесяти лет назад — пришел он сюда наблюдателем, — так раньше называли лесников. Потом научился делать чучела.

Сейчас Александр Андрианович на пенсии, но дело свое не забывает: то один, то другой музей обращается к нему за помощью. Чучела птиц, рыб, животных необходимы в музеях. Для школьников и студентов-биологов — это наглядные пособия.

Есть музей природы и в Астраханском заповеднике. Здесь можно познакомиться с его обитателями поближе. Вот огромная рыба белуга, а рядом

птицы: утка-шилохвост, фламинго, большой подорлик. Почти все экспонаты сделаны Нестеровым. А всего за свою жизнь он больше пятисот различных чучел приготовил.

В. ПАРФЕНОВ
Фото автора

Страницы Красной книги

Лошадь Пржевальского

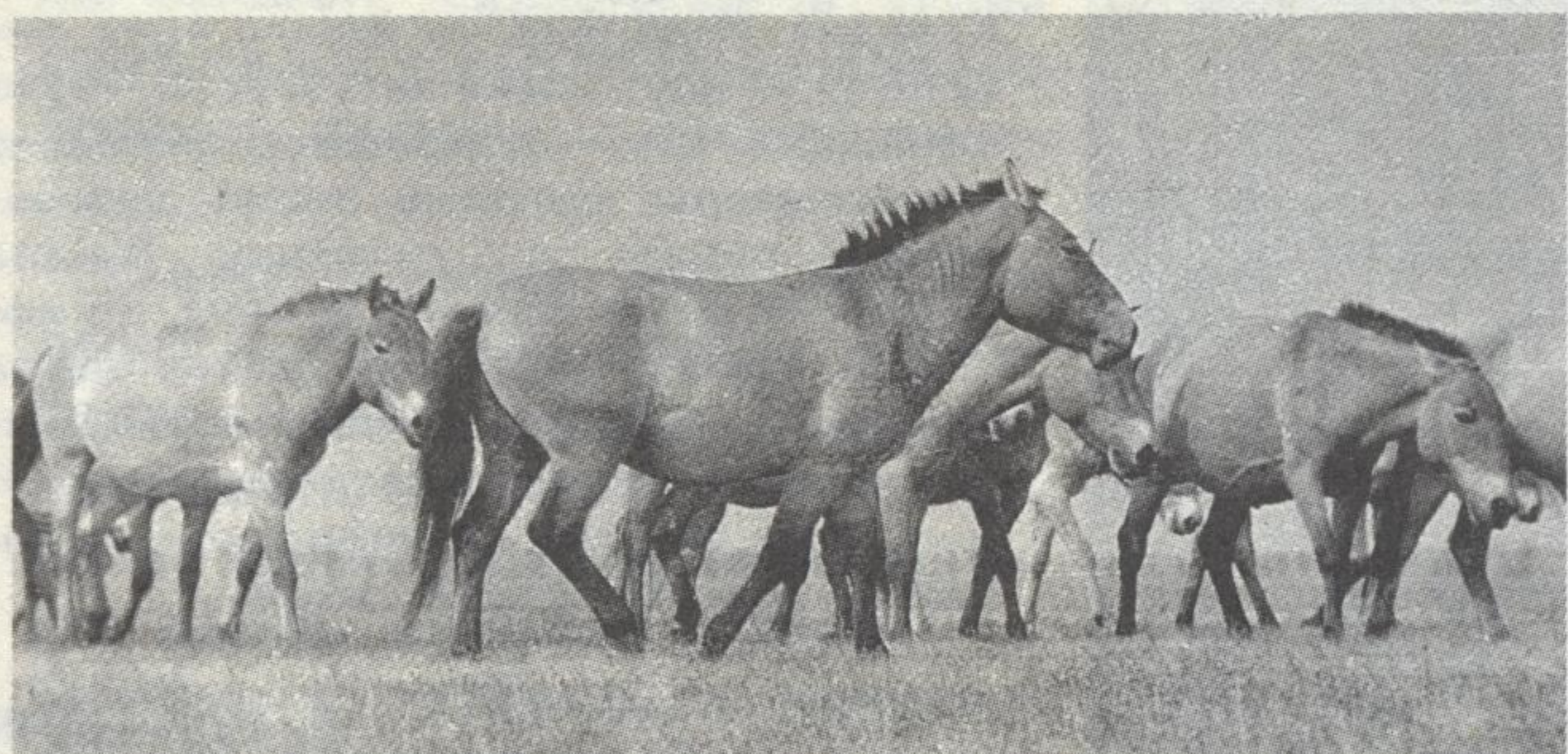
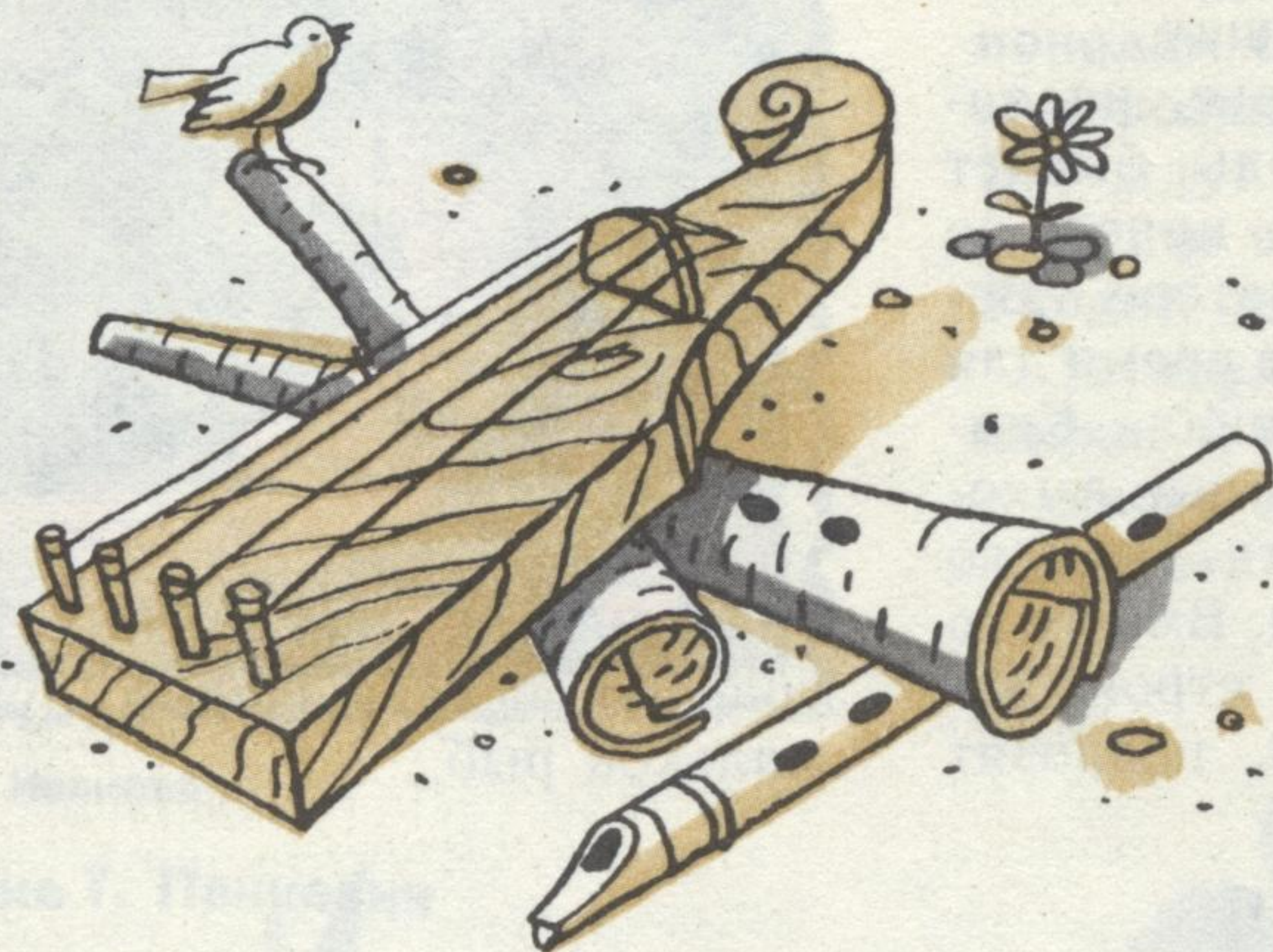

Фото В. Черноглазова

Лошадь Пржевальского — единственный сохранившийся на Земле вид дикой лошади. Он занесен в Международную Красную книгу.

Монгольская дикая лошадь, или джунгарский тарпан, была найдена в прошлом веке путешественником Николаем Михайловичем Пржевальским и названа его именем. В конце прошлого века несколько лошадей были завезены в заповедник Аскания-Нова, на Украине, и в зоопарки Европы. А в природе, на своей родине — пустыне Гоби в Монголии — они исчезли. Асканийскому заповеднику удалось восстановить этот вид. Сейчас задача биологов — вернуть лошадей Пржевальского в природу, в естественные условия. Через несколько лет табуны этих выносливых крепконогих лошадей появятся и в Гобийском национальном парке в Монголии, и в степях Казахстана.

КАРЕЛЬСКИЕ «НЕЗАБУДКИ»

Вокальный ансамбль «Леммикки» из Петрозаводского Дворца пионеров существует уже восьмой год. На первый взгляд, обычный детский самодеятельный коллектив, такие есть повсюду, от Владивостока до Вильнюса. Все как обычно: ребята учатся в школе, после занятий несколько раз приходят на репетицию, выступают с концертами. Принимают в ансамбль практически всех, кто захочет. Но... в «Леммикки» берут только тех, кто умеет говорить по-фински. Если это покажется вам странным, взгляните на карту и вы увидите, что Карельская АССР граничит с Финляндией. В республике и в Петрозаводске живет немало финнов. Финский язык является здесь вторым государственным языком, есть финский театр, на финском выходят книги и журналы. И есть школы, в которых преподают финский язык.

У каждого народа свои сказки и свои мифы. Они дают начало традициям культуры, на их основе развиваются

различные искусства — литература, живопись, музыка. Для финнов такой основой стал эпос «Калевала» (недавно, кстати, исполнилось 150 лет изданию первого перевода «Калевалы» на русский язык).

Когда я шел в гости к «незабудкам», то был уверен, что они поют на финском старинные песни (руны) из «Калевалы». Однако, оказалось, что «Леммикки» — не фольклорный ансамбль.

— Если уж говорить о фольклоре, у нас исполняются произведения, принадлежащие городскому фольклору, — рассказывает Клавдия Ивановна Жимойтель, руководитель ансамбля. — Мы поем не только народные песни. Репертуар у нас довольно обширный.

— Из чего же он состоит?

— «Леммикки» — единственный детский ансамбль в стране, поющий на финском языке. Кроме старинных песен, мы поем и современные. Многие из них сочинили специально для нашего ансамбля местные композиторы и поэты.

Есть песни и на карельском языке — это обязательно. Вообще весь наш репертуар можно разделить на несколько направлений. Одно из них — «Дружат дети на планете». Это — песни народов мира, немецкие, шведские, чилийские... Однажды мы разучили «Солнечный круг» — один куплет пелся на немецком, другой — на английском, третий на финском и т. д.

Вторая линия нашего репертуара — «Мы — дети Севера». Это песни о нашей Карелии, на темы «Калевалы». А совсем недавно мы стали петь и лирические песни, ведь многие девочки в ансамбле уже подросли.

— В ансамбле только девочки?

— В основном, да. В «Леммикки» было несколько мальчиков, они занимались несколько лет, но потом выросли и... у них изменился голос. Пришлось с ними расстаться... Это такая трагедия была, и для них, и для меня... А недавно мы опять набрали младшую группу и там есть новые мальчики.

— «Леммикки» часто выступают?

— Очень! В Петрозаводске нет площадки, где бы мы не пели! И на телевидении часто записываемся. А еще «Леммикки» часто выступают перед зарубежными делегациями — из Франции, ГДР, Швеции и, конечно, из Финляндии. Вот название «Леммикки», знаете, откуда оно взялось? Раньше мы были просто вокальным ансамблем Дворца пионеров. И вот однажды мы выступали перед одной группой из Финляндии. Концерт прошел удачно, нам долго аплодировали, а некоторое время спустя из Финляндии приходит письмо, на бланке, с печатью... И там написано, что ансамбль

наш очень понравился и запомнился и поэтому нам предлагают название «Леммикки». Финны очень любят это слово, в «Калевале» есть такой персонаж — Леммикайнен. Вот так мы и стали «незабудками».

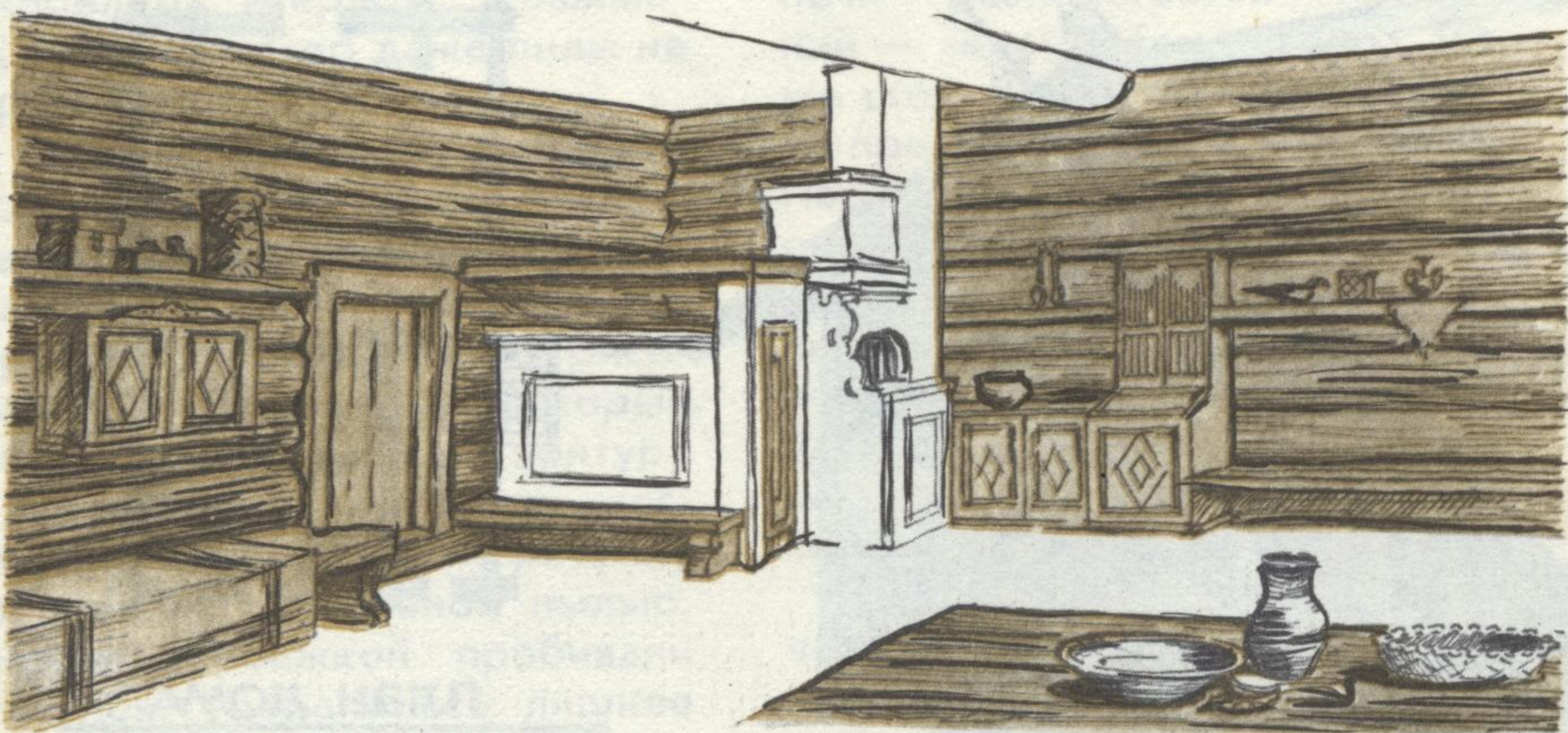
— Вам приходилось ездить на гастроли?

— Да. Мы были в Минске, Москве, Ленинграде. Выступали в ГДР. Очень запомнилась поездка в Артек в 1985 году. Там был тогда международный детский фестиваль искусств, и мы получили звание лауреатов. Я помню, очень удивилась тогда: ведь в Артеке выступали великолепные коллективы, их было больше ста пятидесяти, со всей страны и из-за рубежа...

Я думаю, «Леммикки» не случайно стали лауреатами в Артеке. Ведь и Клавдия Ивановна, и девочки из ансамбля — настоящие энтузиасты. И это понимают все — и профессиональные композиторы, которые пишут для ансамбля песни, и художник Тамара Юфа — она нарисовала эскизы, по которым сшиты чудесные платья цвета лазури; и, конечно, зрители. «Леммикки» — дети Севера, дети Карелии. И они поют об этом, о неброской, величавой красоте своей земли.

А. ГУНИЦКИЙ
Рисунок А. Старостина

Мастер и Мороз

В. СОЛОВЬЕВ

Рисунки О. Смелкова

Наши далекие предки, восточные славяне, трудно жили на своей обширной земле.

Не зверя из дремучих лесов боялись они. Самым лютым врагом был холод. В землянке, в деревянной хижине, у огня, под медвежьей шкурой — всюду находил человека Мороз-воевода. Казалось, нет от него ни спасения, ни обороны.

И все-таки нашелся герой, победитель Мороза. Это был тот Мастер, который избу придумал. Великое изобретение для сурового края! Настоящее изобретение, в котором все до мельчайших деталей продумано во имя главной цели — в человеческом жилище тепло уберечь.

Во-первых, мастер постройку поднял над землей, чтоб от земли холод в жилье не шел.

Изобретение главное — сруб четырехугольный. Он состоит из «венцов» — горизонтально сложенных четырехугольников из бревен, связанных в углах врубками («плот» — связка бревен, отсюда и слово: плотник).

Одно бревно врубается в другое, так что концы выступают за стены сруба. Это тоже неспроста. Дело в том, что стороны среза бревна промерзают вдоль волокон древесины быстро и глубоко, а поперек ствола гораздо слабее. Поэто-

му промерзают выпущенные наружу концы бревен, а угол дома остается теплым.

Углубление, или «чашку» древний изобретатель вырубал в верхнем бревне и нахлобучивал его этой чашкой на цельное нижнее.

И здесь все продумано. Чтобы дождевая вода в чашке не задерживалась, и стены не отсырели.

Избу Мастер стал делать с «сенями» — длинным помещением во всю длину ее дверной стены. Сени не отапливались, но благодаря им холод снаружи не проникал прямо в избу. Пол сеней устраивался на том же уровне, что и пол избы, но их разделял высокий порог, который препятствовал волнам холодного воздуха врываться в избу. По той же причине дверь из сеней в избу делалась низенькая — головой заденешь притолоку, если не наклонишься. Входная же дверь с улицы ставилась в задней стене сеней под углом к двери, ведущей в избу. Это тоже против Мороза уловки.

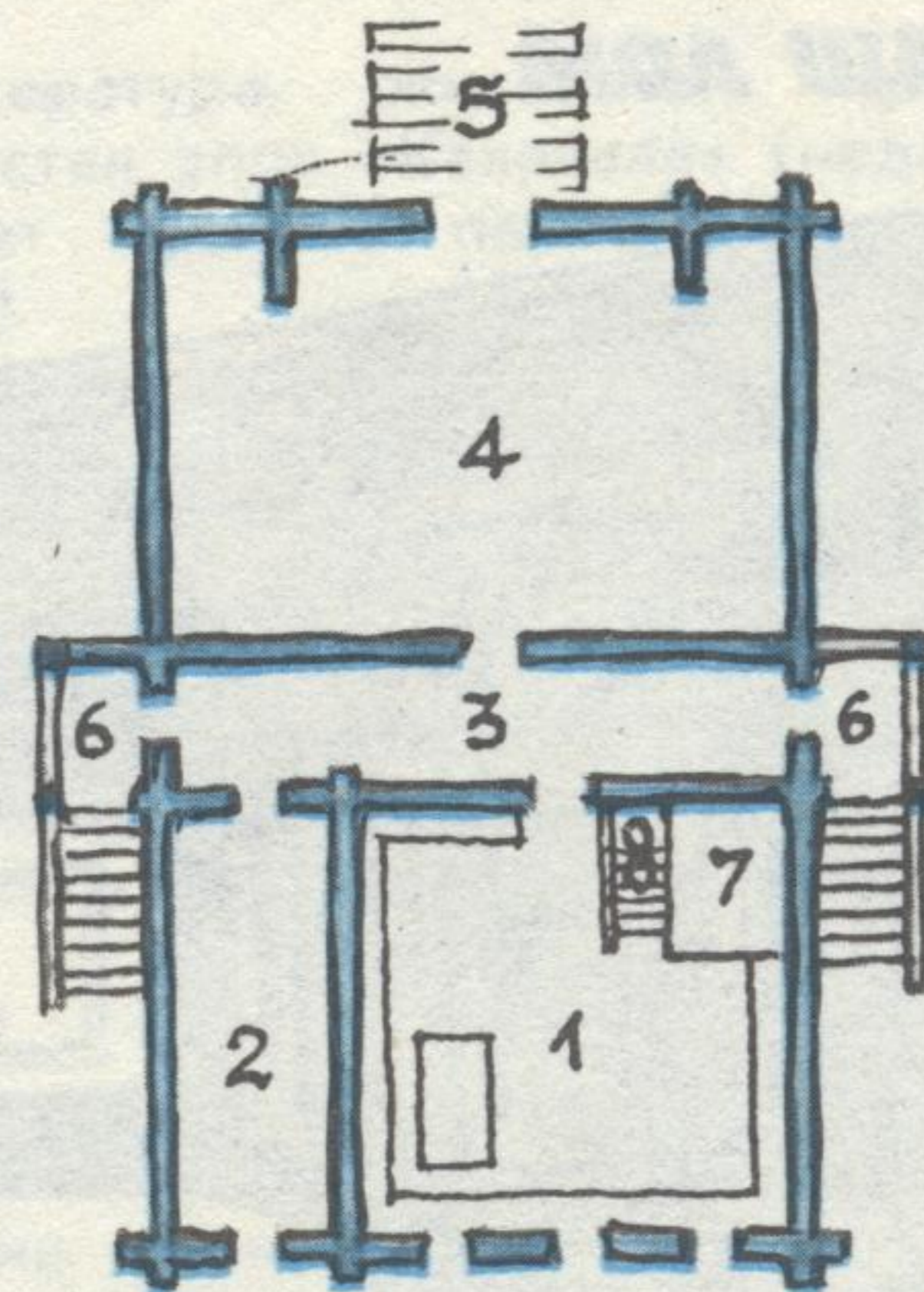
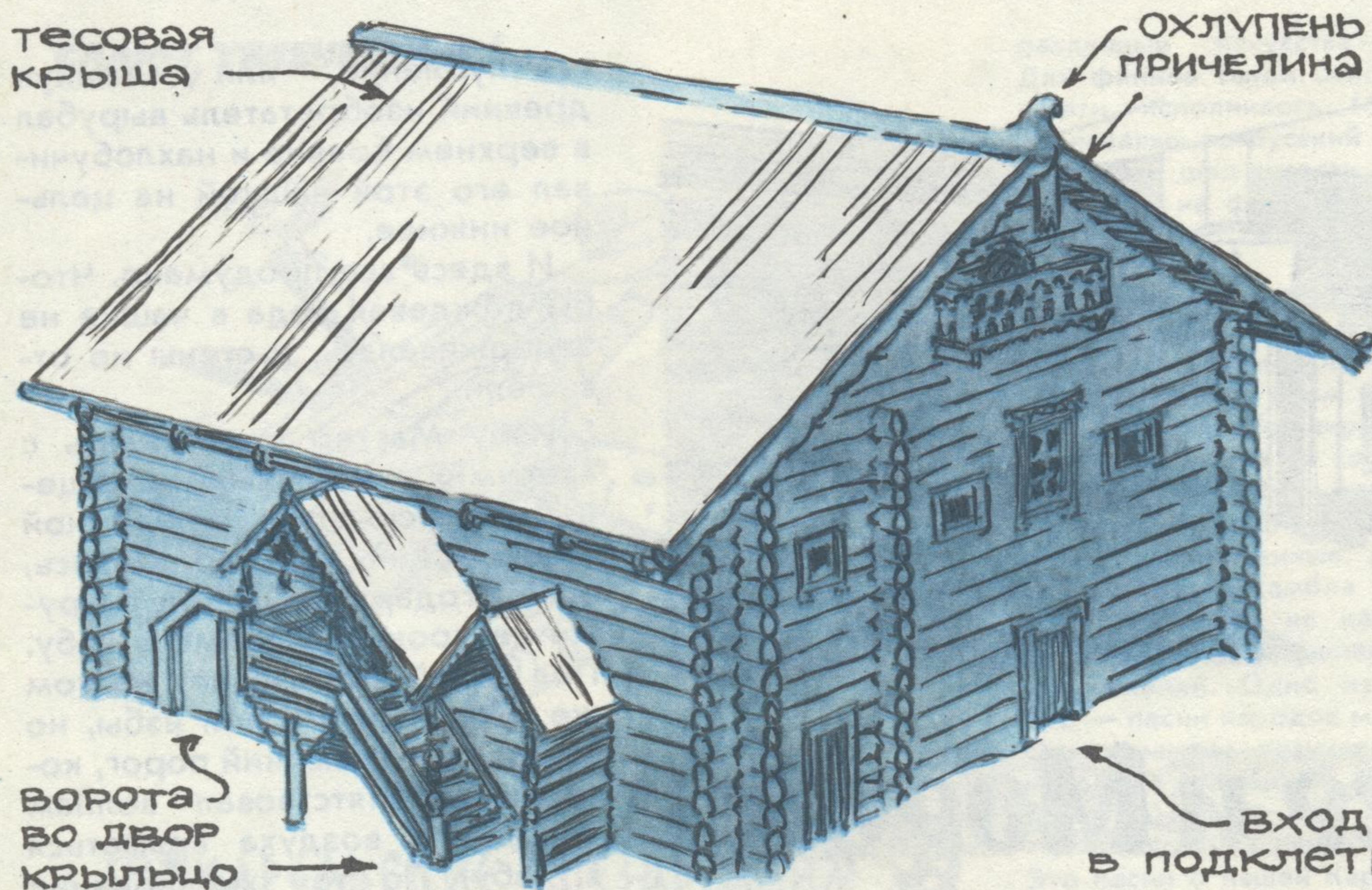
Пол в избе — двойной. Защита от продувания снизу. «Черный» пол — нижний — делался из толстых горбылей. Верхний — «чистый» — из гладко выструганных досок. Между ними земляная засыпка. Потолок — тоже двойной. Только здесь наоборот: черный — сверху, чистый — снизу. Между потолками воздушная прослойка, чтоб от остывания избу предохранить.

Вот как все устроил Мастер. В хорошей избе не осталось для холода никаких лазеек. Пришлось отступить Морозу — извечному врагу. Куда как веселее зажили люди в новых теплых избах.

В лесу

Материал для избы выбирали в лесу особо. Самая подходящая — хвойная порода. Стволы у нее прямые, ровные. Но не всякая елка или сосна шла в дело.

Отобранные деревья валили, очищали от сучьев и рубили на бревна. Из свежих бревен не ладили сруб. Ждали, пока подсохнет дерево, и не один месяц.

ПЛАН ДОМА

1 ИЗБА	2 КЛЕТЬ
3 СЕНИ	4 САРАЙ
5 ВЗВОЗ	6 КРЫЛЬЦО
7 ПЕЧЬ	8 ГОЛБЕЦ
- ХОД В ПОДКЛЕТЬ

«Русское чудо»

Немецкий путешественник Олеарий проснулся в дурном настроении. «Надо же было приехать в эту варварскую Москву на второй день после большого пожара. Теперь живи полгода, а то и больше на пепелище. Скука смертная». С этими мыслями он выглянул в окно и обомлел: там, где вчера чернела выжженная земля, стояли справные дома.

— Чудо, — охнул Олеарий, но иноземцы — московские старожилы — посоветовали ему не изумляться, а сходить на Лубяной торг.

На Лубяном торгу (нынешняя Трубная площадь в столице) было оживленно и разным товаром богато. Большинство людей толпилось у штабелей с бревнами. Олеарий поспешил туда со своим толмачом и очень скоро узнал, как Москва возникла из пепла в считанные дни.

Бревна на Лубяном торгу продавали не простые, а меченые, с вырубленными чашками. Возок бревен был не что иное, как разобранный дом. Оставалось отвезти его на место и собрать — на это день, много два, уйдет — и будет у погорельца изба новая лучше прежней. Не очень во все поверил Олеарий, пока собственными глазами не увидел, как дом из готовых частей собирают. Особенно поразила его вы-

сокая точность плотницкой работы — все бревнышки были одно к другому пригнаны.

О «русском чуде» Олеарий написал в своей книге. Видавший виды путешественник не жалел красок, восторгаясь скоростью и качеством работы московских мастеров.

А сборные избы широко распространились на Руси еще за 300 лет до приезда Олеария — в XIV веке. Причем не только в городах. Сборные жилища привозили в села и «продавали с саней» или как теперь говорят — с доставкой на дом.

Русский сборный метод прославился при покорении Казанского царства. Плотники-умельцы заготовили целый сборный город Свияжск с крепостными стенами, башнями, церквями и домами. Все части города были тщательно помечены и сплавлены на плотах вниз по Волге. На высоком берегу у устья реки Свияги город собрали за четыре недели. Он стал плацдармом для наступления русских войск.

Месяц! До сих пор не побит этот мировой рекорд градостроительства. Руководил плотницкими артелями под Казанью замечательный русский розмысл (архитектор) Иван Григорьевич Выродков.

Первая рука

Срубленную избу обязательно украшали резьбой. Это так и

называлось у плотников — наряжать избу.

«Делал «наряд» обычно лучший плотник артели — «первая рука». Ему и платили особенно, по пословице: «Работнику — полтина, а мастеру — рубль». Ничего не скажешь, уважали рабочий талант на Руси. До сих пор хранят в Поволжье память о плотниках-виртуозах прошлого века: Мерлушкине, Зиринове, Удалове.

Искусная резьба придавала деревянному дому праздничный вид. Переднюю часть охлупня, выступающую над фасадом избы, часто рубили в форме коня или оленя; «косицы» — торцы продольных слег — заплетали причудливым орнаментом; наличники окон покрывали тончайшим кружевом. И внутри дома не скупилась на резьбу: полки, лавки, сундуки, шкафчики — любой предмет, кроме пользы, еще и радовал глаз.

Узоры деревянные — это целый сказочный мир. Среди них разглядишь и цветы необычайные, и зверей диковинных, и волшебных птиц, и русалок, и богатырей...

Мастера первой руки имели и побочный промысел, который их на весь мир прославил. Это деревянные игрушки. В европейских странах был на них очень большой спрос.

И ведь что интересно, тонкую работу свою плотники делали

самым простым инструментом: топором, теслом, долотом, скобелем, сверлом. Уважающий себя мастер даже пилы не признавал.

О трафаретах и шаблонах тоже не имели понятия. Рисовали на память. Сначала делали на бумаге эскизный набросок, по нему четко рисовали фигуру или узор, который иглой прокалывали по контуру и переводили на доску легким похлопыванием по рисунку мешочком с угольной пылью. Затем долбежкой пробивали рисунок, убирали все лишнее и отделявали «вчистую». Как прост секрет красоты! А повтори, попробуй...

Приглашение в избу

До сих пор наши рассказы вокруг избы ходили. Теперь пора поближе с ней познакомиться. Что там внутри бревенчатого сруба?

Для этого приглашаю вас в мой дедовский дом. Стоит он на холме в приволжском селе Деревягино. Изба срублена в начале века по всем стародавним плотницким законам.

Основные части дома таковы: изба, сени, клеть, подклеть, подполье. Подклеть, или двор — обширное помещение под домом. Оно предназначалось для домашнего скота. Подполье — своего рода холодильник. Здесь хранятся съестные припасы.

Перед дверью, ведущей в сени, устраивается крыльцо. Вот какое оно нарядное с лестницей и резным рундуком (крытая площадка).

Открыв дверь, мы попадаем в сени — своеобразную прихожую, — где хозяйка часто хранят посуду и инструмент.

Налево от сеней клеть — большая кладовая. Сундуки с имуществом и «сусеки» (закрома для зерна) точно указывают на ее назначение.

Направо от сеней сама изба — жилая комната. Не забудьте поклониться, переступая порог.

Первое, что видим мы, — это

печь. Она занимает четвертую часть избы. По диагонали от печи располагается передний — «красный» — угол. Тут же стол. Вдоль стен идут плотно прикрепленные к ним лавки. Параллельно лавкам выше окон — полки для мелких вещей. В другой части избы от печи до боковой стены укреплен под потолком деревянный настил — «полати», любимое место для отдыха в русской семье.

Надо сказать, что каждая часть избы имеет свое назначение.

Передний угол — самый почетный. Здесь совершались важнейшие события в жизни семьи. Пространство от устья печи до передней стены считалось женской половиной. Им хозяйничать у печи. А вот широкая украшенная резной конской головой лавка, что идет от входной двери до боковой стены, — мужская. На этой лавке спал хозяин дома, тут же плотничал или что-то мастерил.

Большая дедовская семья — одних детей было двенадцать человек — трижды в день собиралась за длинным столом в переднем углу. Рассаживались по старшинству, ели из общей миски деревянными ложками, под ложку подставляя кусок хлеба.

Еда была самая простая: щи, кулеш — жидкая пшенка, хлеб. Вставали ни свет ни заря, завтракали куском хлеба и кружкой молока. При этом дед говорил: «Дневную еду еще заработать надо». Прямо за утренней трапезой он же распределял обязанности членов семьи на текущий день. От мала до велика каждый имел свое дело. Праздных не было.

Чугуны, глиняные плошки и миски, кринки, ковши аккуратно расставлены на полках. Они как будто только что убраны со стола. Но этими старинными предметами мы пользуемся редко. Теперь они так же, как стол, лавки, полати, — память о прошлом.

Но, конечно, главный памятник дома-вековика — это ма-

тица. Помните? Опора для потолка. Издавна на Руси существовал обычай: отправляющийся на опасное дело из дома должен был подержаться за матицу для удачи. Дедовы сыновья, дядя мои, уходя на войну с фашистами, тоже прикасались к матице, обещая победить и вернуться домой. До сих пор могучий брус хранит тепло их ладоней.

От печки

Отдельное слово о печи. Она занимает важное место в избе, пользуется уважением в народе. Не случайна присказка: «Эх, выругался бы, да печь в хате».

Почтение к русской печи по заслугам. Она дом нагревает, пищу варит, хлеб печет, зерно и одежду просушивает и еще... Расскажу-ка я вам коротенькую историю.

Тогда я был совсем маленьким и приехал в деревню в первый раз.

Случилось так, что моя бабушка простудилась и слегла. Однако, от всяких лекарств и микстур отказалась. «Настя придет с покоса и меня выправит», — говорила она.

Вот пришла, наконец, Настя, большая сильная женщина, а я играть побежал. Долго играл, а когда захотелось есть, примчался домой.

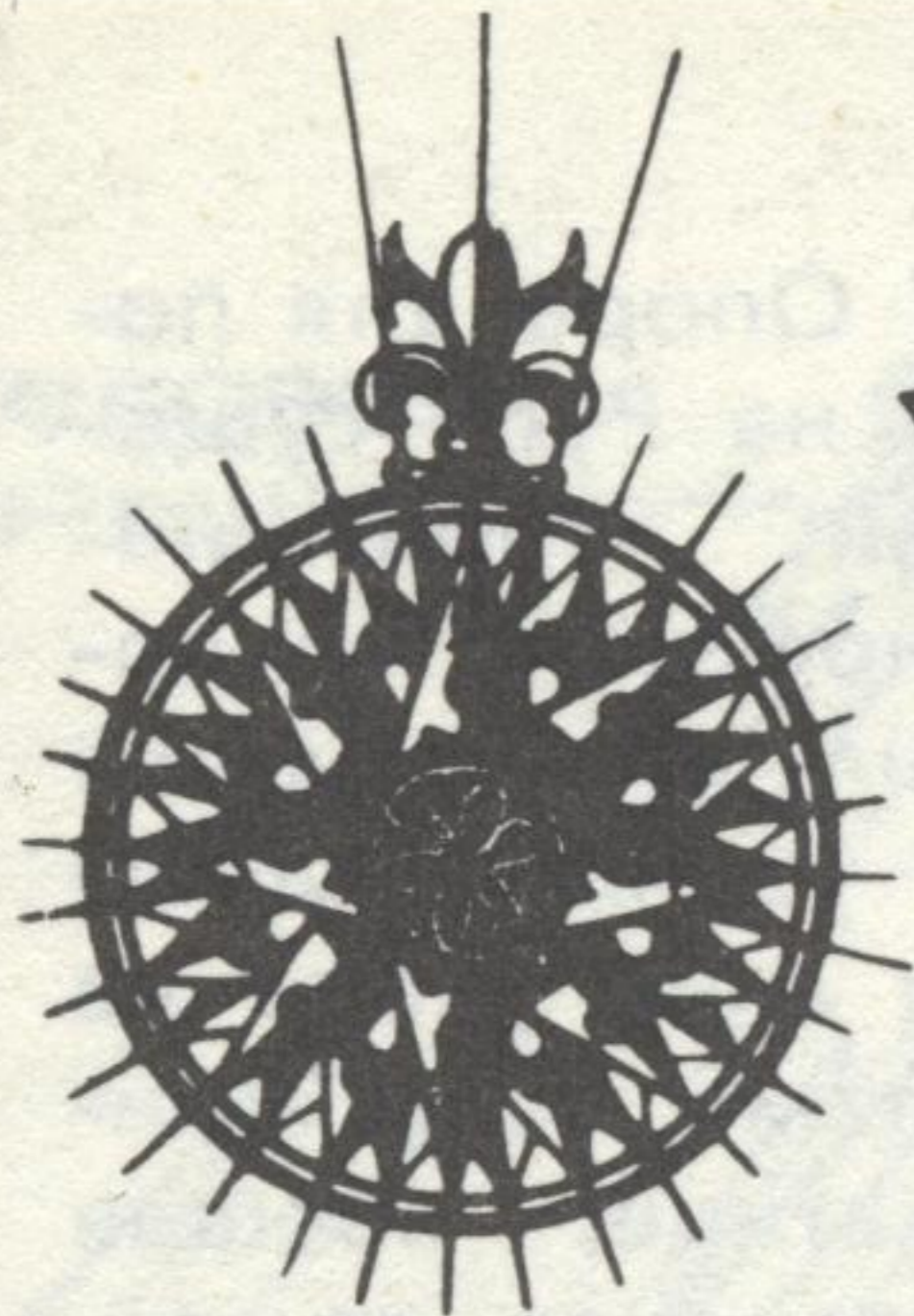
Помнил — в печи чугунок с вареной картошкой стоял. Отодвинул заслонку, а там, в печи — ...бабушка.

Перепугался — страсть! Вылетел на улицу и кричу не своим голосом: «Мама! Настя бабушку испекла!»

Успокоила меня мама. Зашли мы в избу, а там уже и бабушка сидит — живехонька. Она, оказывается, парилась в печке по Настиному совету.

Вот так печь! Она при случае и вместо бани может послужить.

...Есть такая поговорка — «от печки», то есть с самого начала, и мы от печки начнем рассказы о домах разных народов нашей огромной многонациональной страны.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Как «Аврора» в кино снималась

В долгой истории крейсера «Аврора» много удивительных страниц... «Аврора» сражалась при Цусиме в русско-японской войне, участвовала в боях в первую мировую... А в годы Великой Отечественной пушки «Авроры» громили фашистов...

Но вот в каком «бою» пришлось участвовать крейсеру в 1946 году...

Было тогда решено снимать кинофильм «Крейсер «Варяг». Но как снимать кинофильм о «Варяге» без «Варяга»? Крейсера-то ведь давно уже нет. Правда, его подняли японцы, и несколько лет корабельная жизнь «Варяга» еще продолжалась /японцы назвали крейсер — «Сойя».../ В конце концов крейсер был выброшен на скалы в бурю неподалеку от Шотландии...

Как же быть? Стали искать старый корабль, близкий по типу к «Варягу» и построенный примерно в те же годы. И тогда вспомнили об «Авроре»! Оба корабля — крейсера. Постройки одних и тех же лет. Корпуса по виду похожие. Пушки такие же... Обратились за помощью к Наркому Военно-Морского Флота. Нарком сказал:

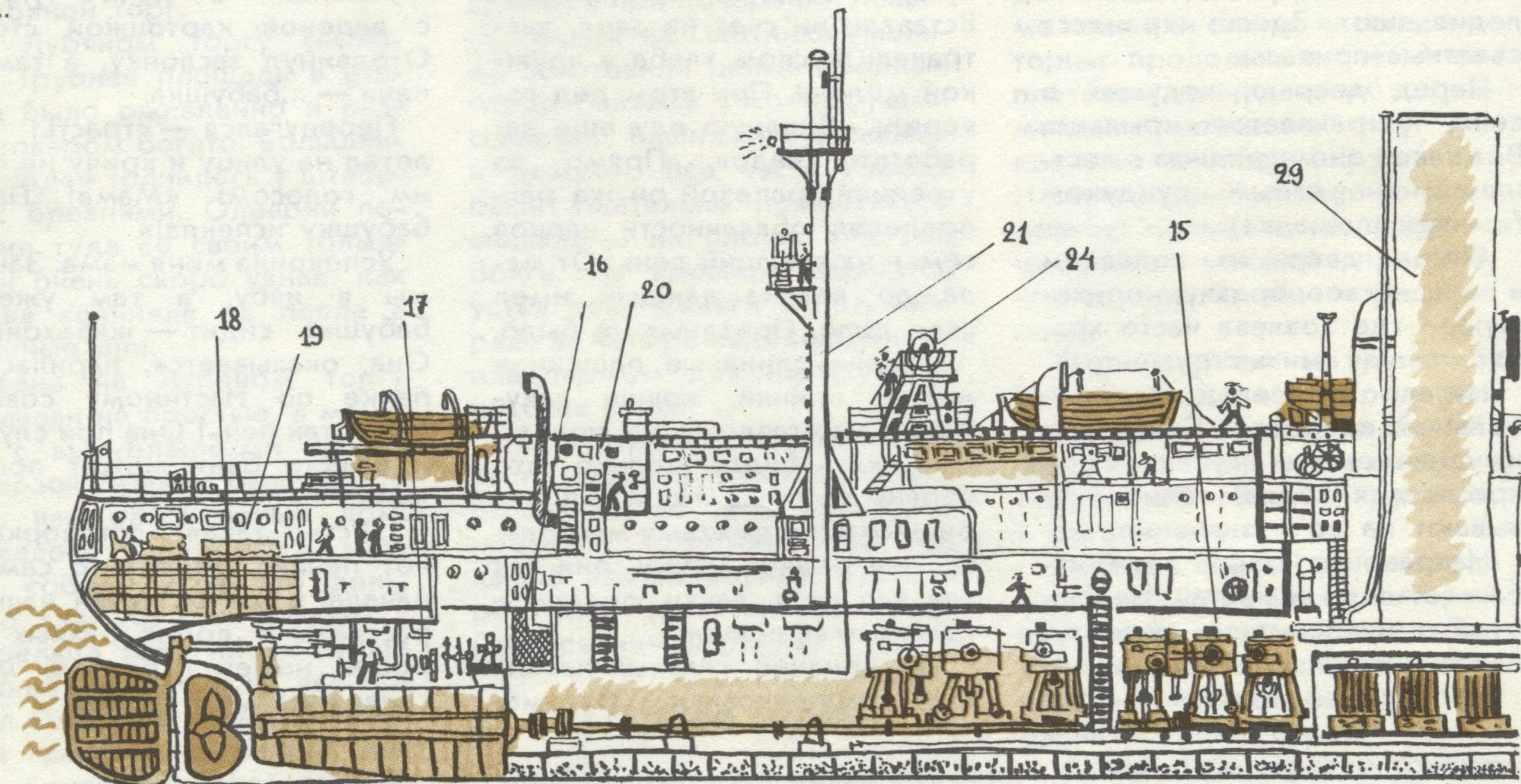
— Снять фильм о героическом «Варяге» — дело важное. Разрешаю «Авроре» участвовать в съемках... Только, товарищи кинематографисты, у «Авроры»-то три трубы, а на «Варяге» было четыре!

— Знаем, знаем, товарищ нарком! Мы «Аврору» «загримируем». Как настоящую кинозвезду... А трубу четвертую придется на время приделать. А чтобы дым шел — зажжем дымовую шашку...

И работа закипела. Крейсера, конечно, были довольно похожими, но не совсем... «Гримировать» пришлось много. Поставили даже дополнительные пушки /на «Варяге» их было больше/. Плотники сделали носовое украшение и было заказано новое название — «Варяг» — большими буквами. А на корме «Авроры» приделали временный командирский балкон... На новую окраску крейсера пошло несколько бочек разной краски...

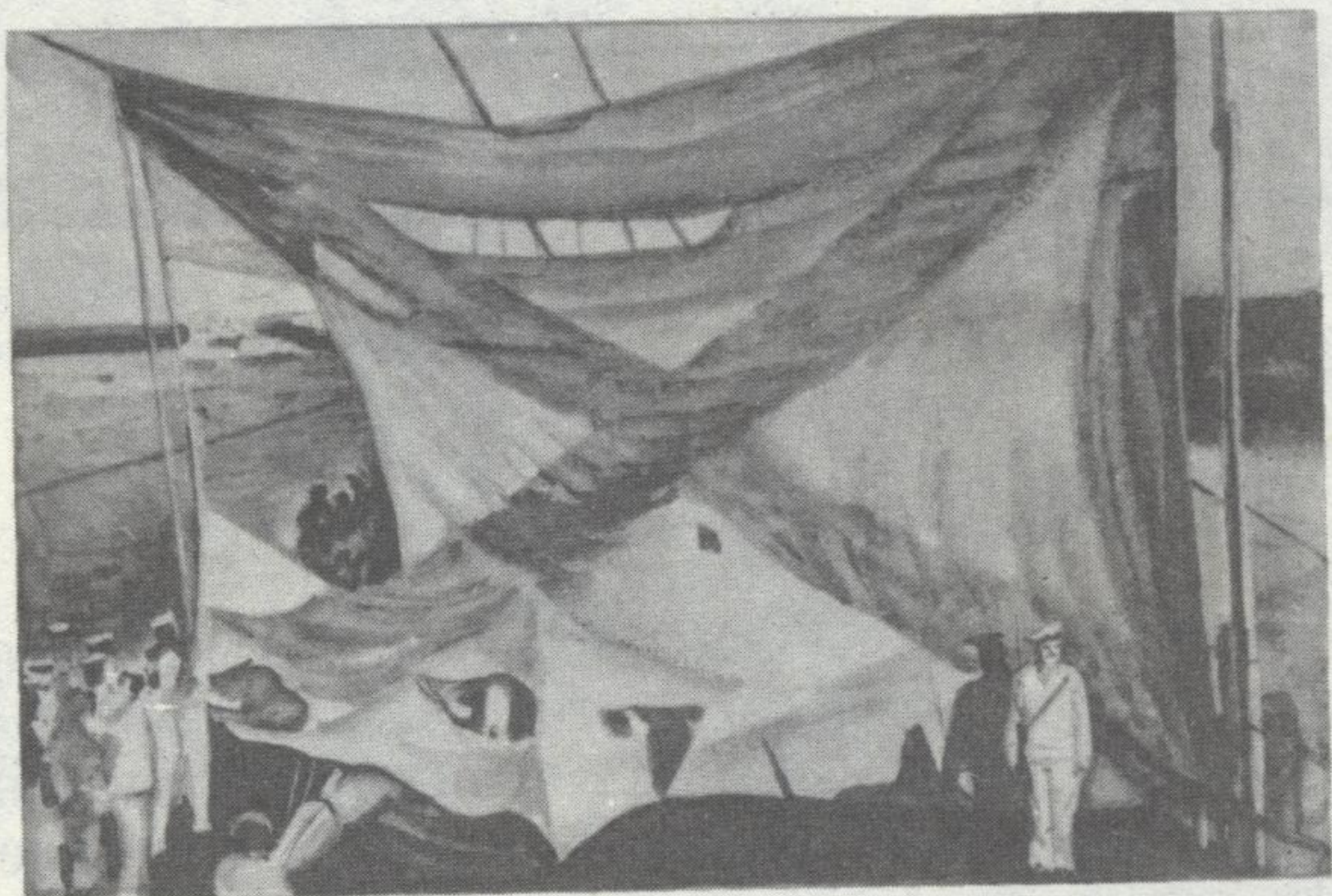
Вот так на несколько месяцев «Аврора» превратилась в «Варяга».

И грянул «бой»... Дело, конечно, происходило не в далеком корейском порту Чемульпо, а неподалеку от Кронштадта... Убитых, разумеется, не было, стрелял крейсер холостыми зарядами. И из четвертой трубы валил, как настоящий угольный, — буфафорский дым...

**РЕДКАЯ
ФОТОГРАФИЯ**

Это — кормовой флаг «Авроры», который был в Цусимском бою. Он пробит снарядами и иссечен осколками. В течение боя осколки шесть раз перебивали фалы, на которых поднимается флаг. И шесть раз матросы «Авроры», рискуя жизнью, флаг поднимали...

Карта

Мы как-то уж привыкли видеть «Аврору» стоящей на своей вечной стоянке, но не всякий представит себе, что крейсер когда-то прошел десятки и десятки тысяч миль, пересекал моря и океаны — Атлантический, Индийский, Тихий... На нашей карте-схеме — пути крейсера.

ЧЕРТЕЖ КРЕЙСЕРА «АВРОРА» В РАЗРЕЗЕ

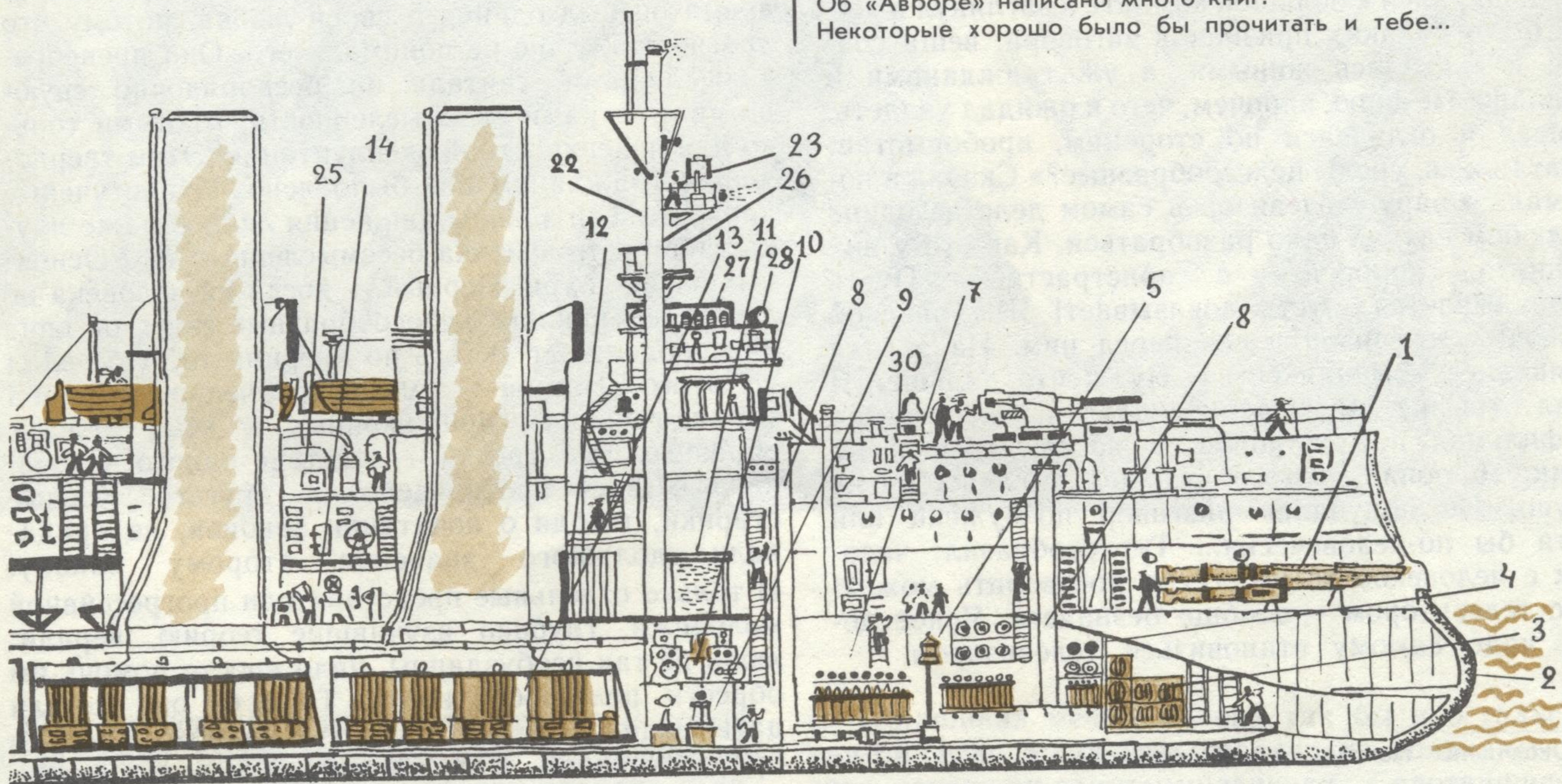
Всегда интересно посмотреть любой корабль — в разрезе: где у него что располагалось... Художник по многочисленным просьбам читателей «Морской газеты» такой чертеж нарисовал...

1 — носовой минный аппарат; 2 — таранный форштевень; 3 — кладовая провизии; 4 — кладовая мокрой провизии /бочки/; 5 — водоотливной насос; 6 — ящик для якорной цепи; 7 — погреб для снарядов и зарядов; 8 — элеватор для подачи снарядов; 9 — центральный пост; 10 — бортовые минные аппараты; 11 — цистерна для пресной воды; 12 — установка для опреснения воды; 13 — паровой котел; 14 — механическая мастерская; 15 — паровые машины крейсера; 16 — машинная кладовая; 17 — рулевая машина; 18 — кладовая сухарей; 19 — салон командира; 20 — кормовая штурманская рубка; 21 — грот-мачта; 22 — фок-мачта; 23 — прожектор; 24 — главный кормовой компас; 25 — камбуз; 26 — боевой марс /площадка на мачте/; 27 — ходовая рубка; 28 — главный носовой компас; 29 — кожух дымовой трубы; 30 — сходной люк.

БИБЛИОТЕЧКА

Об «Авроре» написано много книг. Некоторые хорошо было бы прочитать и тебе...

КЛЕТКА

для

БУЙНЫХ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

А. Тюрин
А. Щегалев

Рисунки О. Филипенко

Да, глупость и неправду пишут в книжках «НФ». Ищут повсюду цивилизации — и в космосе, и в океане, и даже под землей. А на самом деле другая цивилизация благополучно в наших квартирах устроилась, только никто об этом не знает, кроме меня. А вообще, рассуждать мне особенно некогда, того и гляди жареным запахнет. Какое-то у меня смутное предчувствие, будто вокруг нас, «неподотчетных неграждан», кольцо сжимается. Сначала приличные вещи — книжный шкаф там, пианино, — из квартиры вытурили, одни дохлые тела оставили. Ни почитать теперь, ни поиграть. Потом старичок кактус вдруг задурил. Теперь кошка... Или в них тоже кто-то влез? Да, инспектор ведь так и сказал! Завелись, мол, у нас в квартире гады — из ихних, из граждан, которые своих же вытесняют. Так, может, и за наших «неподотчетных» взялись? Между прочим, я-то сам...

Меня осенило. Это было, как взрыв. Кто-то позпрошлой ночью засадил меня в клетку и еще лез туда вдобавок, а утром выяснилось, что я просто в телевизор превратился. Кто мог такое подстроить? Уж не сам ли телевизор? Кроме него, некому.

Я понял, что пришла пора действовать. От волнения у меня даже голова зачесалась. Я на цыпочках подкрался к большой комнате и заглянул в нее. Не было никаких признаков заговора, вещи совсем не казались живыми, а уж гражданами и подавно. Не знаю, впрочем, чего я ожидал увидеть. Вошел и огляделся по сторонам, пробормотав: «Затаились, уроды целесообразные?» Сказал и подумал: а вдруг телевизор в самом деле не один? В любом случае надо разобраться. Как это у них принято — допросить с пристрастием. Пусть оправдывается, пусть доказывает! Я с опаской включил телевизор и сел перед ним. На экране появилась обычная сетка. Ну, и что дальше? Я стал отрывистым голосом задавать вопросы, как в фильмах про шпионов, а когда перешел на крик, то понял, что со стороны выгляжу очень глупо. Не получался разговор по-мужски или хотя бы по-человечески... Тут сообразил: человек с человеком-то не всегда поговорить может! А с телевизором — вообще безнадега. Ясное дело, надо самому становиться телевизором.

Телевизионная сетка вдруг рябью пошла — знак, что ли? Или случайное совпадение? Ладно, там разберемся. Не успел я даже сосредоточиться, как произошел прямой переход. Вначале ничего не изменилось — стоим мы, два телевизора, друг напротив друга, и снова никакого общения. Хотел уж распрямиться обратно в человека, но слышу, вроде подсказывает кто-то: «Смотри изнутри вовнутрь!» Как это? Я удивился. Куда надо смотреть? Подумал и усек: изнутри себя — вовнутрь вещи. Не знаю, что я там сделал, всмотрелся как-нибудь по-особенному или действительно «изнутри» взглянул, во всяком случае, я увидел вокруг себя совсем другой мир. Все цвета исчезли, звуки тоже. От вещей остались только контуры, сильно смахивающие на клетки самых разных форм и размеров, внутри которых что-то неторопливо колыхалось. Как мы пообщались с телевизором — не знаю, по крайней мере, без слов. Странно, что раньше, когда я превращался в вещи, такого мира не замечал. Наверное, плохо смотрел. В общем, мы имели с телевизором разговор на высшем уровне, и в результате выяснилось следующее.

Телевизор, оказывается, любит людей. Долгое время он был одинок в своей любви, потому что другие граждане не понимали его. Они пренебрегали людьми, считали их беспорядочно снующими сгустками бессмысленности, годными только для поверхностной эксплуатации. Этим твердолобым гражданам все было ясно. Ихние ученые давно вывели законы движения людей, даже наука такая есть: физика бессмысленных тел. Основных законов три. Первый — когда на человека не действуют никакие целесообразные силы, он спит или продолжает делать по инерции то, что делал до этого. Второй — полезность человека равна упорядоченности приложенных к нему целесообразных сил. Третий — действие одного человека вызывает противодействие другого. Косные старики, твердя о почитании законов, не придавали должного значения второму закону. И только отдельные представители прогрессивной молодежи, глубоко изучившие теорию, верили: люди не так необузданны, надо просто помочь им обрести целесообразность. То есть они хотели дать людям счастье. А счастье возможно только при постоянном, а не временном использовании,

Окончание. Начало см. «Костер» №№ 8—10.

и даже не использовании, а непрерывном союзе, когда люди будут окончательно вытащены из мрачного хаоса в светлое царство порядка. Сейчас же, к сожалению, люди слишком часто остаются предоставленными сами себе. Телевизор дол-

го вынашивал мечту, но она так бы и осталась мечтой, если бы совсем недавно не появились у него товарищи-единомышленники. Сплотившись, они образовали маленькую, но — Систему. Телевизор употребил это слово с каким-то особенным

волнением, даже трепетом. Только став Системой, они смогли осознать свой долг. Я, Саша Токарев, здорово помог тем, что бесперебойно снабжал ее необходимой энергией. Это был новый вид энергии, не похожий на прежние, раньше такой чудесной, сильной энергии телевизор от меня не получал.

В ночь на второе сентября телевизор с друзьями провел первое испытание. Были опробованы приемы непосредственного воздействия на объекты и попутно изгнаны из квартиры наиболее остальные граждане, откровенно вредящие всему новому, передовому. На следующую ночь они пытались дать мне целесообразность, «упорядочить» меня, чтобы я пробудился и ответил — зачем я. Для эксперимента было выбрано ночное время, так как люди в этот период не подвержены тепловому движению. Но эксперимент не удался. Вместо того, чтобы научиться порядку, я отчего-то превра-

тился в телевизор... Оказывается, той ночью в меня порядок запихивали! Кошмарики... После этого группа благодетелей поняла, что надо еще потренироваться на малых хаотических объектах. Чем они и занялись — с кактусом, а сегодня с кошкой. Успешно, между прочим. Наша Шерочка и кактус теперь здорово упорядочены. Неожиданным результатом эксперимента стало то, что я научился принимать вид полноценного гражданина, упорядочиваясь постепенно. То есть я стал не только источником энергии, но и настоящим соратником. И теперь я должен очень ответственно отнестись к своей роли в их группе, потому что моя энергия питает все — не только их эксперименты, но и мою собственную способность превращаться. А Система с моей помощью получает возможность упорядочивать людей...

Когда я обратно превратился, то эту речугу даже записал человеческими словами, чтобы не забыть. Ну, чистая фантастика! Зато теперь-то все понял. Козел я и раззява! Урод ушастый. Радовался вещам, обхаживал их, уважал, как самого себя, а они под шумок вон что вытворяют! Какую-то энергию из меня качают, собираются чему-то там нас учить... А их целесообразность мне даром не нужна! Сам вижу — Шери и кактус так упорядочили, что смотреть противно. Стыдно мне и обидно, и даже злость неизвестно на кого появилась — то ли на себя, то ли на группу этих благодетелей. И льстят они что-то больно подозрительно. Ничего не скажешь, опасная компания, и даже не компания, а банда какая-то, фашисты электронные.

Короче, я решил. Бесповоротно решил. Пора завязывать — самому исправляться и банду разгонять. Неужели я действительно ничего сам по себе не стою? Придумал так: раздам на время вещишки. Потом, конечно, заберу назад, через месяцик. И аппаратуру временно разъединю, и себя проверю, и вину перед друзьями искуплю. Родители, конечно, по головке не погладят. Зато первый раз в жизни поступлю, как в книжках про пионеров написано. Значит, Пете Жарову отнесу мафон, игру — Алексу, часы Печкиной дам носить, и пластинки ей же, а Марине ничего не надо — она слишком правильная. Я поднатужусь и сочинение ей накатаю. Сделаю все это сейчас, пока ребята в школе. Бабушкам отнесу и оставлю. Они домой вернутся, тут и приятная неожиданность. А с телевизором разберусь по-простому — сниму заднюю крышку и вытяну из гнезд пару электронных ламп. Устрою мелкую диверсию. Авось поймет, где его место и кто тут хозяин. И «видик» без телевизора заткнется... Самочувствие, правда, не ахти. Ничего, когда болеешь, говорят, полезно потеть. Начну с Барабана, он больше других пострадал...

Взял я магнитофон, вижу, туго придется. Как Петька его (то есть меня) пер? Дотащил до входной двери, стал открывать и вначале ничего не понял. Замок сломался, что ли? Повозился я, подергался — ни в какую. И тут до меня дошло. Происки банды! Запереть, значит, меня решили. Так я и через окно могу выйти, не гордый! Не зря же на первом этаже живу? С магнитофоном

повременю, возьму электронную игру — и к Алексу.

...Рама тоже не открывалась, щеколду заело. Ну знаете, это слишком! Стекло бить? А что, и разобью, подумаешь!!! Вот возьму сейчас статуэтку орла, она как раз на пианино стоит — тяжелая, бронзовая... Не успел я в стекло шарахнуть. Замахнулся бронзовой птицей, и тут же выронил ее от боли. Смотрю, в руке у меня иголка торчит. Тут еще пара иголок мимо головы пролетела, и звуки космические раздались. Кактус! Колючками пуляет, предатель! Не стал я ждать, пока он в меня снова попадет. Бросился на пол и выполз в коридор. Ишь ты, снайпер в горшке! Знаю я, кто тебя стрельбе со звуками обучил. И вообще, за кого они меня принимают? Я ведь стесняться не стану, быстренько отвешу, молоток только возьму, а если он тоже возникать начнет, я и ногой могу.

Я вытащил иголку, потом бросился в свою комнату за ватным одеялом. Думаю, накроюсь им, подберусь, как в танке, и обезврежу кактус. Но только я полез в тумбочку, как рухнула полка с учебниками. Чудом не накрыла меня! Я отскочил, сердце колотится. Еще чуть-чуть, и пришибла бы на месте! Предупреждал ведь инспектор — они и укротить могут, а потом скажут: стихия разбушевалась... Схватил я одеяло... кстати, чтобы открыть тумбочку, мне пришлось помочь себе ногой... затем занял исходную позицию в коридоре. Накрылся с головой и двинулся на четвереньках в большую комнату. Я хотел добраться до подоконника и перекинуть одеяло с себя на кактус. Обезврежу вражеский дот, а там и за вещи примусь. Но смелая атака захлебнулась, потому что на меня прыгнула какая-то тварь. Это было так неожиданно и так страшно, что я даже заорал. И почувствовал, как трещит под когтями моя тряпичная броня. Я извернулся, поймал тварь в одеяло и выбежал обратно. При этом получил две иголки: в плечо и в ногу. Больно...

В коридоре я понял, что тварь, молча рвущаяся из плена, это Шери. Все верно, они ведь и нашу кошку обработали! Держу в руках трепыхающееся одеяло и смеюсь почему-то — ну дурак дураком. Разве можно в такое поверить? Чтобы Шери, такая привычная, такая домашняя...

Ударить я ее не мог. Оставалось только засунуть подлюю куда-нибудь. Стенной шкаф было не открыть, а с дверью ванной я и связываться не стал. Кухня?.. Пока бежал на кухню, с антресолей на меня обрушилось все барахло — дверцы «случайно» раскрылись. Но я только зубы стиснул. И затолкал кошку вместе с одеялом в бак для грязного белья. После чего решил заканчивать эту неприличную войну с собственным имуществом.

Я надел папин тулуп, ушанку и рукавицы. Вешалка, ясное дело, сорвалась, но меня это особенно не удивило. И вступил в большую комнату, пятясь задом. Я твердо намеревался приблизиться таким образом к кактусу, взять горшок рукавицей и запустить им в окно. Но я кое-что не учел. Иголка отскочила рикошетом от внезапно открывшейся дверцы серванта и попала мне в щеку. Тут во мне и проснулось что-то зверское. Никогда та-

кой злости не испытывал, довели они меня. Заметил под ногой бронзового орла, схватил его и с размаху вмазал им по электронной игре.

Война сразу окончилась. Кактус перестал стрелять, и вообще, я почувствовал, что напряжение в квартире упало, хотя внешне ничего не изменилось. Видно, банда поняла, что лучше не рисковать. Я подошел к окну, без помех открыл раму и выбросил кактус на улицу. Рассчитался с предателем. Настала очередь Шери — ее я выгнал на лестницу. Потом опустился на пол прямо посреди разгромленной квартиры и попытался успокоиться. У меня даже колени дрожали. Посмотрел я на то, что осталось от игры, на покореженный корпус, на пластмассовый мусор — в хлам разбита... И во мне шевельнулось что-то похожее на жалость. Неожиданно пришла в голову мысль, такая четкая и правильная, что я даже повторил ее пару раз...

19. «...Началось все с любви», — подумал Саша. Он сидел на подоконнике и рассеянно смотрел на улицу. «Я еще в лагере вещи полюбил, даже не видя. Наверняка это и есть та самая энергия, про которую телек говорил... А теперь крушить их начал. Ясное дело, убийство игры было оправдано — самозащита и так далее, но все равно — это, можно сказать, примитивщина. А раздавать вещи — глупее не придумать, потому что так ты только подтверждаешь свою слабость».

«Вещи нужно подчинить», — вдруг подумал он. Но как?

Рассуждать можно о чем угодно, а вот про-

прыгнул в чем был и бросился спасать ребенка. Коляска была пустая, но зато этот поступок увидела Марина. Она как раз подходила к дому вместе с Алексом. Марина так посмотрела!.. Короче, уважительно. Выяснилось, что Алекс шел к Токареву с официальными заявлениями, а Марина решила поприсутствовать, чтобы не было драки. Она сказала: «Кулаки — это не аргументы», наверное, где-то вычитала. Но Токарев повел себя на удивление непринужденно, и Алекс был вынужден поздороваться. А когда друзья зашли к Саше в квартиру, все обиды улетучились окончательно.

пала ли способность превращаться? Саша первым делом проверил свой дар. Ничего не получилось, и он, конечно, немного огорчился. А с другой стороны, успокоился — не будет теперь соблазна пользоваться чуждыми человеку силами ради мелких пакостей. И банда, наверное, осталась ни с чем — Саша ведь лишил их энергии. Правда, смутное ощущение опасности осталось. Не может быть, чтобы все так просто закончилось! И вообще, каким образом вещи собирались Сашу упорядочить?

Он сидел на подоконнике и пытался вникнуть в замысел вещей. Он долго так сидел, а потом к нему пришли друзья. Собственно, вместе с друзьями пришел к себе домой и Саша, потому что ему неожиданно пришлось выскочить на улицу. Дело было так: он на секунду оторвался от тяжелых раздумий и заметил, что какой-то бритоголовый в форме пэтэушника пнул поавшуюся ему на пути детскую коляску, за которой, очевидно, никто не приглядывал. Коляска покатила в сторону дороги. Саша рванул оконную раму, вы-

Последние школьные новости были сообщены на улице. Петя Жаров купил у одного старшеклассника два билета, отдав все сбережения. На билетах было четко написано фломастером: «Ленинград — Север», но Алекс ехать отказался, поэтому билеты пропали. Матильда почему-то избегала садиться на стул и спрашивала урок, взгромоздившись на подоконник. Душман передавал привет Токареву, справлялся, не забыл ли тот, что второго сентября ему были отданы по ошибке часы марки «Закат», и вежливо просил вернуть их, когда Саше будет удобно. Взамен предлагал фотографию дуэта «Морды Тонки». И вообще, в школе ходило множество нелепых слухов про каких-то двух десятиклассников, которые украли из медпункта телевизор и обменяли его у завхоза на гимнастический козел, и про новый скелет в кабинете биологии, который подозрительно похож на одного ученика шестого класса.

После всего случившегося в квартире, конечно, был беспорядок, но гости культурненько не обратили на это никакого внимания. Алекс

ГЕРОЙ

первым делом подбежал к игре и... Он расстроился. Он даже загрустил. Никто и никогда не видел на лице у Алекса такого отчаяния. И Саша, чтобы утешить друга, был вынужден рассказать всю историю от начала до конца. Почему бы в самом деле не рассказать? На душе полегчает, а то, что не поверят, — так это, наверное, к лучшему. Марина обрадовалась.

— Ну ты заврался, — сказала она с долгожданным восхищением. — Я уж думала, ты совсем сдох.

И еще добавила, что имей она такую способность, то превратилась бы в мамину сумочку, чтобы мама всегда носила ее с собой. Алекс в свою очередь размечтался: он бы заделался журналом «Рыболов-спортсмен», и папа его изучал бы весь месяц. Вообще, Алекс отнесся к услышанному вполне серьезно. Он очень сокрушался о том, что такое ценное умение досталось не ему, растрчено по-дебильски (забыть подкол с магнитофоном было трудно), и к тому же бесследно пропало. Кстати, единственное, в чем Токарев не признался, было то, что именно он сбросил Марину в лужу. Не решился при Алексе. Отложил до более подходящего случая. Затем Алекс пристал к Саше с требованием, чтобы тот показал ему подробно, как нужно скрючиваться. Вдруг у Алекса получится? Какое-то время они спорили, потом Саша со вздохом: «Достал ты меня», приступил к показу. И... Марина взвизгнула. Черного раз десять повторил: «Токарев, ты где?»

Это было так, как будто, прогуливаясь по Невскому, он провалился в люк. Опять? Неужели опять в нем появилась зловредная энергия? На мгновение перехватило дыхание. Или кто-то другой теперь является источником? Алекс... Нет, не может быть. Алекс еще вчера хотел на Север ехать. Хотя, с другой стороны, он сразу зауважал вещи Токарева... Одно было ясно — эксперимент продолжается, и Саша вдруг ощутил усталость. Не ожидал он такого свинства. Совершенно был не готов. И даже вид обалдевшей Марины не развеселил его.

Друзья долго просили показать фокус еще раз. Но в конце концов убрались, потому что пришла мама и выпроводила их без особых церемоний. Мама вернулась слишком рано, она отпросилась с работы ввиду болезни ребенка. К ее удивлению, ребенок не лежал смиренно в кроватке, а вместе с товарищами перекрушил полквартиры и был по всем признакам здоров. Конечно, радость от выздоровления дорогого сына превысила раздражение, и мама, поругиваясь, стала наводить порядок.

Потом у Токаревых был врач, пристыдивший родительницу за ложный вызов.

А когда пришел папа, относительное затишье кончилось. В квартире начало штормить. Папа долго искал вешалку, споткнулся о барахло, упавшее с антресолей, начал постепенно роптать и наконец обнаружил разбитую игру. Дальше разыгралась сцена, в которой солировал он. Потом родители заперлись в спальне, самозабвенно споря о чем-то. Наверное, о методах воспитания трудных шестиклассников. Саша был отправлен в свою комнату до вынесения приговора, и именно в это время...

20. ...пришел новый гость. Точнее, гость уже присутствовал в Сашиной комнате. Конечно же, это был инспектор. Он расположился на кровати и, судя по всему, немного отвлекся, потому что когда Саша потряс его за плечо, встрепенулся и замахал руками, бормоча: «А?... Что?... Позвольте... Только в письменной...» В самом деле — бывший портфель с юных лет предпочитал лежачие места. Его взгляд вскоре прояснился, и он сухо сообщил:

— Незаконно вытесненные граждане возвращены в свои клетки. По факту чего оформлен соответствующий акт.

Взъерошенный Саша не очень обрадовался визиту. Даже «здрасьте» не сказал. И тем более не поинтересовался, как гость попал сюда. Молча уселся рядом с ним на кровати, а в голове его шевельнулась безразличная мысль: «Теперь шкаф откроется. Дождался Алекс свою «НФ». Потом все же едко сказал:

— Мне-то что до ваших граждан! Я буйная стихия, чего со мной лясы точить?

— Буду откровенен, Токарев, — твердо ответил инспектор. — В вашем случае я имею дело с новым явлением. Вы притворялись гражданином, некоторое время укрывались в полноценных клетках, причем собственных. Значит, вы... Вы — оборотень! Порядок взаимоотношений с вами, как с новым явлением, не определен никакими инструкциями, отсутствуют нормы учета, правила эксплуатации... Это страшно. Дело требует разбирательства, но я даже не знаю, обвинить вас или укротить на месте.

Саша с достоинством возразил:

— Я тут ни при чем. Это они виноваты, они! Я их всех расколол. Он сам признался.

— Кто? — сразу спросил инспектор, показав служебную хватку.

Саша пошел в атаку. Он был беспощаден и непримирим. Он заклеил позором и окончательно разоблачил банду шестерых, возглавляемую телеприемником первого класса. Во всяком случае, ему так показалось. Инспектор хмуро выслушал и сказал, кивнув:

— Да, похоже на правду... Это людисты, сплотившиеся в Систему. Я предполагал... — он вдруг начал теревить замочки на пиджаке. Наверное, занервничал.

Саша спросил его в лоб:

— Почему я превратился в телевизор?

— Дело в формодержащей силе...

Саша нетерпеливо перебил:

— А при чем тут форма?

— При том, Токарев, при том. Благодаря этой силе граждане получают и удерживают форму, ведь право на форму имеет каждый гражданин. Когда форма окончательно упорядочивается, становясь устойчивой клеткой, гражданин достигает подотчетности. В данном случае получилось так. Телевизор пытался вытеснить тебя из твоей неустойчивой зыбкой формы, чтобы войти в нее

самому и пользоваться ее могучей энергией. Но он не учел, что подействует своей формодержащей силой. Вот и стала твоя форма похожа на его клетку. Тем самым эксперимент был сорван, а ты запомнил процедуру упорядочивания.

Инспектор удовлетворенно окинул взглядом публику, состоящую из одного зрителя. В нем явно пропал талант лектора. Впрочем, зритель не собирался оценивать его мастерство, он спросил, заикаясь от волнения:

— Зачем телек меня вытеснял?

— Чтобы наполнить собственной целесообразностью, — без запинки ответил инспектор. И пока Саша переваривал эту дикую информацию, поспешил внести ясность.

— Подлинно зрелые граждане считают подобную деятельность аморальной. Имеется в виду деятельность той безответственной молодежи, которая, как ни странно это звучит, любит людей. Эти максималисты еще упаковки не сбросили, а уже вознамерились передать людям достоинство и значимость истинного гражданина. Естественно, тем самым принижая себя до уровня этих беспорядочных сгустков вещества. Такие юнцы называют себя «системными», но добропорядочные граждане нелестно именуют их «людистами», а указанную деятельность «людизмом»...

— Да подождите вы! — перебил его Саша, возбужденный до крайности. — Они что, хотели в меня вселиться? Да? Так это же преступление похуже... Хуже, чем на контрольной не дать спить!

— Это не преступление, — невозмутимо возразил инспектор. — В данном случае уголовно наказуемо только незаконное вытеснение граждан. И наказанием, если оно будет вынесено, никак не может быть демонтаж. Тем более, что их болтовня увлекла и некоторых уважаемых граждан. Они увлекаются сказками об объединении в одну большую Систему, для чего людей как основную помеху тоже нужно охватить Системой.

— Значит, вы собираетесь нас всех упорядочить?! — заорал Саша. — Как Шери, что ли? Испоганили животное!

Инспектор миролюбиво улыбнулся.

— Знали бы вы, как нам, хозяйственникам, надоели эти промасленные крикуны и выскочки. Придумали же себе девиз: «Не следует ждать любви от людей, взять ее — наша задача!» Недоучки! Они даже не представляют, как можно управлять такой махиной, так что, уверяю вас, никаких правительственных документов на этот счет не существует.

Саша немного успокоился.

— Думаете, вы первые такие умные? — сказал он веско. — Мы тоже природу покоряем. А теперь в заливе не искупаешься! Между прочим, вашей Системе первой хуже будет! Если всех людей упорядочить, вы зачахнете, неужели непонятно? Раньше у вас, например, какой был срок службы? А теперь?..

— Да, да, — с готовностью откликнулся инспектор, — раньше хорошо было. Жили долго, целесообразности не теряли. А нынче молодых, горячих это вовсе не интересует, они через каждые

два года меняются. Для них главное, чтобы Система жила.

Наступила пауза. Саша не знал больше, что спрашивать, — все было сказано. На всякий случай он решил уточнить:

— Значит, мой телевизор главарь у людистов?

Если по-честному, такая мысль доставляла ему некоторое удовольствие. Инспектор отмахнулся.

— Компания в этой квартире — мелочь, системка. Руки до них как-то не доходили. — Его лицо неожиданно стало жестким, замкнутым. — Но теперь я ими займусь.

— Александр! — вдруг раздался зычный папин голос. — Ну-ка иди сюда, паршивец!

Разговор закончился. Саша растерянно посмотрел на инспектора, пробормотал: «Я сейчас», и отправился к родителям. Он был слегка оглушен новыми обстоятельствами дела. Вернее, не слегка, а весьма. У него даже в ушах стучало.

В напряженной тишине родительской спальни прозвучали грозные слова: «...запрещается смотреть телевизор и видеомэагнитофон, а также включать кассетник и проигрыватель. Не только сегодня, но и завтра...» Саша молча выслушал приговор и вернулся обратно.

Окно было распахнуто настежь. Он подбежал, перегнулся через подоконник. Внизу на асфальте лежал портфель. Лучше сказать — то, что было когда-то портфелем. Лопнувший по швам, с выдранными замками, с многочисленными резаными и колотыми ранами. Это инспектор — вдруг сообразил Саша. На глаза у него навернулись слезы. Точно! Изумленный, он смотрел вниз. Что тут произошло? Несчастный случай?

Инспектора было жалко. В общем неплохой дядька, душевный. Вот только должность его портит — во все вмешивается, заставляет оправдываться, пристаёт по пустякам. А теперь... Вид изувеченного портфеля был ужасен. Ничего не скажешь, умелая работа. Создавалось впечатление, будто в инспектора силой пихали что-то большое, массивное, с острыми углами. И он не выдержал. Лопнул... Саша похолодел от страшной догадки. Его избили! Это расправа! Системщики поняли, что засветились, и решили его проучить. Или это убийство?..

Под окном неожиданно появилась дворничиха. Она завопила:

— Ты че портфелями бросаешься! Не видишь, помойка рядом? Ишь, барин, подбирай тут за ним!

Она взяла тело пострадавшего гражданина и понесла его к мусорному баку, вдохновенно осуждая нынешнюю молодежь. Саша завопил: «Подождите! Это инспектор!» Но дворничиха уже решительно подошла к месту и, не колеблясь, завершила печальную церемонию. Все было кончено.

Саша закрыл окно. Тут на глаза ему попался мятый клочок бумаги, валявшийся на подоконнике. Он развернул его.

«ВОПРОС: — Так вы отказываетесь признать себя виновным?»

ОТВЕТ: — Но я же не виноват!

ВОПРОС: — Потому до сих пор и отказываетесь?

ОТВЕТ: — А что мне за это будет?..»

Очевидно, это были обрывки протокола чьего-то допроса. Вот и все, что осталось от бюрократа. Вот и все.

Саша упал на кровать и замер. Через некоторое время мама просунула в дверь голову и сказала:

— Сашуля, мы с папой идем к дяде Севе, у него день рождения, — и шепотом добавила: — Да не грусти ты так. Папа у дяди Севы быстро отгадет.

— Не вздумай включить телевизор! — донеслось из прихожей серьезное папино предупреждение.

И родители ушли.

Саша лежал ничком на кровати и в очередной раз все-все понимал. Ему было даже слегка не по себе. Впрочем, ощущалась и смутная гордость: еще бы, расколол такую задачку!.. Цель банды вещей — приручить меня, ну и, конечно, всех нас. Они собрались сделать из нас заводных дурачков, которые будут с утра до вечера работать на них. И главное — любая классная вещь может стать этим самым «людистом», то есть ответить любовью на любовь, если человек даст ей свою энергию! Вот в чем ужас. Они все не плохие и не хорошие, они целесообразные, и поэтому непонятно, с кем, собственно, нужно бороться. Так и прокукуешь всю жизнь в клетке.

Похоже, Хлумов уже приручен. Правда, он несколько не расстроен этим. Во многом он лопух и останется им навечно, но... Хлумов прекрасно знает: где что продается и в какую цену. Он считает в уме, урча от удовольствия, причем намного быстрее Матильды, в особенности любит считать доходы. А как он владеет игрой «Монополия»! Все шестиклассники увлечены «Монополией», но Хлумова теперь победить невозможно. В глазах его частенько прыгают цифры — так же, как на экране папиного компьютера. А некий мальчик со спортивным велосипедом? Может, и он тоже? А Алекс, который потихоньку завидует? А другие шестиклассники с их шузами, майками, нашлепками?

Примерно такие странные вопросы бродили в голове у Саши Токарева. Когда же они ему надоели, вдруг возник новый вопрос, куда более насущный. Что будет дальше? Здесь, в этой квартире?

Он вскочил. Он ужаснулся.

Папа в последнее время здорово изменился. Появилась в нем какая-то новая энергия — страшно знакомая. Как папа теперь смотрит на «видик»! Примерно так он раньше смотрел на маму... Цепочка ясно видна. Сначала шкаф с пианино, потом Саша, кактус, Шери... И если эксперимент продолжается, то этой ночью — очередь за папой. Система упорядочит его! А потом? Каждый вечер мама пилит папу за то, что он купил электронный

хлам вместо настоящих вещей. Ведь ей позарез нужно кожаное пальто. Зачахнет она без пальто и все тут. Папа уже обещал напрячься и купить.

Саша заметался. Надо было что-то делать. Немедленно. Бежать на чердак, звонить дяде Севе, смываться из дома?.. Потом немного успокоился. «Спасу родителей», — твердо сказал он себе. Но как? Раздолбать вдребезги всю банду? Купят новую, а меня отправят на заслуженный отдых — в интернат для дефективных. Попробовать победить распоясавшееся железо? Сумею, наверное. Ведь я его уже ни капельки не люблю... Кстати, насколько меня успели упорядочить? Смог же я разговаривать с портфелем, пообщался с Системой в моей квартире...

Откровенно говоря, Саша Токарев был в отчаянии. Ни в чем он не был уверен, потому что имел очень слабое представление о том, как побеждают вещи. В груди стало холодно и тесно — от понимания собственной слабости. Может, все-таки отдать Алексу что-нибудь? Да нет, папа тут же заберет обратно...

План действий родился сразу. Странный это был план, непродуманный, болезненный. Да и приводил ли он хоть к какому-нибудь результату? Неизвестно. Во всяком случае, план предполагал четкие действия, а когда есть возможность действовать, исчезают и слабость, и отчаяние.

Саша сделал следующее. Включил телевизор, нашел по одной из программ весьма скучную, но познавательную передачу «Вечер в Эрмитаже», в которой давался очень важный материал по залам №№ 217—221, и поставил видеомэгафон на запись. При этом он стирал классные мультфильмы. Затем установил на проигрыватель пластинку для изучающих английский язык — из комплекта «Повторяй за нами». И стал записывать ее прямо на кассету с песнями «Морды Тонки». Ему было жалко, невыносимо жалко, но он терпел. Ему хотелось остановить эту пытку, но он держался. Рушилось то, к чему он успел так привязаться. Саша лег на кровать и попробовал думать о том, как усядется сейчас за пианино, сыграет «собачий вальс». Или как достанет книжку из шкафа — стекла-то двигаются. А завтра пойдет обследовать чердак, чтобы не дать этой истории закончиться так просто. Но милые сценки почему-то плохо представлялись ему, и тогда шестиклассник Александр Токарев заплакал.

Он повторял сквозь слезы, наверное, чтобы успокоиться...

21. ...пусть пленка крутится. Пусть все сотрется. Пусть. И тут я заметил, что индикатор записи не горит. Значит, и запись не идет? Но я же включал! Честное пионерское! Я же включал!..

Веселый

Звонок

Составил и оформил Л. Каминский

В жизни всякое случается
Подчас,
Мне навстречу ковыляет
Карабас.
И хромает, и рыдает
Барабас —
Слезы горькие роняет
Он из глаз.
— Где вы были,
Карабас-Барабас?
Почему у вас подбит
Правый глаз?
Бороды как не бывало
У вас,
Что случилось,
Карабас-Барабас?
Чешет сбитое колено
Карабас:
— Я попал на перемену
В третий класс!

Ю. МАКАРОВ

Дорогой Учитель смеха!
На уроке математики нам задали на дом придумать задачу. Я задачу придумал, но она получилась такая трудная, что даже сам не смог ее решить.
Помогите, пожалуйста!

Максим А., Харьков

Дорогой Максим!
Ты действительно придумал очень сложную задачу. Но я все-таки сумел ее решить. У меня получился такой ответ:
«С одного га пахотной земли на одну корову, вышедшую из пункта А, приходится 35,5 литров бензина в час».

Учитель смеха

Дорогой Учитель смеха!
Посоветуйте чем мне лучше заняться — гимнастикой, валийболом или хакеем.

Вова Горохов, 5 класс

Дорогой Вова! В первую очередь тебе нужно заняться русским языком.

Желаю успеха,
Учитель смеха

Здравствуй, Учитель смеха!
В журнале «Пионер» № 4 за этот год, в разделе «Переменка» я прочитала смешной рассказик «Привычка», который прислали Н. Курбатова и М. Юсупова из Златоуста. Он начинается так:

«Когда до звонка осталось всего пять минут, в класс влетел Дима Курочкин.

— А вот и Курица явилась! — обрадованно крикнула Оля».

Но я вспомнила, что похожий рассказ я уже читала. Он был напечатан в журнале «Костер» № 1 за 1987 год и тоже назывался «Привычка». Начинался он такими словами:

«В класс влетел Сергей Петухов.

— А вот и Петух явился! — прокомментировал Телегин».

И дальше все очень похоже, только подпись под рассказом другая — Лена Колбасова из Челябинской области.

Как же так? Выходит, что Н. Курбатова и М. Юсупова просто списали у Лены? По-моему, это очень плохая «привычка».

Гая Воронова, Москва

Дорогая Гая!

Ты не совсем права. Бывает, что некоторые «авторы» списывают слово в слово. А девочки из г. Златоуста проявили большую фантазию: заменили Петухова на Курочкина. Это не каждый сумеет!

С уважением,
Учитель смеха

Конкурс

„И все засмеялись!“

Рисунки
М. Беломлинского

В класс вошел учитель, и начался урок. Как всегда, через три минуты влетел запыхавшийся Сидоров и, ни слова не сказав, уселся за свою парту.

— Сидоров,— обратился к нему учитель,— а где твоё «здравствуйте» и «можно войти»?

— Здравствуйте, Олег Петрович,— сказал сидящий Сидоров,— можно войти?

И все засмеялись!

Света Ивашкина,
5 класс, Тамбов

Однажды мы писали сочинение на тему о культуре поведения. Потом учительница попросила Витю Кукушкина прочесть свою работу.

Витя открыл тетрадь и стал читать:

— Однажды я бежал по улице и неожиданно сбил с ног старушку. Мне было очень стыдно. Я ей помог подняться, а потом за это извинился...

И все засмеялись!

Люба Щербакова,
3 класс, п. Сосенский
Калужской обл.

Галина Антоновна сказала: — Ребята, сегодня мы будем рисовать домашних животных. Давайте подумаем, кого мы будем рисовать.

Зина сказала:

— Я буду рисовать корову. Тут Саша изобразил пальцами рога и замычал: «Му-у-у!»

— Вот видишь, Зина,— сказала учительница,— ты даже можешь сделать свой рисунок с натуры!

И все засмеялись!

Вика Терентьева,
5 класс,
Омск

На уроке природоведения мы проходили тему «Зубы и уход за ними». Вызвали к доске Андрея, и он начал рассказывать:

— За зубами нужно следить, утром и вечером обязательно чистить щеткой.

— А еще что? — спросила учительница.— Кто дополнит ответ?

Тут встал Миша и сказал:

— А еще нужно регулярно ходить к врачу и проверять у него зубы!

И все засмеялись!

Коля Бузин,
с. Биджан
Хабаровского края

Уже во времена императрицы Елизаветы в Академии наук было достаточно бюрократов и казуистов. Химик Леман как-то пожаловался, что ему полгода не выписывают угля и он не может проводить свои опыты.

«Раз вы не получаете угля и не можете работать, то и никакого спроса с вас нет. Аккуратно получайте жалование» — гласил полученный им из канцелярии ответ.

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Илья Малышев из абхазского города Гагры пишет стихи и песни. Сам их исполняет, аккомпанируя себе на гитаре или фортепиано. Со своими песнями Илья выступал перед делегатами XX съезда ВЛКСМ в Москве и на IX Всесоюзном пионерском слете в Артеке. Илья активно занимается общественной работой и даже выбран председателем городского пионерского штаба.

ТИШИНА

Почти на самом берегу
стоит большой наш дом.
Часами я смотреть могу
на море за окном.

Какая синяя равнина!
Какой торжественный покой!
Вдали мелькнул плавник дельфина —
и я машу ему рукой.

Сегодня море отдыхает,
вода застыла, как стекло.
Лишь чайки целый день летают,
пока на улице светло.

Любимые поэты Тани Бабиковой — Пушкин, Блок и Есенин. А из современных поэтов ей очень нравится Евгений Евтушенко. Таня живет в Ярославле и в своих стихах старается передать красоту русской природы.

ОСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Золотом осыпаны тропинки,
Золотыми стали тополя.
Вновь трепещут на ветру рябинки,
И листвой покрыта вся земля.
Небо стало очень часто плакать,
И немного скучно во дворе.
Вечерами на дорогах слякоть,
По утрам — заборы в серебре.
Эта осень в двери к нам стучится,
Утром — будит криком птичьих стай.
В каждом доме на столе дымит
Свежий и румяный каравай.

Дима Заславец учится в 5-в классе школы № 5 города Черновцы. Дима — редактор классной стенгазеты. Для своей газеты он написал несколько маленьких рассказов. Один из них мы сегодня публикуем.

КУСОЧЕК ХЛЕБА

У бегущего к автобусу человека из сумки выпал кусок хлеба. Не успел автобус отъехать, как к хлебу подскочил проворный воробышек. Набил полный клюв крошками и улетел.

Проводила его расстроенными глазами опоздавшая рыжая кошка, ухватила свою толику от горбушки и убежала.

А все, что осталось, на бегу подхватила пробежавшая мимо дворняжка Шарик.

Вот так и получилось, что живущие вразлад друг с другом животные и птица от одного кусочка хлеба сыты стали и друг дружку не обидели.

Оформление Н. Куликовой

ИДЕТ ЗАПИСЬ В АРЧЕБЕК!

Кого же принимает под знамена славной Армии Разведчиков Черно-Белых Клеток знаменитый шахмат-адмирал Ферзьбери?

А. Тех, кто умеет играть либо в шахматы, либо в шашки (русские или международные).

Б. Тех, кто пока играть не умеет, но хочет научиться, и научиться так, чтобы побеждать всех своих одноклассников и друзей.

Возраст не ограничен!

Каждый вступивший получит возможность выполнить спортивный разряд, бороться за дипломы и призы в Чемпионате АРЧЕБЕКа и в конкурсах — «Майский приз», «Я — композитор», «Первый шаг», «Новогодний приз». Все эти соревнования состоятся в 1989 году.

Чемпионат начнется уже в январе. Поэтому, не теряя времени, пиши на имя Ферзьбери просьбу о приеме — «Прошу принять меня...» Уже умеющие играть будут зачислены в разведчики, а не умеющие — в Отряд резерва, где пройдут нужную подготовку.

Специального ответа ждать не надо: приняты будут все написавшие. Вступайте в АРЧЕБЕК!

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКа

В конкурсе «Майский приз» («Костер» № 5) награждаются: за задачу № 1 — Денис Груздков (п. Боголюбово), за задачу № 2 — Чермен Кокоев (Цхинвали), за № 3 — Оля Ницете (Волноваха), за № 4 — Толя Павлушкин (с. Пяша), за № 5 — Олег Искандиров (п. Первомайск), за решение всех пяти задач — Павел Пранман (Винница), Надя Фролова (с. Н.-Озерное), Володя Хромов (Орск).

Вот решения призеров: в задачах А. Шапошникова фигуры надо поставить так — в № 1 белые: Крf6, Се5, Кh6, черные: Крh8, (1. Крg6X); в № 2 белые: Крс7, пп. d6, d7, e4, черные: Кре6, пп. e5, f6, (1. d8KX); в задаче № 3 мат в 2 хода — 1. с8K!; в задаче № 4 (А. Дягилев) мат в 3 хода — 1. Сg4!

hg 2. Лb1, а если 1... h4, то 2. Лb3; в задаче № 5 (В. Антипов) мат в 4 хода — 1. Ch8! Кр:a2 2. Крс2 a4 3. g7.

Верные ответы прислали и многие другие разведчики. **Всем участникам этого конкурса шахмат-адмирал Ферзьбери выносит благодарность!**

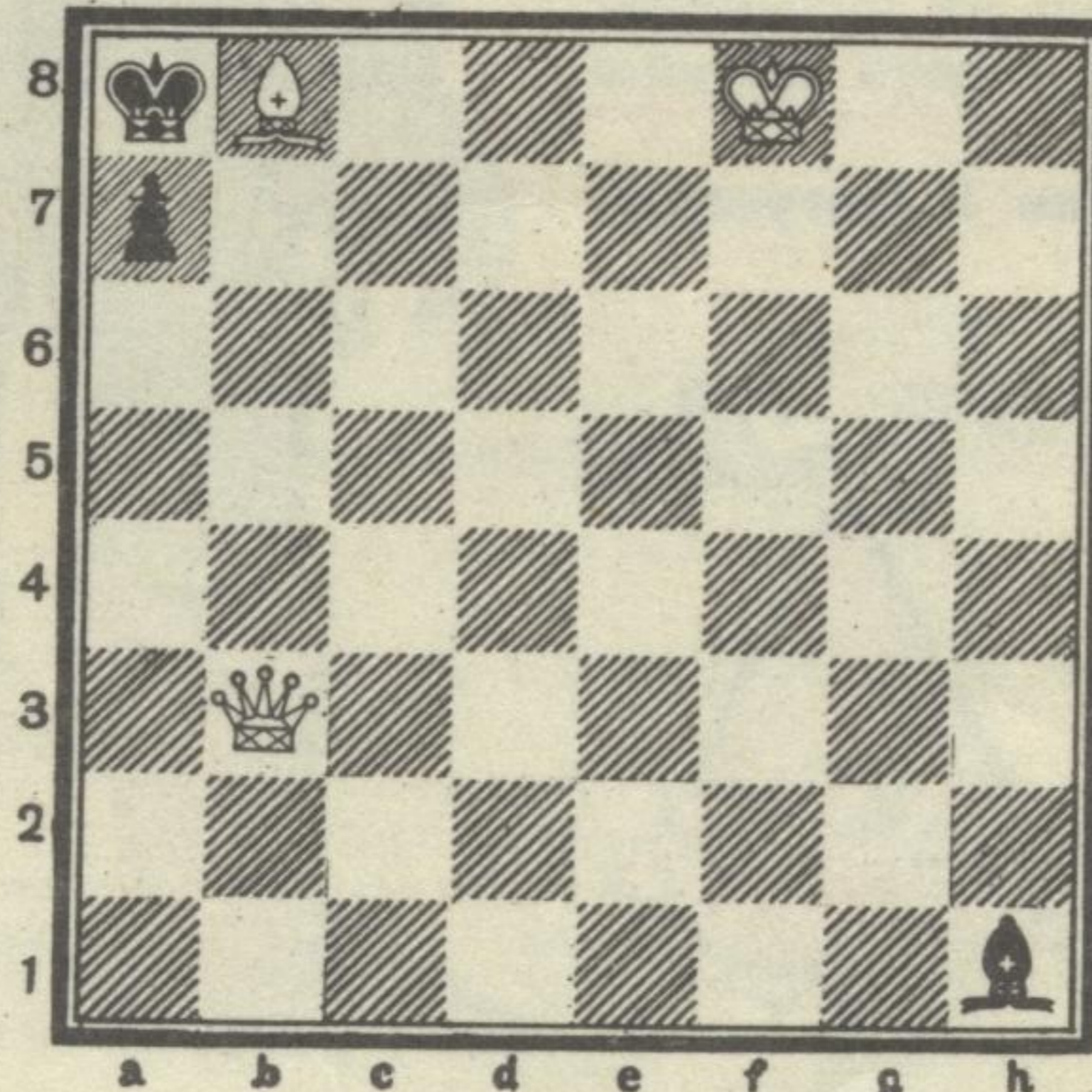
ТЫ САДИШЬСЯ ЗА ДОСКУ...

Как лучше начать партию? К чему стремиться?

1. Быстрее выведи на боевые позиции свои фигуры! Старайся обогнать в этом противника. И без промедления делай рокировку: ведь тогда король окажется в более безопасном месте — в углу, где его удобнее защищать от вражеских атак, а бездействующая ладья будет введена в бой.

2. Добивайся превосходства в центре! Центральные поля (d4, d5, e4, e5) ценнее и надо уже в дебюте стараться установить над ними господство: располагать свои фигуры так, чтобы они обстреливали эти поля, держали центр под контролем.

3. Правильно устанавливай пешки! Фигуру, сделавшую неудачный ход, можно вернуть обратно, а пешку нет: если уж она шагнет вперед, то хорошо это будет или плохо, но навсегда. В дебюте пешками лучше делать только те ходы, которые помогают развить свои фигуры и захватить центр.

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Заходите, пожалуйста! Сегодня проводит тренировку один из победителей Чемпионатов АРЧЕБЕКа 70-х годов Николай Зиновьев (Усть-Каменогорск). Постарайтесь решить эти три его задачи — они не очень трудные, но составлены так, чтобы каждый, кто найдет верный ответ, испытал удовольствие.

№ 1. Белые: Крс4, Фг7, пп. b5, c7; черные: Кра7, п.b7.

№ 2. Белые: Крг3, Фb7, Cf6, Ке3; черные: Крд6, Cd7.

№ 3 — диаграмма.

Что нужно найти? Как в № 1 объявить мат в 2 хода, в № 2 — тоже мат в 2 хода, в № 3 — мат в 3 хода.

Доблестные разведчики! Напишите, за сколько времени решили вы задачу № 1, за сколько — № 2, за сколько — № 3. И какая понравилась вам больше других.

СТОЛ НАХОДОК

Сюда был доставлен пакет, в нем пять позиций: две по РШ, две по МШ, одна по ШХМ. Вот такие —

А. (Юнис Абдуллаев, Кировабад). Белые: b2, c1, d2, g3, h4; черные: a5, d4, g7, h6, h8.

Б. (Белыми играл Саша Дружинец из г. Лубны). Белые: пр. c1, d2, e1, f2, f4, g1; черные: Д. a1, пр. a3, c7, f6, h4.

В. Белые: 28, 37, 39, 41, 45; черные: 9, 12, 20, 26, 30, 33.

Г. Белые: 25, 29, 34, 39, 40; черные: 13, 14, 15, 19, 22, 32, 35.

Д. (Вячеслав Антипов, Боровичи). Белые: Крд4, Фf4, Кd1; черные: Кра1, пп. b2, d2, g3.

Дежурил по «Столу находок» разведчик Коля Игнатъев. Он распечатал пакет, посмотрел позиции и доложил: — Товарищ шахмат-адмирал! По данным разведки в А, Б, В, Г белые должны победить, в Д объявить мат в три хода!

А ваше мнение, доблестные разведчики? Все согласны с Колей?

Остался месяц до Нового года. Самое время подумать о костюмированном школьном /а может, и домашнем?/ празднике.

Снежана Баранова из пос. Дровяное Читинской области предлагает КОСТЮМ СУЛТАНА. Она получила за него первое место на прошлом карнавале. Чалма — валик /ткань сшивается чулком, набивается ватой/, перехвачен-

ный спереди брошью. К лыжным шароварам или пижамным штанам у щиколотки пришиты цветные оборки или бахромы. Халат /мамин или бабушкин/ перепоян шарфом. На тапки пришиты помпоны. Борода из мочалки на резиночке. Полумаска. Вот и все детали этого костюма. Снежана уверяет, что в нем тебя никто не узнает на карнавале.

Чалма из тряпичного валика — хорошо. А я могу предложить для костюма восточного владыки ТЮРБАН из... воздушного шара. Ну, а если быть точной, тюрбан мы сделаем из папье-маше, а шарик послужит болванкой. Итак, надув воздушный шар, густо смажь его вазелином, затем приклеивай к нему клейстером обрывки газет. Площадь шара закрой пятью слоями бумажек и оставь сохнуть при нормальной температуре /от жары папье-маше может потрескаться/. Когда бумага высохнет, осторожно выпусти воздух из шара и извлеки его. Бумажная форма немного сожмется, ее можно поддуть в отверстие снизу. А для тюрбана отверстие нужно расширить так, чтобы он плотно сел на голову. Раскрашивай форму плотной краской — гуашью, темперой. Укрась тюрбан настоящим или бумажным пером.

Таким же способом делаются оригинальные ОГРОМНЫЕ ГОЛОВЫ для карнавальных костюмов. Они легкие. А если будут соскальзывать с плеч, их можно прикрепить специальными ремнями.

Уши у ТИГРА — бумажные конусы, приклеенные к голове до раскраски. Когти на ногах вырезаны из фольги и приклеены, а на перчатках сделаны из любого подходящего материала и нашиты. Туфли у КЛОУНА из фетра, в носки набита газетная бумага.

Отправляясь на карнавал, не забудь захватить с собой английские булавки, ножницы и иголки со вдетыми нитками — в экстренном случае ты сможешь поправить свой костюм и помочь друзьям.

А что делать с костюмами после карнавала? Те, которые ты считаешь нужным сохранить, выстирай или вычисти и уберечь. С тех, что можно выбросить, сними полезные украшения — тесьму, искусственные цветы, перья, бусины, блестки, которые пригодятся для последующих костюмов.

МАША СОВЕТУЕТ:

Старые кожаные перчатки не выбрасывай: вырезав из них геометрические фигурки, используй при ремонте варежек.

Нижнюю часть капронового чулка или колготок можно подшить к шерстяным носкам, которые быстро снашиваются в лыжных ботинках. Это продлит срок службы носков.

Чтобы очистить замерзшее стекло ото льда, протри его крепким соляным раствором.

Чтобы легче было вымыть отопительную батарею — «гармошку», сделай так: подставь под нее поддон из холодильника и промойвай горячей водой из чайника. Струя должна быть сильной.

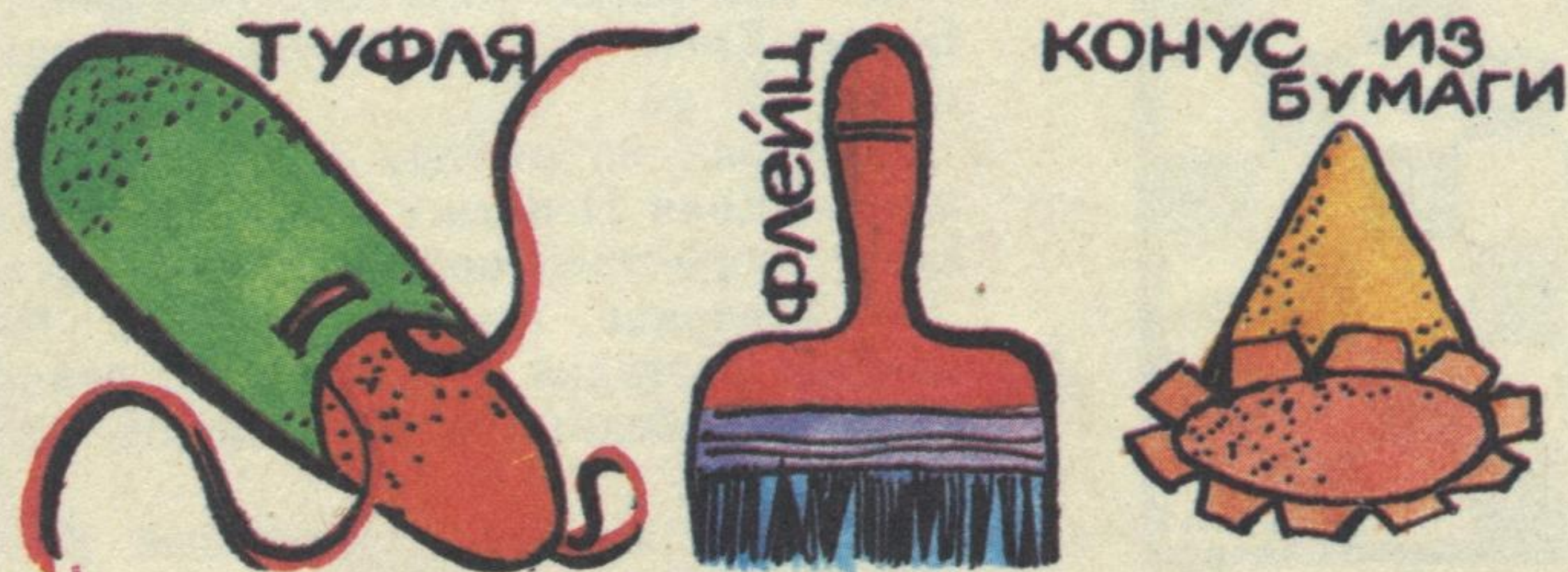
Рисунки Т. Петуховой

СУЛТАН

ТИГР

КЛОУН

Вот и завершился наш традиционный конкурс любителей головоломок. Всем его участникам остается ждать двенадцатый номер журнала, где будут подведены итоги, и готовиться к Конкурсу-89!

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Оформление А. Януса
Загадочное Число

Напишите цифрами число, состоящее из одиннадцати тысяч, одиннадцати сотен и одиннадцати единиц.

2 дровосека срубили 2 дерева за 2 часа. Сколько дровосеков за 5 часов срубят 5 деревьев?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ №10

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Дело в том, что последний стул занял гость под номером 2, а не 7. Седьмому гостю места за столом просто не нашлось.

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

По горизонтали: 2. Лес. 3. Скунс. 4. Соловей. 5. Златокротик.
По вертикали: 1. Снегурочка.

ЗАГАДОЧНЫЙ КВАДРАТ

Ответ смотри на рисунке:

3	4	2
2	3	4
4	2	3

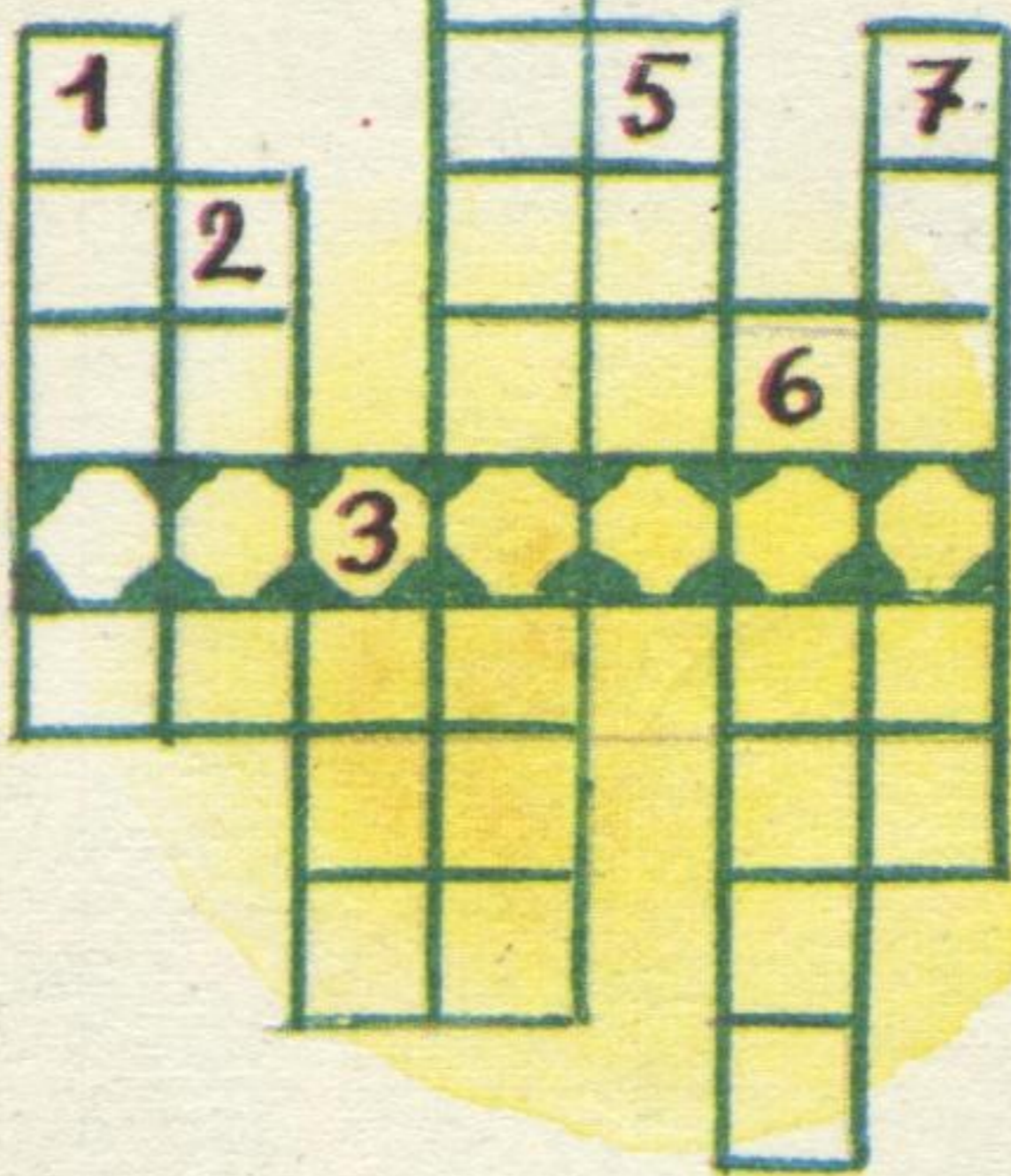
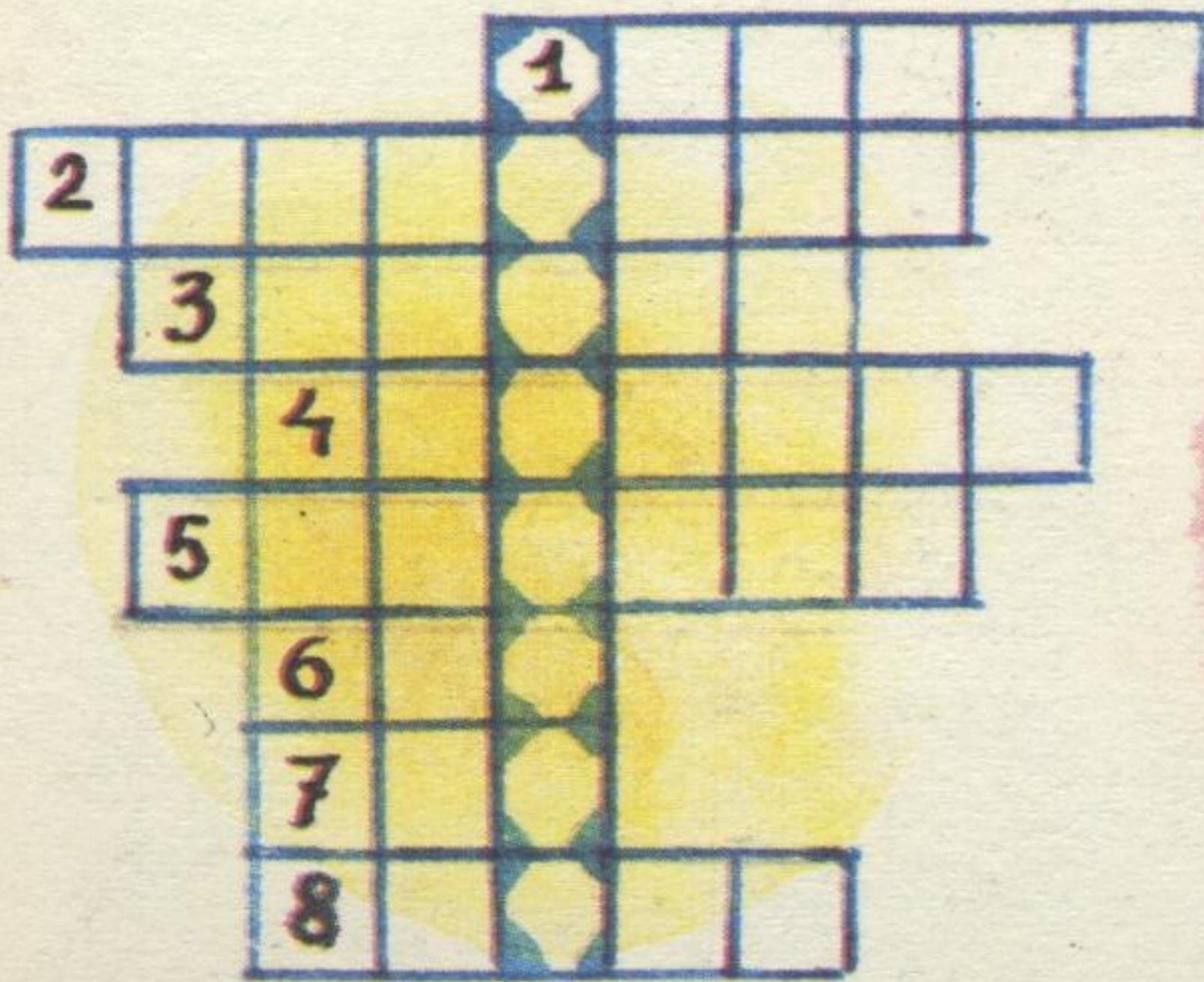

ОПАСНОЕ РАЛЛИ

— Это самое сложное ралли в мире, — рассказывал своим друзьям профессор Синицын, — на первом его этапе в реке застрял один из пяти автомобилей. Затем на очень крутом вираже три машины из десяти попали в кювет. В темном извилистом ущелье осталась 1 машина из десяти. А финиш ралли проходил по песчаному берегу моря, где два автомобиля из пяти безнадежно завязли.

А теперь скажите мне, каков будет процент машин, не дошедших до финиша?

Конкурс Кроссвордов

Володя Тюляев из Москвы составил два небольших географических кроссворда.
«Озера мира»: 1. Озеро на юге Швеции. 2. Озеро в Канаде. 3. Самое глубокое озеро в мире. 4. Озеро в США и Канаде. 5. Озеро в Кении. 6. Озеро в Австралии. 7. Одно из Великих озер в США. 8. Большое озеро в Африке.

В вертикальном столбце — крупнейшее озеро Африки.

«Города мира»: 1. Город в Великобритании. 2. Город в Бельгии. 3. Город в Австрии. 4. Столица США. 5. Город в Венгрии. 6. Город в Австралии. 7. Город в Албании.

В горизонтальном ряду — столица одного из социалистических государств Европы.

Главный редактор **О. А. ЦАКУНОВ**

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, О. П. ОРЛОВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), **Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА**

Художник-редактор **А. Н. АЗЕМША**

Технический редактор **В. И. МЕЦАТУНОВА**

Корректор **Д. Г. ЛАЗДАН**

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-37767. Сдано в набор 05.07.88. Подписано к печати 08.09.88. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,0. Печать офсетная. Тираж 1 275 000 экз. Заказ 650. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 дважды ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского производственного объединения «Типография им. Ивана Федорова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, г. Ленинград, ул. Мира, 3.

ВИКТОРИНА С РИСУНКАМИ

1. Легендарная..... Она состояла на вооружении конных армий в..... войну.
2. Первый орден Советской республики — орден Красного Знамени. Учрежден в году. Орден № 1 получил
3. С такого выступал в апреле года перед рабочими Петрограда В. И. Ленин.
4. Нельзя представить себе красногвардейца или красноармейца без винтовки; изобретенная еще в 1891 году, она верно служила русской армии.
5. В гражданскую войну прославились Одним из них командовал и на нем погиб герой войны матрос